

18+

Анна Аггаль-Бушуева

БЕЗДНА
СИМВОЛИЗМА
СОВЕСТИ, КОТОРАЯ
МОЛЧИТ

Анна Атталъ-Бушуева

Бездна символизма

совести, которая молчит

<https://litres.ru/74149297>

ISBN 9785007001588

Аннотация

Ты не знаешь, где начинается твой истинный путь и как он будет проходить в твоём же будущем? Но пугаешь постоянно детишек своими ужасными историями про несчастных людей. От которых все в одночасье отвернулись и не оставили даже крошки того тепла, что можно достичь сегодня в мире людей. Потом же ты ищешь своё внутреннее оправдание за прошлое этой же жизни, а находишь там простой и понятный символизм для души. Мистически превращаясь в знак своей же аллегии пути на истину дум о свободе.

Содержание

Сборник рассказов: «Бездна символизма совести, которая молчит»	5
Предисловие	5
Когда не можешь пережить такое	13
Мне символ — бездну преподнёс на имя	74
Отгадывая сложностью планет — свою любовь	130
Готический ворон устался — в пять	185
Достигая своей неизбежности жить	242
Конец ознакомительного фрагмента.	281

Бездна символизма совести, которая молчит

Анна Атталь-Бушуева

© Анна Атталь-Бушуева, 2026

ISBN 978-5-0070-0158-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов: «Бездна символизма совести, которая молчит»

Предисловие

Студёный вечер чествовал твои надежды на лучшую жизнь, а ты говорил мне, что будешь паинькой. Таким, как это сможет себе представить среднестатистический мужчина, проживающий, например, в Европе или говорящий на нескольких языках. Ты выглянул в окно, а курьер, уже не дождавшись выехал обратно, также топорно и гладко, как приехал на твою улицу. Он будто думал, что привёз что-то ценное, но это самое ценное не стоило ни гроша и ты остался ждать ещё много времени. Так и ждёшь своей посылки для мудрости или выглядишь, как робкий джентльмен, который находит в каждом дне свою мимолётную выгоду, а потом может и не спросить: «А, ведь, что такое чудо на самом деле?». Оно ведь появляется и исчезает также внезапно, как и ты перед зеркалом. А потом своенравно утяжеляет форму твоего естества и ты становишься с ним как бы на одной ноге. Стоишь и не видишь, что ныне Петербург стал похож на европейский город со всеми своими сереющими фасадами зда-

ний и ожиданием на вокзалах и площадях. Когда студёный вечер не такой уж и холодный, а ты можешь не видеть пустого символизма в отражении прошлого и будущего. Но звать свой червлёный путь на свободу, чтобы от тщеславия пройти на более высшую ступень своего мнительного будущего. Если она и есть сегодня, то движет тобой незаметно, когда ты притрагиваешься к зеркалу, когда выходишь покурить на балкон.

Многое в твоей жизни одиноко и тщетно, а работа, как умысел личной выгоды без игры в прятки — всё также таит новый путь символов наружу. Ты выльешь их сегодня и будешь пить из кубка страсти и страха, но также тщетно, чтобы говорить приятное в глазах своей мнительной свободы. Ты выжил здесь, но не можешь угадать свою ступень развития на Земле, потому что не знаешь, где та самая последняя её часть, а где самая нижняя воля движения души человека. Доведя до своего идеала внутреннюю мечту ты высох от работы и стал притворяться в наивности пустого созерцания личного я. Ты смотришь уже как-то по-другому и месяц за месяцем Петербург преподносит ту же частность вычурной боли на таких благовидных предложениях души, что даже ты сам не сможешь понять — кто ты такой? Судьбой символизма ты пишешь рассказы и прикалываешься с друзьями, а они потакают твоему чувству юмора, как новенькому автомобилю. Сегодня был четверг и он очень тебе запомнился, своей свободой и художественным откровением, а может своей на-

добностью блуждать как бы поодаль от писем и не смотреть уже назад. Когда петляет не сама жизнь, а преподносит ужас из запутанных аллегорий, а ты пытаешься их угадать в пути символического чувства своего бытия. Тебе немного плохо или ты ещё не знаешь, как чёрный день своими могучими щупальцами сможет угнаться за радостью в твоём же будущем и представляешь его более озадаченным, чем раньше. Так ты всматриваешься в путь символического образа себя самого и понимаешь кто ты такой на самом деле.

Петербург расстался с витиеватой проблемой твоего образа личности, а ты уносишь пути объективной реальности, чтобы продать как можно больше чувству наружу. Но ведь ты не артист, а просто чувство ментального озадачивания людей вокруг себя самого. Пока ты лечишь других людей или пытаешься им доказать свою истину пребывания над миром — их совсем не трогает твоё представление о Вселенной или то, как ты путешествуешь по миру. Когда, вспоминая свой прежний образ жизни — ты просто печалишься от странных неудач и ждёшь их круг дальше, но он не происходит. Жизнь как бы замедлила свой бег, приноровившись к твоему ментальному прообразу личности, чтобы не упустить своего шанса выбраться из бездны. Ты сам её себе придумал и лично выточил из молекул преждевременного счастья — быть самым собой. Вокруг тишина и падают листья прямо тебе на голову, а тёплый шёпот витиеватого общества составляет трагедии на новой основе политической реальности. Так

символ за символом ты учишься быть ещё сильнее и огромное в своём предпочтении к свободе личности. Освобождая бездну из полноценного общества и трогая её образ проводника, которого ты не досчитался уже как с неделю. Может быть он просто упал тебе на голову, а ты не заметил или выгнул просторы социальной красоты, но не говорил кто ты такой? Ты молчишь и тени соскоблили твою красоту с одежды, как бы убирая тон из прежнего счастья на новый серый пейзаж — говорить или думать прагматично, не высываясь из полноценной невидимки будущего общества.

Этим миром ты стал неслучайно и он так тебя держит, что символ за символом ты усложняешь бег на конечности полноценного ужаса быть никем. Это не может быть нигилизмом, а просто усложняет твою религию бытия. Как автора и полноценного художника, который видит представление на каждом картоне, на котором рисует свою свободу жизни. Сегодня ты сам нарисовал её и внутренне стал более уверенным человеком. Ты нашёл свой мир, как уютный дом и он верит, что великий океан хаоса стихнет и ты поступишь так, как хочешь именно сам в своей повседневной жизни, без подсказок других людей. Они то и дело смотрят неодобрительно вокруг тебя, и что-то предпринимают по отношению к жизненно-му эго. Но оно не хочет большей выгоды, а само продолжает стиль манеры, как маленький рыцарь из подлинного чувства человека на тебе. Когда ты не ждёшь, а просто смотришь вокруг обывателя из своей природы, когда молчишь или пы-

таешься выждать ещё диалог между совестью и благом чувства современности — ты ищешь. Этот поиск стал для тебя особенным и он сможет узнать в какой руке у тебя символ печали, а в какой руке находится символ радости. Как бы обнимая твои последние мысли и упреждая полнолунием твой ментальный характер, что можно жить и так, не задумываясь очень глубоко. Проглядывая из под ветра неугасимых надежд на то приготовленное реальностью, что уже есть у тебя внутри. Может это буквы китайского алфавита, а может символы смерти между дорогими тебе людьми? И все они смотрят теперь назад, чтобы немного пригорюниться.

Ты не ждёшь откровенное утро, четверг прошёл и стало по-настоящему холодно. На улице почти зима и потугом серого образа плена там уже смотрит Петербург, как бы затмевая своим простором новые горизонты личности. Он конечно тебе не мешает, но смотрит постоянно назад, чтобы архитектурное поле вечности пылало уже в душе, как бездна искусства и принимало разные экспозиции форм и окрасок ментального чутья. Твой мир стал длиннее и богаче, а видимый свет стал умопомрачительнее, чтобы осознать, что в бездне также есть глаза и они стали проглядываться через будущее, уже с другой стороны света. Он как бы разошёлся в половине пути и усталым почерком разровнял поверхность твоей жизни, чтобы она стала совсем заметной и ты перестал бы нервничать. Точнее перестал бы говорить о своём прошлом и просто улыбался всем людям, замечая, как они

странно шуряют в ответ. Не делая никаких движений ты выше и выше стал кидать воздушных зайчиков на свою повседневную мораль, а они, подпрыгивая — стали говорить, что умирают со скуки и не верят уже в будущую жизнь. Как она могла бы обрести смысл или познать свою аллгорию будущего через творчество в тебе самом. Тогда ты вышел из себя и направился в фэнтэзийные миры, чтобы искать там ответы на сложные вопросы, и ты нашёл их.

Куда-то делись всё новые и новые мысли, но завтра никак не наступало, а тишина, которая обхватила твоё сознание стала гнетуще улавливать весь этот пронзённый сон напротив личного смысла жизни. Ты видишь его и не ждёшь, ты вырос из него и не веришь уже в его существование, но куда-то движешься навстречу форменной гадости. Познаёшь ли болезнь в самом себе или пытаешься выключить яд в голове — ты такой же, как был, но уже с прежней сноровкой и достиг достаточной формы идеала в голове. Пускай на Земле ты не видишь преграды, но в каждом твоём движении есть тысячи и мириады личных осколков сознания, чтобы видеть свою бездну сущности человека, чтобы угадывать тот механизм проникновения в существо мозга. А потом фокусировать свою инертную совместимость с будущим уже по-другому, например, так как это могут делать просвящённые люди. Их социальная публицистика не спаяна на тебе, но верит, что знаком буквы ты можешь говорить достаточно точно и вынимать там ровный стиль апофеоза душевной красо-

ты. Превращаясь, то в журналиста с множеством связей, то в писателя с личным фан-клубом, где ты выходишь за рамки той формы символа и перелистываешь свою память бытия.

Жизнь не была бы прекраснее в Европе, чем смог бы создать её для любви ты сам и в Петербурге, чтобы однажды не вспомнить, как жалостливо гулял по центру города. А символы всё время напоминали тебе о достаточном желании быть внутри символичным и новым европейцем. Таким, чтобы играть в культуру нового стиля и при этом не стать там белой вороной. Она не каркает лично для тебя, не выносит символический ужас, просто приходит иногда, как готический зверёк и клювом трогает стекло напротив твоего окна. А потом, немного притворившись смелым облаком здравого рассудка — этот ворон начинает понимать и тебя самого. Каким ты был, как ты вырос, или что побудило тебя рассматривать красоты Петербурга, развивая символическое зрение в душе и понимая всю сложность обыденной жизни города. Ты перешёл много раз дорогу разным людям или личности не хотели тебя слушаться. Но они рассматривали твой мир, как бледный и тусклый сувенир, на котором можно ещё немного поиграться в личность. А ты был не таким и поигрался уже по-другому, завзятой хитростью и дюжим характером, чтобы видимость ужаса спала на твоё небо ментального символизма личности.

Как будто Петербург прикрывает тебя самого и ты не можешь понять, что сам он смотрит тебе прямо в душу, а может

уже притрагивается к ней, и где-то в глубине уважает по-своему. На сером плёсе Невы, или подскакивая под каменные своды мостов Петербурга, где ты любишь вечерами гулять по набережной. Этот мир не будет принимать заветного поля символа в душе, а только тонко намекает тебе, что психика — есть самый осторожный предмет воли и точность её мерила, как большая смелость всегда смотрит тебе вверх через плечо. Ты не можешь осунуться от этого чувства и сам строишь свой новый мир, под серыми балками на тыльной стороне мозга, когда в голове играет приятная музыка. Ты ждёшь свою классику и получаешь её в достоинстве, как бы обретая меру современного символизма, когда каждая деталь в новом свете почти та же, что и в прошлом, но изображает более гротескное поле мерцания лет. Этот опыт ты выключил уже в голове, а тени проносят смыслы по городу также близко, как ты, словно привидение проносишься над вечерним сводом упоения мира в любви. Этот символ накрывает тебя бездной личного самомнения и тешит отношением — прижаться к уже существующему порядку вещей во Вселенной. Какая бы она не была на сегодня, из какой глины не была бы вылеплена, но в страхе на неё ты уже не смотришь, а просто летишь, как чёрный ворон вдаль. Поднимаясь над тучами и возвышая свой человеческий образ мысленного обожания вечности жизни и продолжения её символа уже после нас.

Когда не можешь пережить такое

Когда ты держишь символ смерти в руке, то всё остальное отбрасывается и катится наружу, чтобы потом приоткрыть тебе другую завесу тайны. На ту, на которую ты ещё недавно смотрел бы и думал, что хуже уже никогда там не будет, а стало намного порочнее и тяжелее — предугадывать следующий шаг врага из твоего же скоротечного сознания в жизни. Она ведь тебе сегодня не подчиняется и даже не прикидывается дурочкой, а ты держишь ворона в руке, чтобы он стал ещё более своенравным и трепетным символом трагедии и мира в одной из рук твоей ненаглядной свободы.

«Так тому и быть», — подумал я немного и остановился напротив ларька, внутри которого стояло очень много всякой всячины, но трогать которую было категорически запрещено. Даже глазами, которые ходили туда-сюда и не оглядывались, как две череды бронзовых луковиц, когда-то изъеденных второсортной мусорной пакостью — быть намного умнее и лучше, чем ты сам на этом своём личном превосходстве быть мужчиной рока. Я стал им только потому, что выучил много глаголов красоты, а может я стал просто Эдуардом и мои веки спустились ещё ниже, чтобы увидеть ту самую настоящую смерть и рассказать о ней другим людям наедине.

Мои года не были очень муторными, как можно предпо-

ложить с самого начала этой выдумки, но всё же ограничиться второсортной системой знания я как-то могу. Чтобы потом сказать себе самому, что было бы лучше и лучше учиться и постигать тайны своего мироздания, когда точно не знаешь куда они могу тебя привести. Я жил в Лондоне на самой маленькой улочке, которую можно себе представить и шёл необычным образом через весь постамент лжи, оборачиваясь напротив своей не свойственной гордости говорить ещё громче. Так как после очередного университета моя обналиченная книжка разума была переполнена формулами высшей математики и странствующими пехотинцами меры предвзятости всё к тому же космосу неуёмного слуха внутри самого себя.

А слышать себя я никак не умел, то есть не хотел, а Луиза на ломаном английском говорила, что в Перу так красиво и нам туда нужно обязательно съездить. Чтобы притронуться к необычайной влажности тропического воздуха и может посмотреть на местных крокодилов. Обсасывая очередную палочку мороженого я пошёл по летней улице Лондона и нащёптывал себе неуёмную фразу о будущем, которое может ждать меня с Луизой, а может повторять волшебные строки о семейном счастье. Его я не хотел избегать, но думать, что костлявая не заберёт мой символ вечности никогда и не станет уже похотью во второй руке, чтобы я там не надумал.

Был четверг, а может уже начиналась пятница. Я набрёл вечером на бар, а перед ним меня встречала необычная вы-

веска, из которой я узнал, что это шотландский паб с некоторой изюминкой и сахарным всплеском неимоверного тщеславия быть простым англичанином. Потом доводить свою скво до самоисступления и нервно почёсывать с утра свой толстый затылок, чтобы потом говорить самому себе, как был прекрасен этот вечерний и сладко пахнувший пивом паб. Но куда ни глянь — одни факелы и свечи или огни, которые могут тихо плыть по вечернему Лондону, чтобы забавить меня в пабах ещё больше, чем когда-нибудь мог бы говорить самый странный человек на этой Земле.

Я конечно не шотландец, но крепко стоял на ней. Я так хотел поскорее вырасти в своей профессии, что очнулся просто обычным продавцом в магазине мягких игрушек. Там на самой высокой полке был один большой медведь, который напоминал мне о детстве и о существе в своей скромной и вместительной голове. Которую я так не хочу вспоминать из прошлого, но не могу забыть и по сей день. Наверно трудно себе объяснить такое предубеждение, но я собрался и выпил немного эля, потом ещё немного и стало тепло, как в тихой и свободной ванне. Когда лежишь и не двигаешься, а волны маразма тебя захлёстывают всё ближе и ближе и так и норовят приоткрыть тайну необычной завесы, за которой ты живёшь.

А жил я на окраине Лондона и мог себе постоянно говорить всё самое лучшее, что происходило в моей голове каждое утро. Я закончил университет несколько лет назад, но ду-

мал, что смогу стать профессиональным скептиком и бизнесменом довольно быстро. Ведь юрист был из меня никакой, даже с образованием и я мечтал просто найти себе небольшое прибежище из тайн и знаков, которые таятся на каждой улочке Лондона. Там они ждали меня и сегодня, может в этом пабе, а может в моей голове, которая поворачивалась туда-сюда и мелькала, выискивая разных женщин. По сторону от которых ютились и их мужья, но как бы оборачивались и думали, что они одни на свете такие необычные и исключительные, что могут наслаждаться любовью в пабе и ни о чём не думать.

Теперь и я мог ни о чём не думать, но читал постоянно газету «New York Times», чтобы казаться себе быстрее лани и деятельнее дружеского пинка под зад, где бы мог оказаться не каждый прохожий. Ведь был я выходец совсем не из этих мест, а приехал я сюда из Нью-Йорка, чтобы побыть немного в тайной классической комнате без окон и дверей. А потом оказаться бы напротив своей воли искать пути символизма намного ближе к себе, чем тайна, которую сам разгадать никак не мог. Она таилась вокруг меня и очень раздражала моих женщин и любовниц. Я не был женат, но притворялся всем, что был и у меня огромный опыт в такой властной перемене настроений, которая бы нравилась женщинам ещё больше. Или бы хотела стать там самой большой куклой для битья, которую я не смог бы поранить, не зная кто я такой на самом деле.

Я ментально держал всё того же ворона в руке и он почему-то одёрнулся и показал мне на новенькую даму, которая только что вошла и села впереди меня. Она немного подморгнула и стала, как необычный призрак светиться вовсю, а потом нервно выпила вина и покраснела. Я также покраснел вместе с ней и ощутил небольшое прикосновение смерти, чтобы побыть немного в мысленной фрустрации и тени своего эго. На меня снизошёл дар первобытной логики движения вперёд и я отогнулся от стула, на котором сидел, чтобы понять, что сам я немного сползаю и дёргаю свою спину очень явно. Этот неловкий жест притянул взгляд дамы и она стала посматривать на меня всё чаще и чаще. Мы уже тогда думали друг о друге, а Луиза видимо спала дома и думала о Перу, куда хотела меня загнать, чтобы смотреть там на мысли нововылупленных крокодилов.

Я встал со стула и решил подойти первым. Ведь я был мужчиной Эдуардом и много видел в жизни, особенно ярко мне запомнились минуты перед победой моей команды по футболу. Я так кричал, что сорвал весь голос и не мог потом говорить несколько недель. Даму звали Софи и её тонкая кожа немного умилила мой взгляд, как будто бы поранила меня изнутри, чтобы напомнить, что я такой же мужчина как и все остальные. Софи была интеллигентной и очень образованной или хотела такой казаться, чтобы не влюбиться в неё не мог никто из мужчин. Когда бы просто взглядом охватил эту спесь синих глаз, и этим воспользовавшись — не увидел

бы там осенний бриз английской набережной, которая была видна из окна паба. На этой нотке любви я весь похолодел или скатился немного назад и мы познакомились.

Среди милой беседы и странных вопросов Софи — я узнал, что она была меня моложе на пять лет. Что можно было бы видеть в ней и актрису, и даже врача, но больше всего она очаровала мой интуитивный стыд внутри мужской красоты. Там я нащупал много новых впечатлений, но делиться пока ни с кем не хотел. Ведь мои друзья Джейк и Дональд были очень безнравственными и могли просто меня подставить. Взять и на ровном месте преподнести не ту шутку или ослабить меня своей прозорливостью насчёт моей прошлой жизни. Где нельзя составить точный автопортрет, ведь мне всегда тридцать лет и многое ещё впереди ждёт мой неразвитый мозг, чтобы обдумать эту тщеславную Вселенную вместе с моей нетрезвой головой.

Софи работала официанткой в крупном ресторане недалеко от этого паба и мы разговорились на тему посетителей и самой работы. Оказалось у нас имеется много общего и тон сместился на её небольшую задницу, когда я совсем стал пьянеть и думать о лишнем. Так я вывел для себя небольшую формулу счастья, в которую можно вложить и женщин и трогательный мир символизма, в котором сам я живу по сей день. Я знал, что он когда-нибудь кончится и искал выход из этой непроходимой матрицы, чтобы пожить ещё немного в Лондоне и не переезжать обратно в Нью-Йорк. Ведь там

можно было заработать денег намного больше и быстрее, но я хотел жить в месте, где старинная эстетика крепостей и древних замков окутывала бы меня своим волшебством и тайной и давала бы новые стимулы для роста внутри себя самого.

Я не был зазнайкой, но хотел постоянно чувствовать тело рядом с собой, а потом как бы, притрагиваясь — шептать ему о том чего никогда не совершится в жизни, но могло бы. Когда-нибудь в какой-то новоявленной традиции космической матрицы, а может по объяснению какого-нибудь мага из прожитой им жизни. Которую он воплощает уже в тысячный раз и хочет потом поделиться этим со мной, чтобы шутка за шуткой и я стал бы для него не только другом, но и проводником в разные миры магического символизма. Недоученное руководство к действию подвигло меня обдумать сегодня, что я могу принести для своей несостоявшейся жизни? Где я могу добыть для себя нужную часть недостающей матрицы, чтобы потом сложить её и предоставить вселенскому хаосу также естественно, как сам бы мог сделать себе завтрак?

Прошло два часа, а мне показалось, что прошла целая вечность. Мы так понравились друг другу, что пот со лба Софи стала сама мне вытирать, когда бы трогала мою душу и думала, что так будет продолжаться вечно. Я не думал о следующем дне, я хотел просто отдохнуть немного от работы и взял себе выходной в пятницу, чтобы немного расслабить-

ся в слепой обстановке вокруг столов и приятной атмосферы затихающего ужаса. Почему он казался мне затихающим? Год назад при странных обстоятельствах около моего дома погиб один престарелый мужчина. Он жил у нас в доме много лет и был завсегдатаем самой старой общины данного района. Я видел, как несколько человек на улице угрожают ему, а потом сбивают его с ног и меткими движениями наносят удар за ударом. В такой обстановке любой другой добросовестный мужчина выбежал бы на улицу и дал им достойный ответ в уличной схватке со смертью.

Но я был сам собой не доволен и не вышел, а только увидел пошлый ужас убийства и моргнул несколько раз, пока совсем не окаменел от того чувства удушающего склепного превосходства смерти. Которая по сей день меня тревожит и притягивает ко мне воронов со всей улицы, когда я просто стою и курю на балконе или около дома. И наблюдаю весь этот бардак, из-за которого теперь страхи мучают меня и днём и ночью. В новостях я не услышал никакого совпадения с моими смутными мыслями и вообще ничего на данную тему ужасного случая во дворе. Но был просто обескуражен и выл от той летней трагедии, которую переживаю и по сей день, уже спустя год и более. Когда дрожу или вижу ворону около себя, а она так ловко подмигивает мне и говорит, что лучше бы я отпустил свои страхи на улицу и мне было бы более компетентно убеждать свой лёгкий космический промысел — торговать игрушками более предвзято и логично,

чем я это делаю каждый божий день.

Дела в магазине шли как обычно и я не думал, что увижу за день много народа или буду стоять там и курить от безвыходности, что за целый день не увижу ни одного человека и мне не подмигнёт ни одна прохожая дама в фиолетовом пальто. А может и в чёрном, но даже вороны не знают, как трудно быть англичанином, когда ты ещё и Эдуард и не можешь переубедить своё внутреннее чутьё о том — чего ты сам не знаешь. Но о чём всё таки сакраментально догадываешься и думаешь прикинуть на своей остановленной голове внутри всё того же космоса и личинок, которые могут в будущем стать бабочками и улететь из Вселенной. Был бы я такой невообразимой бабочкой, чтобы таинственно появляться и исчезать там, где меня никто никогда не ждёт и не поджидает, а потом поворачивать свою душу в сторону только любимых мной людей. Где бы глыба маразма спадала, как тонкая лань из многолюдной очереди, в которой мне никогда стоять больше не придётся. Чтобы жить или проживать свою жизнь, а может покоряться чужой и опять проживать по кругу бытие, но уже не своей свободной жизни. А просто, побывав там плюшевым мишкой, из-за которого нет смысла застрелиться прямо сейчас или сделать что-то эдакое, чтобы вычеркнуть свою эпиграмму глупости из головы и больше её никогда не использовать на свете.

Тут Софи посмотрела на меня как-то очень ласково и немного приблизилась всем телом, а потом мы свились в

клубок небольшого барного маразма и размахнули там очередным страстным романом. Опереться на который я могу на всю свою жизнь, но буду долго размышлять и постоянно представлять ворона в своей руке, чтобы он ментально помог мне расслабиться и найти выход из трудной ситуации, в которой ещё не было ни одного человека. Может туда никто просто не может попасть или это моё либидо играет червоточной сложностью и высыпает в ложной грусти, словно по капле песка и красных пятен на коже, которые зудят и щерятся внутри неимоверной тесноты памяти о прошлом. Там остались мои родители и думали, что я проживу богатую и счастливую жизнь и стану им помогать в будущем. Может они были бы правы, но ложная грусть не спадала с внутренней вены, а просто наполнялась кровью из сосудов моей новой любви.

Джейк постоянно подначивал меня начать какое-нибудь новое дело или смелый бизнес и тайно пытался подлезть к Луизе, а она притворялась, что не видела этого, но говорила мне всю правду открыто. Я смеялся, что было сил, но остановиться было трудно и каждый раз, когда мы выпивали в гостях — я развлекался и шутил насчёт секса, пока мой друг Джейк тайно сжимал свои маленькие яйца и наблюдал за каждым моим движением руки. Я конечно мог осмелеть и пойти дальше, но был воспитан довольно в строгой атмосфере, а моя мать была по происхождению из английского рода. И я просто мило улыбался и давал всем прикурить, вместо злобного юмора, рассекающего свойский потолок над на-

шей весёлой компанией друзей. Так было довольно долго, а Джейк — он же мой ровесник, хотел узнать мою тайну успеха и выжал для этого весь пуд в своём небольшом мозгу. Он старался подводить меня к нужным аргументам, а потом отпуская паузу и молчал, чтобы я мог продолжить его искромётные шутки о жизни.

Мои тайны так и остались жить внутри меня самого и мой престарелый сосед наверно мне до сих пор помогает, чтобы улучшить моё настроение и постичь ту непередаваемую игру мыслей и образов, которая преследует меня и по сей день. Когда я разменял третий десяток лет, то стал чувствовать себя настоящим мужчиной, а мой холостяцкий крест стал немного слабее, когда я прижимался к женщинам и говорил о слепой любви. А что я мог ещё говорить на самой маленькой улочке Лондона, внутри гробового молчания своей прожитой жизни, когда я и сам не могу понять, что с ней делать дальше? Джейк шутил всё больше и больше, и однажды он даже предложил мне обокрасть местный магазин, чтобы ощутить специальное умиротворение в душе и восполнить уровень адреналина в крови. Я был немного не в себе от такого смелого предложения друга, но зная все юридические подоплёки такой красоты поступка — сразу отказался, когда бы сослался на свои принципы воспитания и морали.

Они мучили меня каждый день, когда я держал ворона в руке, когда отпускал его на улицу полетать и ровно в полдень он возвращался ко мне на завтрак и мы вместе пили кофе,

а потом смотрели местные новости. И так продолжалось бы много лет, пока я однажды не наткнулся на газетную статью об убийстве на своей улице. Там брали интервью у местных жителей с этого дома и они, как-то странно отвечали, а потом ссылались к тому, что и вовсе плохо знают моего знакомого, хотя знали его очень хорошо. В тот миг я ощутил всю прелесть этой формы лжи внутри человека, когда сам не хочешь быть подонком, но врешь постоянно и видишь в этом искренний смысл рассуждений о логике внутри корысти. А она подменяет твою сущность изнутри и не даёт выйти никакому чутью наружу, будь то английский привкус торжества богатства или нечаянная любовная встреча старых любовников. Которую ты и сам не можешь предотвратить, но ждёшь её постоянно, чтобы ещё раз ощериться на созданный воздух из мира собственного предрассудка.

В таком мире жил я постоянно и видел теперь вокруг тайных завистников, а может быть и убийц, которые не могут себе признаться в этой старой английской штуке жизни, но хотят быть первородным элементом всё той же скрупулёзно выкрученной матрицы жизни, в которой и так сложно пребывать. Я пребывал в ней, как Эдуард и думал только о своём здоровье и о том, что можно ещё починить в своём организме, когда высиживаешь яйца из непереводаемых слов перед дамой, которую только что полюбил. В таком цветущем настроении и с точно выверенной фобией для нового знакомства — начался мой роман с Софи, где многое уже было

предрешиено, но я всё же стоял и молчал себе как раб. Чтобы потом ещё немного подумать о лучшей судьбе, что могла бы ждать меня с Луизой в Перу. Например, на древней горе, где похоронены её предки и шлют мне оттуда свой высокий символизм, чтобы я и сам понял всю сложность этой непереводимой игры жизни.

Где ты не въёшь себе детального тона вокруг ментальной матрицы, но видишь все рассуждения и вывихи старого сердца из глубины своей же личности, а потом снимаешь тот пуд образования гордости из лет, в которых прожил много горя и пьяных разговоров. В этом мне всегда помогал Джейк. Он был не из такой благородной семьи, но нянчился со мной, как с ребёнком, чтобы потом помочь мне осознать всю трудность моей английской высокомерной храбрости и там на самом глубинном уровне — предрёк ещё один выход в новую стратосферу мученика грёз. Мы целовались с Софи так страстно, что местный официант тайно посматривал в нашу сторону и видел в этом какой-то потусторонний знак и некую аллeгорию важности — быть сегодня на высоте таких стройных и важных рассуждений о свободе. Я хотел летать и мечтал быть лётчиком, а может стать в будущем и космонавтом, когда не ждёшь своего прохладного выхода в открытый космос, а сам он тайно притрагивается к твоим глазам и нашёптывает тебе, что нужно делать дальше, чтобы не стать последним. Где бы ты не был посредственностью или мнительным человеком в глазах окружающих тебя людей, но также

переносил все тяготы жизни и знал, что они, когда-нибудь закончатся и на твоём пути.

Я думал, что мои уже закончились. Ведь с приходом Софи жизнь стала расстилаться ко мне с новой глубиной, вокруг которой смыслы сливались один в другой и наполняли мой свет уже не второсортной моралью, а какой-то новой сакральностью. Она была везде и вокруг и давала мне большее чувство переживания. В нём я был сам не свой, но джентльмен и рупор своей надёжной пропаганды на новую жизнь со смыслом. Мы гуляли постоянно вдоль Темзы, а она отражалась в её синих глазах, чтобы напоминать мне о некоем тайном смысле порождения моей субъективной природы джентльмена, а потом проворачивать всё новые и новые ходы в своей голове. Откуда я мог бы узнать себя прежнего или пережившего странные обстоятельства около своего дома. Чтобы гулять вдоль него мне было бы более приятно, чем раньше, когда не думаешь о случайностях или о том, что можно подцепить новую заразу прямо на улице.

Вышел я во вторник в один из таких летних дней на улицу и увидел, что рядом ко мне навстречу идёт некий господин в длинной чёрной шляпе. Он держит мундштук прямо на весу и что-то очень озирается вокруг дома, где я живу. Я не сразу понял, что это Том — местный следователь, а быть может мой новый друг на странную и по-вороньи непригодную Землю, обогнуть которую мне ещё придётся не один раз в своей сакраментальной и напыщенной жизни. Он немного

мне приглянулся, ведь был меня выше и очень тощий. Я был ниже его на две головы и смеялся постоянно, глядя на цветущее солнце из под его плеча, которое постоянно тонуло в лице такой скромной и тёмной одежды, в которую он был облачён. Не потому, что Том был следователь или гот, а просто потому, что ему нравился чёрный цвет и всё что соприкасалось с ним также торжественно садилось ко мне на руку и быстро превращалось в такого же чёрного ворона. Чтобы дальше, закрывая глаза — постоянно любоваться красотами лондонских пейзажей.

В графстве Беркшир было также безмятежно и тихо, а птички садились как будто бы мне на плечо и щекотали мой утренний смысл превосходства будущего чутья мужчины. В одном таком глазу поселился милый Том. Он стал расспрашивать меня кого я знаю на своей улице? Кто был постоянно со мной в контакте? И где я первый раз познакомился с Альбертом, с тем, который был убит при странных обстоятельствах прямо у меня на глазах? Мы живо и бережно разговаривали, а мой новый друг Том обещал все наши разговоры хранить в глубочайшем секрете, чтобы потом снисходительно улыбаться уже в полицейском участке. Я не был против, но отвечал очень уклончиво и узнал, что многие мои догадки и подозрения, а также информация о моей теореме встреч с Альбертом не совпадает с тем, как на это смотрят мои злополучные соседи. Они были не то что обескуражены, но находились в некоей истерике по поводу убийства и никак не

могли с этим смириться.

Кто-то из моих соседей даже ходил на кладбище и вызвал дух Альберта, чтобы узнать имя его убийцы и принять на свой счёт ту тайную маску ужаса, которая не сходила с нашего дома уже примерно год. Я толком не разобрал всей непостижимой точки равновесия слов, но понял, что меня пытаются оболгать мои соседи довольно хорошо. Как подготовленные циркачи, которые тренировались уже много лет и с небывалой, приткой харизмой ублажают страшного и опасного тигра, чтобы подойти поближе к нему и начать дрессировать. Я также хотел дрессировать свою жизнь и судьбу, поэтому Софи я не подпускал к своим соседям и к жителям данного дома, а на все звонки просто отвечал, что мало-помалу я веду свой скромный образ жизни в полном одиночестве. Конечно же мне не верили, но тайну приоткрыть было почти что нельзя, ведь я постоянно работал и обнажал свои мысли только к вечеру, где-то на мысленной остановке автобуса, который подвозил меня туда и обратно.

В графстве Беркшир всё шло своим чередом. Мы стояли на улице с Томом и он утверждал со всей своей приткой харизмой, что знает один небольшой секрет этого дома, но боится мне его открыть, чтобы я потом спал спокойно и не думал о странностях этой мелкой жизни. Я долго не думал об этой истории, но что-то подкралось внутри меня тайком и ущипнуло за грудь, где были согреты уже мечты о новом браке с Софи. Которая немного жаловалась на постоянную

головную боль после встреч со мной, даже, когда мы и вовсе не пили шампанское. Она была огорчена, что у меня много проблем в жизни, хотя я ещё слишком молодой для этого и не могу всего просчитать в этой странной жизни. Но бегу, словно расправляю панцирь бегемота и он смотрит на меня с обожанием и ненавистными глазками пощёлкивает, чтобы потом ехидно, и мелькая белыми зубами улыбнуться ещё и ещё несколько раз. Так я представлял и всех моих врагов, которые нянчатся со второй половинкой души или могут перейти мне дорогу, но уже вовне этой матрицы. Когда бы они стали, может вампирами, а может привидениями и съели свой пуд соли на английской набережной, чтобы потом продаться в уже следующей жизни кармическому чудовищу.

Оно может было бы похоже тоже на крокодила, но лопало не всех моих врагов, а смотрело как-то с неким обожанием и мнением, что можно иметь много друзей и все они будут тебе врать всю твою жизнь. А потом подставят тебя в самый неподходящий момент, чтобы выплеснуть ту скорбь души, которая накопилась у них с незапамятных времён и ищет туда и обратно свой клич на другую сторону жизни. Но я стоял на этой стороне жизни в графстве Беркшир и думал, что можно прожить свой каменный панцирь также легко, как его проживают и все мои соседи, а потом купить себе квартиру в более приемлемом месте и жить там с Софи до самой смерти. Но ведь в смерть я особенно не верил, хотя видел её символы повсюду, стремился ждать до последней

капли крови тот же призрак небытия. С которым прихожу сегодня на необъявленный космос жизни и жду, что стану там говорить как пришелец и митингующий сердцем другой человек. А чем я отличаюсь от других людей? Что не могу больше терпеть эту сварливую жизнь, а просто жду, что она когда-нибудь найдёт свой логический конец или выход? Может по ту сторону времени, а может через ворона, который приходит постоянно успокаивать меня каждый день.

Когда мне плохо или когда я боюсь потерять всё на свете и жду, как майский родник совьёт внутри меня новый уклад в весенней пустоте мира и найдёт там прибежище для души. Я стал бы искать и душу, но всё выше и выше смотрел на Тома, который стал казаться мне властелином миров. Он распростёрся надо мной и вынул свою визитку, чтобы потом продолжить разговор уже в участке и понять — кто есть кто на этом сборище неумных придурков, которые говорят одну ложь о себе. Но я не был таким для своего же обаяния, а бредил только Софи и её томные голубые глаза наполняли меня неимоверной радостью, повторяющейся при каждой нашей встрече. Так бы и шло всё заготовано мне на ужас в моём представлении о людях, но я искал причину не верить даже себе самому. В таком абстрактном отстранённом отношении к своей личности — я видел сложно готическое зарево древней мудрости вампира и глазами ощущал свою прохладу на высокой материи рассуждений о природе смерти. Тут, я подумал о том, что неплохо было бы сходить на местное клад-

бище и понять насколько ворон притянет мою экзальтацию внутреннего врага к моему же обожанию символизма смерти или станет мне препятствовать во всём, чтобы доказать уже свой обратный ужас в жизни. Или то, чего мне лучше всего избегать и не делать в этой сырой земле, по которой я хожу много веков.

Ведь я также, как и Том, перевоплощался на Земле во многих мирах, но не жду, что моя жизнь станет для меня последней и выведет птенцов из моей головы также аккуратно, как это можно было бы сделать в каждый такой понедельник перед работой. Мы мирно поговорили с Томом и он обещал мне быть объективным и ответственным, а также провести тщательное расследование этого ужасного дела. Где уже немолодой джентльмен пострадал от хулиганов на улице и был просто изничтожен внутри своей скромности и жизненной надежды жить наравне со всеми. На следующее утро я собрал свои вещи в рюкзак, была суббота. Она располагала своей откровенной атмосферой, как будто принцесса, появившаяся из-за угла и наполнившая своей строгостью ветра и долгожданной эмблемой души всё живое на этом свете. Я надел джинсовый костюм и взял с собой пару пачек сигарет, ведь знал, что буду нервничать, а поэтому буду много курить. В одной такой надёжности было что-то откровенное и там же прилетел опять чёрный ворон, чтобы успокоить мои мысли и стать уже наравне с такими же переживаниями души.

Софи я брать с собой не стал, но сказал, что у меня очень

важное дело и мне нужно в скорейшее время отлучиться и быть в том месте, где я смог бы решить проблемы. Они конечно стояли передо мной лоб в лоб, но кладбище со всей своей атмосферой успокаивало меня не меньше, а глубже входило в такой космос моего ожидания быть человеком, что я и сам не мог припомнить себя самого таким же при жизни. Эдакое колесо надежд и откровений, когда ты не знаешь, что Лондон сможет тебе преподнести завтра, и где там будут находиться все твои надежды и этики. Когда бы старые замки из песка уже посыпались, а новые ещё не построены, но город ждёт какое-то долгое откровение и машет тебе на такой же глубине вместительного опыта желаний.

Они были всегда в моём рюкзаке. Там был и виски, а также несколько Биг Маков, что добавляло мне тонкого чутья и предсмертной оболочки внутри этой близости смерти. Она конечно не приближалась ко мне сразу, но видела уличное освещение, видела мой бледный мир страха и ждущее постоянно, уставшее притворство — ожидать чего-то поболее отвратительного, чем мог бы представить себе даже великий сотворитель космоса. Моя дорога шла через весь город и загоняла меня прямо в настоящий тупик. Такой, что хочется быть не хуже чем самый привередливый ворон. В душе, от которой темно сегодня и самое страшное предание сможет оказаться в руке — точно мой совершенный чёрный ворон. Когда я его глажу по голове или приглядываю за его движениями глаз. Как будто близостью такого чуткого механиз-

ма — могу сказать себе, что данную птицу я точно никогда не обижу и не буду присягать на её самомнение. Как тонкое рождение внутри готического смысла совершенства, в какое мне сегодня так хотелось окунуться.

Может виной тому была каждодневная работа. Или мне плохо спалось по понедельникам, а каждая затрещина в моей маленькой голове сразу приспособливалась и юлила. Как будто бы не знала продолжение истории с Софи, которая всё время чего-то ждёт и целует меня, ментально приглядывая за моей щекой внутри нежности. Так я сам себя нахваливал, как не заметил, что очутился прямо на восточной стороне местного кладбища. Была суббота или новый холод здешней, ковыряющей мозг паутины мучил меня так долго, что я снова хотел стать вампиром. Не те, которые кусают шею или выпивают кровь внутри людей, а те, которые обожают гробы или ищут там прибежища от странной череды неприятностей в жизни. Тут, моя меланхолия дала сбой и я почувствовал странный шорох в кустах, которые закрывали ограду местного кладбища. «Видимо это какой-нибудь сурок или белка», — подумал было я и немного опешил от торжества своей сакраментальной мысли.

Ещё немного подумав — я пришёл на место, возле надгробия которого была некая баронесса Алеста. Она видно жила в нынешнем дворце какого-нибудь защитника бедных и угнетённых, а потом её помпезно похоронили. И теперь, огромные своды надгробного камня возвышают сей траур-

ный вид её очаровательных глаз и придают этому месту ошутимый всход меланхолического трезвучия. Словно бы трели, к которой прикоснулся маленький лесной художник на местном невыразимом кладбище из ума и катарсиса жизни всех людей. Я также ощутил небольшой катарсис и выдумал себе шутку насчёт того места, где сам сегодня нахожусь. Потом я съел немного Биг Маков и отошёл в сторону, но неожиданно запнулся о какой-то сучок и повалился прямо на землю.

Так очаровательно лежать на этой древней лондонской земле и думать, что жизнь ещё не закончена, но к концу может подойти только виски. Которое Луиза мне крайне запрещала пить намереди. Она так хотела, чтобы я был идеальным мужчиной её несомненного женского разума, но я стал просто откровенным бабником и чую теперь ароматы женских духов повсюду. Они были и на кладбище. Я присмотрелся и застыл, как молния в руке с Биг Маком, но внутри весь горел от любопытства, что могу ещё больше ощутить сегодня. Не сев сегодня на трон самолюбия, и не продумав очередную шутку для травли людей или женского внимания, но чтобы блюсти аристократическое чрево своего старого английского рода. Теперь он покрывал меня полностью с головы до ног. Я думал принять ещё одну ложь на своё любопытное сердце, но мельком увидел, как от надгробия могилы идёт тоненький дымок и обволакивает всё вокруг, к чему бы сам он и прикасался.

Это было необычное чувство и новое ощущение радости,

как будто меня охватил мистический ворон и пронёс в своё сакраментальное логово. Где приучил летать с ним по ночам и думать о самом хорошем в жизни, что может произойти со мной в будущем. Я быстро встал, отряхнулся и стал ждать, что произойдёт какое-то ещё ощущение радости или смеха. А может циничный хлопок важности из гроба покажет мне путь в преисподнюю, где много таких же блуждающих людей и не всегда им видно смелую точку входа и выхода наружу, чтобы винить свою жизнь. Я не винил самого себя, но думал постоянно о Софи. О её нежных губах и любви, которую она могла бы подарить мне внутри карамельного счастья после тридцати лет. Насмотревшись в смартфон мне стало немного неуютно и я выпил виски. Как будто жар пронзил моё тело и всё от головы до ног стало краснеть, точно подзывая к пиру на другую лучшую жизнь.

Она сегодня не пришла и не привела с собой подружек, но я ощутил слабое дуновение ветра и раскрыл ладони к нему, чтобы убедиться в своей адекватности и гармонии, которую хочу познать. Как в прошлом, когда я был школьником и мог точно предсказать мысли своего учителя, а потом задать ему столько каверзных вопросов, что ни один из них не остался бы на виду его чутья и без ответа. Так я тренировался сегодня и ждал своего недолгого английского ужина, чтобы потом прикорнуть в мягкой кровати с Луизой. Может в прошлом всё сложилось не так как я хотел, но мой дух был полон любви и отчаянно рвался наружу с прикрытой областью

виска за волосами моей головы. Она немного помутилась и стало странно жарко. Я присел на край кладбища, где была захоронена Алеста и стал думать о своей современной жизни. Почему она не принимает меня таким как я хочу? Или за что мне вообще эти мысленные страдания по жизни нужны?

Так я просидел не знаю точно сколько времени, но стало темнеть и я увидел вдали летящих воронов. Не тех, которых я подзывал себе ментально, а настоящих, которые водили свой взгляд по клюву и ждали, что возьмут туда червяка или другое снадобье за расторопной ветвью немошной жизни. Прогулка полностью удалась и я насладился природой кладбища. Его успокоительной атмосферой и тонким ароматом чутья, в которое мог погрузиться я только здесь. А лёгкий мистический привкус карамельной тоски так и преследовал меня до самого дома. Когда я быстрыми шагами уже возвращался домой и желал сладкого сна своей скво или нужной женщине. Но любимую я спрятал далеко за спиной тёмной фантазии и ждал, что увижу её, как славный росток в будущем, где не буду один. В такой мечте можно было бы ожидать много неясных и противных подвохов, но жизнь шла чередой и я не нервничал. Я только курил постоянно и ждал свою звезду потерянного счастья, в которой смогу воплотить старые задумки или понять, как найти своё место в жизни.

Мой бизнес шёл немного нелепо, а магазинный воск из проходимцев менял в таком сюжете много лиц и все они сливались в один большой комок чести и предательства. Я жил

с ним и не видел большего выхода, чтобы понять, что Эдуард хочет на самом деле. Графство Беркшир заставляло меня задуматься о новой профессии, которую я так не хотел осваивать, но нужно было думать постоянно. Жильё было дорогое и время шло не в мою пользу. Да и Луиза стала себя вести как-то странно, как будто хотела мне что-то сказать, но боялась постоянно и нервничала по пустякам. Мы жили в меру скромно и также говорили о своих повседневных делах. Может тому было и угодно, что в один из таких дней я пришёл по весне домой и увидел очень странное представление. Наша комната была почти пуста, а на столе лежала записка, в которой я явно прочитал о том, что Луиза уехала в Перу. Она долго думала и тщательно спланировала поездку, о которой я узнал уже позже. Но самое странное было то, что мне Луиза ничего об этом не сказала. Я сел после рабочего дня и стал прикидывать насколько дама оставила мой прежний образ жизни и когда она сообразовалит вернуться, как мне с ней себя вести?

На этой минорной ноте я позвонил Софи и пригласил её тотчас же к себе домой. Но та отказалась приезжать немедленно, сославшись на невыносимую мигрень и я решил это дело отложить. Ещё немного подумав я купил себе виски и устроил праздник холостяка, чтобы окунуться в свою свободную атмосферу говорящего ужаса. Он теперь говорил со мной каждый день через чёрного ворона, который прилетал ко мне и услаждал мой глаз своим обаятельным видом. Я ко-

нечно доверял себе больше, чем ему. Но ворон предприимчиво уклонялся от своих полётов и не хотел отпускать мою руку до последнего. Так я стал подозревать, что нахожусь в некоем состоянии гипноза и раньше такого не было. Когда я подсчитал все признаки моего нового состояния, то понял, что оно началось с кладбища. Я вывел себе формулу той старой графини, которую видел на надгробье и стал переживать всю боль той умершей девы. Может она умерла не в страшных муках, а может я просто пожалел её на своей никчёмной груди и уже не могу отпустить такую фривольную мысль. Как будто дама сама хотела бы познакомиться со мной при жизни, но не могла.

Виной тому были здания Лондона. Их тяжёлый и странный вид из старого камня успокаивал меня, но придавал больший комплекс тяжести, чтобы потом провести свою жизнь по кругу. В карму я не верил, но вот в перерождение зомби вполне мог бы поверить и думал об этом постоянно. Моё рождение тоже не было случайным. Я так застрял в детском символизме своего счастья, что долго не хотел избавляться от маминой юбки. Там я думал, что смогу притянуть к себе больше женщин через её сладкую харизму. Но жить в Нью-Йорке мне очень надоело и сам по себе, я как бы уехал в переживании личного космоса счастья уже другой любви. Она состоялась в Луизе, но радовала меня недолго. Я был обескуражен такой новостью о её отъезде, но ждал, что на следующей неделе мой рок судьбы преподнесёт мне много

новых случаев. И будет, может, более объективным, чем я сам бы хотел для самого себя.

В таком расположении духа я позвонил на работу и взял на следующий день выходной. Я хотел отметить это событие отъезда, чтобы проникнуться атмосферой своей новой свободы. Вдруг, в дверь постучали и мне пришлось быстро открыть. На пороге стоял всё тот же знакомый джентльмен в чёрной длинной шляпе и держал в руках какую-то бумагу. На ней я увидел отпечаток своей зрелости и понятие, от которого сложного будет избавиться в будущем. Мне пришлось подписать документ о том, что я дал показания об убийстве Альберта и о том, что сам ничего не видел. Мой воздух пронзил оглушительный крик на улице. Там местная футбольная команда шла на тренировку и своими лозунгами напугала меня. Как стоя маленьких и очень жужжащих жуков, что не хотят быть прилежными, а орут на улице и привлекают к себе точечное внимание прохожих и живущих в домах горожан.

Я устало зевнул и выпил немного виски. После Тома у меня осталось небольшое разочарование в жизни. Я сам не мог поверить, что подобные злодеяния ещё процветают на улицах Лондона и их можно увидеть в небольшой округе на краю города. Альберта я не знал толком, но казалось, что знаю очень плотно и хочу ему довериться в такой странной ситуации и жизненной беде. Как будто бы слышал его голос с кладбища, зовущий меня на беседу о философском переживании жизни и смерти. Альберт меня не мучил, но вспо-

миная наши разговоры — я думал, что мог бы понять кто его убийца. Я тяжело вздохнул и расслабился, чтобы осесть в своём удобном кресле, а потом, притворившись ожидающим красивой дамы — опешить ещё немного для себя. Через два часа пришла Софи и мы трогательно стали беседовать о жизни. Насколько часто можно было бы угадать своими глазами всю сложность этой многомерной матрицы, которая тебя окружает. Она как будто засасывает внутри своими щупальцами твоё лёгкое тело, а потом выплёвывает его наружу, как мистический шар обязательства жить.

Я жил в таком шаре в графстве Беркшир и не хотел думать об ином своём потреблении алкоголя. Я просто исходил от тревожности, что выносить всю эту суету потребительского счастья стало невероятно трудно. Настолько, что сам я не могу пережить такое лёгкое обязательство — подсматривать за чужими окнами или манить к себе много дам. Чтобы потом они сложили своё многомерное зрение прямо мне в спину и подумали о том, что я великолепный бабник. Может у них на личном счету. А может так же в жизни между словами и мнениями, чтобы в будущем выделить своим глазам как можно больше вдохновения и стать джентльменом номер один. Я стал таким для Софи. Мы странно беседовали, перекликаясь от точки вопроса до ответа, в котором потом соприкасались наши алые губы. Так мы могли говорить ночами и больше не нужно было ничего в искромётном сумраке слепой болезни длительной любви.

Софи осталась у меня до утра и немного прихорошившись с утра — стала нервно расспрашивать о моей личной жизни. Она так нежно поглядывала на то же окно, где я не так давно видел убийство Альберта. И ещё у неё быстро взъерошились волосы, когда она узнала, что всё не так гладко в моей настоящей и прошлой жизни. Я конечно не стал плакаться и отправил мадам на работу, на ту, где она могла бы гордиться сама собой. А может потом и мной, когда я смогу купить ей кучу дорогих мягких игрушек, чтобы согреть своим мужским чувством юмора. Так мы ни до чего не договорились, но весело провели вечер. Когда наутро мне стало одиноко и холодно. Я стал вспоминать Джейка и хотел посмеяться над ним, что Луиза уехала и больше он её никогда не увидит. Ни в Перу, ни на какой другой орбитальной станции, где можно будет купаться в объятьях маленьких бегемотов или трогать руками крокодилов прямо за их весёлую задницу.

С этой нотой внимания я позвонил Джейку, но услышал очень странные новости. К моему сожалению Джейк уехал в командировку в какое-то неизвестное место, а может и город. И когда он вернётся — тоже никто не знал на том конце трубки. Когда же я получил такие новости, в моём сердце что-то булькнуло и упёрлось опять на это злополучное окно. Где можно видеть не таких английских крокодилов, а тонны другого маразма, идущего по жизни с твоей рукой. Там, на самом конце ментального ужаса я думал, что справлюсь со своим средним возрастом и перепечалюсь, а может и пере-

печатаюсь в такой бы стенографии. Если совершу какой-нибудь добрый поступок или начну, например, необычный бизнес со своим закадычным другом. Но ведь он уехал куда-то далеко? И теперь я даже не знаю, кто будет на его месте? Может Дональд, но он был невыносимым занудой, когда напиивался и ждал дам в свою опочивальню в ближайшем отеле. Или хотел пригласить к себе на ужин кого-нибудь необычного и опять отшучивался старомодными шутками о несбывшихся мечтах двадцатого века.

Но Дональд и Джейк были моими ровесниками, а мне хотелось чего-то большего, чего ты не можешь потрогать в жизни, но что не сможет тебя напугать. Создать дикий оскал смерти или собрать пучки каменного желания уйти под воду и больше не обращаться к людям на этой брэнной Земле. Так я выпил ещё немного виски и мне пришла благородная идея пообщаться с мёртвыми. Собрать остатки ментальной энергии и провести некий эксперимент, чтобы потом отдохнуть своей сакраментальной личностью ещё больше и глубже. Я решил сходить опять на кладбище и сделать там ритуальный жест для дамы, которая мне понравилась. А была она баронессой Алестой. Я же был просто тщедушным дураком Эдуардом и менял постоянно свои желания на тряпки и фасон в новомодных магазинах неподалёку от своего же места торговли. Так я взвалил на плечи себе ещё одну небольшую символическую идею и позвал знакомого ворона.

Когда же эта птица посетила меня, то я увидел неболь-

шие изменения в его окраске и понял, что меня в жизни тоже ждут небольшие изменения. Ворон сидел как-то криво на моей руке. Он всё время смотрел на меня и хотел мне что-то сказать. Такое сокровенное и близкое, что я даже опечалился. Ведь это было ментальное отражение моего детского сознания. Когда ты сам играешь в кружки или квадратики и не можешь посчитать до двух, а на помощь себе приводишь различные образы и мысли. Так моя мысль стала довольно трепетной и ровной, а я остался там на середине своего благородного тлена морали и любви. Я бы мог любить не только женщин, но и всех людей вообще, но сконцентрировался на своих проблемах. Которые изучал постоянно каждый Божий день, когда считал птиц во дворе поутру. Они были мне всегда такими приветливыми и ласковыми, что отражали весь сон моей лондонской души, но мнили о том, что и эта жизнь подойдёт к концу. К какому именно я не знал точно, но вывернул навстречу ещё одному пределу своих желаний. И там — ворон стал смотреть на меня ещё более пристально и благородно, чем раньше.

«Может это призрак не совершившегося будущего? Или тайна, о которой я должен узнать, но не могу и страдаю до сих пор, ходя по кругу своих мнительных желаний?» — так я подумал и смекнул, что неплохо было бы позавтракать и надеяться, что новый день принесёт мне ещё больше удачи и любви. Нет тайны, за которой можно так благородно спрята-
ться, как за своим ручным чёрным вороном. В нём есть ка-

кая-то печаль и благородная маска внутри тревожного образа тоски и самосожаления. Она гложила меня постоянно и я ждал, что следующий день станет для меня роковым. Может эта тень желаемого будущего и был я сам? Я не стал унывать по этому поводу, ведь ранние Эдуарды не унывают вовсе, а идут по дороге мудрости куда-то вдаль. Так и я стал собираться в дорогу, по которой мои ответы были мне приятнее, чем я сам с вороном в своей могучей руке.

Дорога через город заняла около часа и я стал немного опаздывать сам для себя. Ведь хотел подойти ближе ко времени, когда ещё не станет темно. Всюду за мной тащился смурной туман и тени нахлобучивали всё больше и больше, как будто тучи могут разразиться другой реальностью, но не знают, где находится окончание этой стихийной тоски. Я вынул сигарету и закурил, а мой смартфон показал мне шесть часов вечера. Так я купил красных роз. Целый букет, чтобы понравиться даме из призрачного прошлого. Она завораживала меня своей красотой и манила всё больше и больше. Не так как Софи, а немного мистически, чтобы приобнять за душу и показать всю сложность этой манерной жизни. Когда проживать ты её как бы не хочешь, но будешь постоянно думать о прошлом и верить, что готический дух реальности поглотит твои проблемы или умрёт сам по себе. Но я не хотел умирать ни для себя, ни для кого-то другого. Только вид необычной смерти на улице смущал меня и останавливал на каждом перекрёстке, чтобы молчать и думать о этой

несовершенной жизни.

Я подошёл к воротам кладбища. В графстве Беркшир стояла хорошая погода. Был сентябрь или казался таким же бесчестным и маленьким домом местного хозяина, где много тепла, но оно куда-то утекает из-за непредвиденных обстоятельств самой погоды. Мне захотелось выпить и я немного осушил виски. Потом вдохнул этот резкий аромат кладбищенского воздуха и понял, что пришёл сегодня по адресу. Розы пахли многомерной жалостью к моей личной жизни, но сделать я так ничего не мог. Ведь на двух стульях не усядишь и, быть может, это Луиза уже нашла там себе местного ухажёра и ласкается с ним на тропической жаре. Пока я сражаюсь с призраками прошлого или жду, что они поглотят мой разум навсегда и не оставят даже мимолётного ворона, чтобы поговорить с ним наедине. Мой голос суховато прорезался и я отпрянул от туманного вида кладбища. Видно в ту пору много людей туда приходили и стояло какое-то цветочное омовение напротив маски благодушия и времени — куда смотреть совсем нельзя. Но ты смотришь и смотришь всё время, не оборачиваясь, чтобы потом сделать шаг в эту длинную мостовую и принять наконец таблетку из должного благополучия и любви.

Я и сам принял такую, когда подошёл к своей знакомой могиле, чтобы перечеркнуть прошлое и будущее навсегда. Там была Алеста и смотрела на меня своими зелёными глазами, как будто говорила, что нет в жизни счастья. Но что-

бы я сам не отчаивался и не ждал своей кончины наедине с расторопной нежностью второй половины в любви. Деревья уже обросли новой пеленой тумана и жёлтые листья падали прямо мне за шею. Может они тоже хотели что-то узнать, наподобие космического разума, но постоянно думали о лучшем символе для человека как венца природы. Там на самом краю благополучия я вырос в Нью-Йорке и был настоящим джентльменом, о котором можно было бы слагать легенды и речения. Но я не зазнавался, а тонко спрашивал свой мозг о перемене, которая случилась со мной после отъезда Луизы. Она была довольно притягательна и любвеобильна. Чем может помогала мне выжить в такой пустыне слов между людьми, бизнесом и магазином игрушек. Тогда бы я сложился вокруг такой матрицы более галантно и не переживал о прошлом, но всё уже произошло.

Через десять минут я сжал цветы в своей небольшой руке и положил Алесте на край надгробия, чтобы показать, что очень признателен столь великовозрастной даме и могу быть ей чем-то полезен в будущем. Она как будто подмигнула мне и немного посмеялась, а потом украдкой немного отдалилась по ту сторону своей могильной пропасти тщеславия и боли быть просто человеком. Так рассуждать было бы очень обманчиво и строго, но я думал, что смогу пережить расстояние большего ужаса, если брошу Софи. Ведь Джек постоянно говорил мне, что не в дамах настоящее счастье, а только в закадычных друзьях, которые приходят тебе на пользу

каждый раз, когда ты не можешь выдержать этот странный и очень хлопотный мир. Там же я думал удалить все фотографии Луизы из социальных сетей и больше не вспоминать о ней, как о принцессе из моей небольшой молодости. Которая уже закончилась или, быть может, продолжается, но будет идти кривой полосой наверх.

Этой полосой я пришёл сюда, очень кривой, где немного опёршись на свою благородную душу — выманил тонны юмора, чтобы прожить ещё немного лет со своей головой наедине. Там внутри сакраментальных мыслей прячется постоянно одна и та же благородная дама, имени которой я не знаю, но очень хочу познакомиться с ней наяву. Тут, я увидел, как золотыми лучами надо мной разошлись осенние облака и луч коснулся моей тревожной души, чтобы осветить этот серый камень. Когда ты не можешь притвориться и ждать своих сомнений, но веришь, что даже готический ворон вернёт тебе случай пройти свой путь символизма наедине и не будет тебя трогать до последней минуты вдоха. Я помнил всё, что делала для меня Луиза, но так огорчиться я не мог. Просто был один и метался, что есть силы на последней тени своего благоразумия ждать даму сердца и кричать в воздух невпопад.

В этот день не было ничего странного, но внутри надгробия было так тихо и пусто, что тени не могли даже колыхнуться от меня наедине. Они просто оказались у меня внутри и стали спадать, как маленькие слёзы прямо на фотографию

баронессы, чтобы я мог мечтать о ней часами и грезил в тонко выщербленной полосе своего мимолётного ужаса смерти. Она не касалась меня своими пальцами, но пыталась отжать минуту за минутой, чтобы увидеть, как проявятся звёзды на небе и станет неимоверно темно. Когда внутри космической преграды нет ни одного человека, но есть только дух старой Вселенной и он огибает твой сокрушительный разум человека. В ту пору мне было занятно искать в себе образы ментального противоречия, а потом сравнивать их с другими людьми. Когда они сами не знают чего хотят, но преследуют меня и обожают моё чувство юмора, где-то на затылке вдетое в краплёное пятно ментальной схватки с безумной нитью аллегорий жизни человека.

В такой пирамиде я видел зачатки самой настоящей любви и принимал там прямое участие, чтобы по образу жизни выключать своих ментальных врагов и включать только смелое бахвальство. Которое сможет меня в дальнейшем привести на новый уровень самоосознанной мысли быть джентльменом. Я расхаживал туда-сюда и думал о Софи, потом думал о своей работе, но всё никак не мог там успокоиться. Как будто кто-то схватил меня за шкуру и требует большего от жизни, того, что дать я сейчас не смогу ни при каких обстоятельствах. Так я понял, что нахожусь под гипнозом. Он был вызван не мной, а тем теплом, которое шло от кладбища и охраняло мой социальный покой внутри. Я не был набожным, но ощутил присутствие некоей силы вокруг се-

бя самого. Там же я считал нормальным закурить и выпить, чтобы отчётливый ворон на моей руке так же пригорюнился над странной баронессой, которая меня сегодня успокаивала. Она наверно не знала, что есть на Земле старый мир призраков и ведьм, ведь была воспитана явно в хорошей семье. Но думала пройти эту жизнь достойно и внутри держала тот же свиток морали, что и я сегодня держу в руках, как букет алых роз. Он источал такой сильный запах, что мне стало дурно от сладковатой прозы этих лет. От того, что я не могу ничего сделать и боюсь просто своей тени, когда нагибаюсь и вижу птиц рядом со своим телом.

Может они также стали пирамидой моего сознания и не верят больше в чудеса этой старой жизни и ощущения, что больше прошлое не вернуть никогда. Там внутри чёрного парадокса стынет много вековых утопий и к слаженному входу можно подойти только через этот могильный свет. Когда ты сам, как человек не знаешь кто его создаёт, но видишь как плавно гипнотическое облако завораживает твой взор — этой вековой установкой на лжи. Я конечно врал себе каждый Божий день, но сознавался не очень часто. Может люди в магазине также требовали моего исполнения обязанностей быстро и слаженно. В такой частоте поворотов и линий, что не хочется больше выходить из своей скорлупы на улицу на следующий день. А там, быть может, и Софи также приготовилась помогать мне, искать мою начинку из бургеров или ждать горячий кофе в местном кафе. Я несколько

не сомневался, что подобные похождения на кладбище станут для меня презрительной улыбкой и обойдут мою спесь внутри говорящего эго мужчины.

Этот мужчина хотел решить все свои проблемы как можно быстрее. Как будто бы стремительный юрист бежит и не спотыкается на каждом своём повороте, но думает, что нежность внутри опережает дух благородного воина, чтобы молчать. Я молчал для себя самого и не думал, что смогу олицетворить сегодня природу мужества внутри готического кладбища. Которое заполнено потусторонним верхом цинизма не прожитой жизни и строит такую форму аллегорий, что в каждой такой сказке можно увидеть много английского чутья и стать себе довольно благодарным человеком. Где и сам ты не множишь свои проблемы после себя, а впереди стоит твой верный чёрный ворон и подсказывает — что тебе сделать в будущем. Солнце начало садиться и обнажило мой мозг полностью. Я немного подался назад, чтобы отойти от запаха цветов и увидел краем глаза тень поодаль слева от себя.

Она проскользнула так стремительно и ярко, что запретные силы стали мелькать с ещё большим чувством харизмы, чтобы понравиться этим вечером настоящему джентльмену. Потом ободрить его степень бахвальства и приструнить тёмных тараканов в голове, которые хотят приобнять тебя побольше, чем сам бы ты мог это сделать в личной душе. На улице пахло свежестью и мнительный мир казался мне блуж-

дающей букашкой, которую нужно непременно наказать. А потом продавить на своих мыслях, чтобы больше она не проявлялась никогда и не учила мой мир своей нелепой важности. Вокруг надгробия стало как-то темно и жутко. Я снял рюкзак и поел немного бургеров, но в горле застыл нелепый комок. «Может это моё будущее — уже не входит в горло и не требует большей добавки извне?» — подумал я лихо и очутится внутри своей чёрной тени. Я быстро провалился в неё, как в другое измерение и спрятался там, на самой оконцовке мнительности быть другим Эдуардом, но иметь много соображений на свою тихую и счастливую жизнь. Там было всё: и работа, и друзья, и встречи, но не было только Луизы. Вдруг, мне стало мерещиться, что я нахожусь в другом измерении или сплю таким чутким сном, что нельзя в него сразу провалиться. А можно только дотронуться своими костлявыми руками, чтобы приободрить матушку смерть. Которая смотрит за тобой каждый день и молчит, пока ты не отдашь ей часть своей неземной прелести в образе человека.

Я был обескуражен такой тёмной формой сознания и думал уже, как смогу выбраться наружу. Туда, где буду в безопасности смотреть на свои тощие ноги и идти обратно домой. Тут, до меня донёсся некий голос. Он был женский и сказал мне, что дальше меня ждут по жизни приключения, и что я никогда не буду жить один. Так я простоял много часов и не понял такого случая маразма. В нём можно и не жить вовсе, но соблюдать точную харизму внутри своего мужско-

го характера. Я видел всё как изнутри, своим светом тела, которого наяву не вижу и не ощущаю. Он обволакивал меня и проносил мой вечерний пейзаж, задолго до того, что могли бы сделать другие люди на кладбище. Когда бы тени все растворились, и не думали, что за каждой такой каменной стеной много свёртков с мертвецами. И что они хотят узнать тебя поближе и приобщиться в твоей ментальной разнице быть человеком живым и быть человеком мёртвым.

Там же, на этой глубине морали и я стал сегодня вынужденным мертвецом. Может потому, что лондонский холод сковал моё жалкое тело и оно стало бледно белёсым и тонким, как слой ватных трубочек мороженого за гроши. Я одёрнул свою руку и увидел опять чёрного ворона. Тогда я понял, что вернулся в свою реальность, где ментальный образ помогает мне искать предшественника болезни в своей голове. Может быть он не думал о моём нелепом положении, но я уже хотел уйти домой. Как, вдруг, услышал опять этот приятный женский голос. Он сообщил мне, что Джейк теперь любит Луизу и что они будут до смерти вместе: говорить и жить на одном языке, также правильно, как их учили в молодости их родители. «А я и не думал, что у Джейка есть корни из Латинской Америки», — подумал и обрезал сам себя, чтобы притронулся к маразму такой повседневности в жизни. Она окружала меня везде, будто ждала, что со мной что-то случится. Я не думал о плохом и не надеялся звать на помощь, когда она точно ко мне не придёт.

Я вздрогнул и понял, что пора идти домой. Попрощавшись с баронессой и сделав поклон — я выманил немного времени у себя самого, чтобы ещё немного подумать о ней. Всё таки такой холодный и пронзительный воздух окутывал меня сегодня намного глубже и обдавал приятным гипнозом, чтобы обвивать потом свой лондонский смог и говорить уже о существующих вещах в голове. Так мысли ходят из стороны в сторону и мелькают по соседству, как дети, которые хотят понять своих родителей. Даже когда они постарели и не могут выполнять сложную работу изнутри. В таком положении мог бы и я оказаться, но думал о милой баронессе и о её зелёных глазах внутри сегодняшнего прекрасного вечера. Я ушёл также быстро, как и вернулся, но голос в голове продолжал играть всё с той же силой. Тогда я поверить не мог, что Джейк уехал с Луизой в Перу, но подозревал что-то такое и в глубине души уже сомневался, как мальчик.

Уже находясь поздно ночью в своей квартире, я думал, что смогу понять такое мистическое озарение и пойти на поводу у милой дамы Алесты, чтобы поверить ей ещё больше. Она напоминала мне одну девчонку из детства, в которую я был безумно влюблён. Но тогда считал себя слабее её по духу и ментально разочаровался в таком мире благородства отношений. В ту пору у меня было всё, но не было лондонского холода и смога. Не было той атмосферы старых замков и камней, которые своей странной древностью могут затмить даже страшные опасения в жизни. Когда они приходят к тебе

наедине или мелькают, как призрак, чтобы уstrasшить этим всё больше и дальше. На этой ли Земле я жил — даже не знаю, но наутро мне захотелось позвонить Луизе и спросить, что всё таки происходит на самом деле? Я оделся и принял душ. На небе не было ни облачка, а моя тень так ярко отражалась в местном зеркале, что послала мне мнительное подозрение, что со мной что-то не так.

Случилось или случается постоянно, в том, чего я не жду. А может это просто Том меня обесценил своим дедуктивным рассудком и не понял всю скорбь такого маразма прохождения жизни. Когда может живёшь только от убийства к убийству и не манишь своими сверхъестественными способностями этот ветер из преисподней, а только молчишь. Луиза также молчала в трубку и корёжилось что-то в тени такого милого благородства. Я решил пойти на работу и не стал больше праздновать её отъезд, а когда вернулся то увидел небольшое сообщение. Оно было на автоответчике, так прискорбно создано и опрометчиво призвано меня будоражить и дальше. Ровно до той минуты, пока я его не прочитаю вовсе. В нём говорилось, что у Луизы непредвиденные обстоятельства, и так она решает свою жизненную проблему — быть человеком не на своём месте, позабыв даже о тех кто рядом. Сейчас я не был с ней рядом, но хотел узнать более подробный сюжет такого поворота судеб.

Луиза была непростой и очень меня удивила своим нахальством. Помня, что мне пришло от Алесты — я стал рас-

суждать, как настоящий спиритуалист или маг, от которого мертвецы отходят на полторы комнаты и ждут, что вечность никогда не наступит. Она наступила для меня, когда мне позвонила Софи. Мы мило разговорились и стали думать о том, что можно бы уже жить вместе. Или сладить внутри прелестной основы мира надежд — обнажать сердца не друг другу, но своим ментальным врагам. Я не стал записывать во враги Луизу, но лондонский смог подсказывал мне, что это придётся сделать уже в будущем. Там же, где на самом краю не остывшего ужаса ты сможешь увидеть свой склепный идеал смерти или понять его чарующую форму многозначности быть живым человеком. День задавался нескладно и было — то жарко, то холодно. Где нельзя поднять глаза выше своей непроходимости жизни, но ждать, что лучше ты сам сможешь сделать только через силу.

И такая сила появилась у меня. Я сам призвал её себе на голову или хотел призвать тайно и она стала моей спутницей жизни. Где-то в глубине души и мог бы запятнать там и Луизу, но не хотел. Ведь выдержать этот бардак было совсем сложно, как подходящее сорокалетие. В нём я не видел оценки быть мирным гражданином, но искал точный намёк на свою свободу от бизнеса в магазине. Чтобы потом стать ещё более счастливым и богатым самому для себя или не выжить больше никогда. Так я мог часами смеяться над своей жизненной харизмой, то опуская её на дно колодца, то поднимая изнутри такого же счастья быть джентльменом. Я слож-

но обвивался такой грациозностью, чтобы сделать прыжок в будущее и стать себе более полезным человеком. Внутри которого будет всё и не будет невротического чувства превосходства, а только мораль весенней юности, как постылый манер быть лучше идеалов в самом себе.

Остановившись на такой милой ноте я не думал даже идти дальше, но предложил моей подруге жить вместе. Мы стали собираться и приготавливаться к такому волшебному событию. Ведь возвращаться в Нью-Йорк я никак не хотел. Там был заброшенный сквер и пустырь около моего семейного дома, который напоминал мне о старых болезнях гордости и тщеславия, а потом нагонял просто тоску. Может по своей современности, которую я так хочу нанизать на себя и стать модником. А может потому, что я ещё не совсем оставил позади свои детские переживания молодости. Они рылись в моей голове и хотели выпрыгнуть наружу, где могли бы увидеть милую Алесту или Софи. Мы решили всё также быстро, как это смогут решить соперники в битве за власть. В таком расстоянии и лежать было бы неудобно, но я предпочитал просто молчать и не вызывать долгого подозрения внутри своих внутренних желаний. Там же роились новые тёмные мысли о замысле Луизы и дёргали меня за плечи. Каждый раз, когда мне было тяжело даже думать о таком соперничестве в своей голове.

Прошло пару лет и Софи обрела такую молодость с рождением ребёнка, что ей стали завидовать все вокруг. Она ко-

нечно не хвасталась, но сияла, как ветреный апельсин, который может менять свою окраску внутри категоричности не сложившейся жизни. Там же я ждал постоянно, что ворон нашепчет мне другую тайну о Луизе, но этого не происходило. Мы проводили свой досуг также как и раньше, а я любил курить дорогие сигары и млеть от своей ненужности, как мужчина по жизни. Так я мог бы самоутвердиться, если смеялся или серчал, но Софи улыбалась и в её глазах быстро отражались те же блики ментального сходства — быть мне угодной матерью и последней надеждой на хорошую жизнь. В такой политической картине, может даже самый старый вид консерватизма казался мне не таким уж болезненным и хилым, а дамы вокруг мелькали, чтобы только развращать моё тонкое и слепое самолюбие.

В тот вечер я лежал на диване и смотрел по телевидению какую-то программу под необычные виды спортивных игр. Под то как можно разнообразить свой досуг и не делать из этого опасности вокруг себя самого. На такой ноте во мне собралось много воздуха и я, как лучший спортсмен начал признаваться себе в любви. Так я прижимался к дивану и ощущал тонкий трепет своего существования, но всё не мог понять, что именно тревожит меня больше. От Луизы не было никаких новостей и я уже почти что забыл о её существовании. А Том также пропал, и не слышно было — выяснилось или нет кто убил тогда Альберта у моего окна? Прошло много лет, но этот завиток воспоминания тревожит мою ду-

шу, как чёрная капля. Где в каждой капле ты не можешь забыть собственные ощущения, а просто лежишь на диване и думаешь о новой встрече с судьбой. Какой именно я ещё не знал, но подозревал, что мне придётся помучиться, чтобы найти этот открытый ребус и разрешить его материальную структуру в свою личную пользу. Как это делают многие люди подсознательно, но не верят в свою силу духа, а только пленяют моральный свет позади неоконченной пьесы — быть дураком для кого-то другого в жизни. На этой стороне мне было всё понятно, но от той стороны никто ещё не отдалялся также трепетно и по-детски. Я прислушался к себе самому и нашёл быстрый выход из случайности внутреннего космоса. Который жужжит или мычит, когда ты ему достоин в своей жизни никак не помогаешь, а просто живёшь по представлениям своих родственников или друзей.

Около девяти часов вечера в мою дверь позвонили. Может это была Софи, но она уехала к своим родственникам на пару дней или кто-то ещё из соседей.. Мне показалось, что что-то странное приближается ко мне и внутри пересохло в горле. Как это может быть с каждым порядочным человеком, который хочет понять, что ему делать и как стать ещё более порядочным на свой счёт. Я быстро встал и пошёл к двери. Но что-то в груди забилося и сказала мне, что открывать не нужно. Странная оплошность или маленькая тень проскочили опять около меня. Так, что я смог краем глаза из-за плеча увидеть это столпотворение частиц и быстрым движени-

ем ресницы смахнул оттуда свой пучок нервного переживания. Я спросил кто находится на той стороне двери и немного улыбнулся сам про себя. Там был мой старый знакомый Дональд. Он также потёр свой чёрный ус и приготовился мне рассказывать всякие случайности и одиноким взглядом переводить между ними свою циничную и щепетильную руку. Чтобы потом подогнать очередной позёрский вымысел о странностях нашей городской жизни или предложить опять махинаторский способ для заработка.

Мои ожидания почти что оправдались и я увидел много бутылок пива и также несколько приспособлений для мыслей, чтобы их распить в удобной компании. Так мы стали выяснять что к чему и уподобились двум нелепым бизонам, которые всем хотят перейти дорогу, но не знают как это сделать, а только молчат. Молчал и я в свою трубочку детского воспоминания и ждал, что не сойду с ума день на день, но приглашу гриву к своему ментальному начальнику. Так мы договорились, что наутро у меня уже болела голова от выпитого, а всюду валялись обёртки от бургеров и странный запах прошлогодней ёлки, которую так любила наряжать Софи. Она наверно была бы счастлива увидеть у себя дома Дональда и понять, что такое воспоминания и с чем их можно принять наедине с беседой друзей. Уже светало и я решил задать Дональду странный вопрос. Точнее я спросил его о Джейке и о том, что бы он подумал насчёт моих сегодняшних дел с бизнесом. Вопрос был с подковыркой и я начал мед-

ленно его раскручивать. Так медленно, что даже маленький сурок сжался бы и убежал восвояси, а я пристально смотрел Дональду в глаза и ожидал ответа на свой вопрос.

Тогда Дональд с необоримым мужеством и такой же неуёмной сорокалетней харизмой сказал мне, что Джейк уехал с Луизой далеко в другую страну и видно больше не вернётся. Будет высылать письма периодически или искать повод пообщаться через интернет. На этот откровенный посыл — я сжался и сел в кресло. «Видимо только я один такой дурак на свете, что ничего не знаю. Когда вокруг все всё знают и давно обсуждают в интернете. Не так уж прискорбно думать себе этот факт, сколько говорить об этом с Софи», — на этой странной мысли я повернул голову к Джейку и пожелал ему всего хорошего в поисках его фантастического бизнеса или нелогичного заработка денег. Который он любит навязывать своим друзьям или щепетильно приспосабливает сам для своей человеческой харизмы. Вроде бы у него всё было хорошо: и семья, и дети, и родственники с друзьями в полной обойме, но чего-то странного не хватало и поэтому он грезил внутри головой. Дональд видно так приспосабливал свои мысли к этим странным ситуациям, чтобы вести внутренний разговор на отдельных слоях личности, а потом смыкал свой трепетный мозг уже на середине разговора, чтобы понять как на это отреагируют его оппоненты. Но мне было всё равно, я читал постоянно в его глазах неуверенность и мечтал прийти на помощь другой внутренней свободе.

Она конечно не как статуя завораживала меня, но манила своей харизматичностью и держала в огне мысленного дня трогательные точки одного и того же маразма. Так я привык сам к себе и уже начал понимать, что становлюсь немного старше, а мой возраст выдаёт во мне — ту черту, которую я хочу забыть до конца. Но такого конца я не вижу, а крайность Эдуард видит всегда и говорит о ней, как о сладкой конфетке, в чьих руках он сможет поддержать её и налить свободы в стакан побольше. Я проводил Дональда и мы стали также трепетно отвечать сами себе на разговоры, потому и молчали вслед, а потом и вовсе разошлись. После этой встречи у меня в душе остался серый осадок и небольшой всплеск иррациональности мог бы мне помочь. Я даже стал подумывать о новой работе. О том, что я могу полезного принести обществу, если сам захочу принять на свой счёт ещё немного благородных дел. В такие минорные минуты пот капал у меня со лба и я расстоянием в сто миль думал о своих личных переживаниях. Как их понять и как уподобить внутри разомкнутых рук, которые всегда сложены перекрещено на груди.

Мои ментальные вдохи дошли до самого желудка и я понял, что вернулась Софи. Она словно бабочка впорхнула и заняла свой женский трон привилегий, а потом подалась на меня всем видом и показала обновлённого сына. Джереми заёрничал и написал кругами сердце передо мной, чтобы инфантильно показать свою гордую улыбку или восторг. Он точно думал, что это сработает и это стало меня успокаивать.

Я ощутил всю прелесть отцовства и решил, что рядом будет точно не Луиза, но что-то постоянно вкрадывалось в меня другого, того кто был недавно на кладбище. Я ходил туда нечасто, но думал, что огонь гипнотической жадности заберёт всю мою тоску и я буду просто переживающим свой кризис возраста. Обычным англичанином или странным пройдохой, который работает в магазине и ждёт чуда над своей головой. Оно так и не произошло, я выдумал много новых сожалений для самого себя, но совсем отучился критически думать. И тут, в мою дверь опять позвонили.

На пороге стоял Том в своей коронной чёрной шляпе и решал, что будет для него крайней точкой разговора внутри. Я не сразу понял, что он от меня в принципе хочет, но решил, что он просто обдумывает старое убийство или ищет дополнительную информацию. В ходе разговора Том как-то нелестно на меня посмотрел и перевёл глаза на Софи. Потом он сказал, чтобы мы уединились и пошли разговаривать в более подходящее место. На кону стояло немного и я решил пойти с ним в местный бар. Он был недалеко на соседней улице и назывался «Real Time». Я как Эдуард конечно не совершил кругосветного путешествия, чтобы объяснить полицейскому точку зрения, о которой, быть может, он и сам догадывается. Но Том предположительно принял мои слова очень критично и сжался прямо за столом в баре. Мы мелькали там между огней небольшого холла и путались в невыносимой точности музыкального сопровождения. Когда я то и

дело отходил в уборную, чтобы понять что происходит на самом деле со мной и с моим чутьём. Оно меня конечно же подвело.

Уже через час после нашей беседы Том стал предъявлять мне обвинения и доказывать, что именно я спланировал это убийство. Что люди, которым было поручено это сделать ещё не пойманы, но все улики показывают на меня. На этом ответе я нахмурил лоб и поддался даже небольшому смешку. Я не мог поверить в такую расстановку лжи и никак не преследую ничтожной новостью — хотел быстро всё изгладить и решить сам. Но мои поползновения относительно денег Том быстро отмёл и дал понять, что он не поддаётся подкупу, а также говорит лишь правду и соблюдает свои права, как законное мыслесопровождение социальной любви. Любил ли Том кого-нибудь я не знаю, но он точно знал о своей свободе, точнее о том, кто мог бы её дать ему в случае если я окажу быстро сопротивление. Я почти собрался и сказал ему, что готов всё подтвердить в участке, но на повинную добровольно не пойду, так как считаю себя невиновным. Том лишь пожал плечами и уставился на мой смартфон, чтобы изучить там записную книжку. Мысли летели куда-то не туда и я не понимал, что происходит. Но принять эту реальность как таковую не мог до конца и сжимался в своей нелепой скорлупе, чтобы кричать так больше и дальше, пока совсем не оглохну от звука собственного голоса.

Шли минуты и мне становилось всё нелепей и хуже. Я уже

забыл про свою семью, но искать глазами посетителей перестал. И вот, мы отправились в полицейский участок, где я прошёл немного объяснительных разговоров и снял с себя все точки выхода и входа в ту реальность, которую я больше всего ненавижу. Эта реальность была — смотреть из окна туда, где всегда холодно и слякотно, где летают тяжёлые птицы и не дают теперь мне покоя своим криком. Там же я нагнулся, чтобы покурить или понять, что в этот момент моя вторая половина думает, что со мной всё нормально и путно. Меня осенило трудное волнение и качество жизни, к которой я привык — поставило мне точку иного входа чем через чёрный тупик внутри кладбища, где я любил гулять. Там же у меня было прозрение или оговорка, что в себе я не найду выхода или входа, а буду постоянно мучиться, пока мои враги будут мне ставить палки в колёса. Так и получилось, я стал вспоминать всех своих соседей.

Я уже вспомнил почти их всех, и маленьких и больших, но больше всего мне запомнился друг Каллум. Он был самый осторожный из всех и моложе меня на десять лет. В его глазах также отражалась картина сожалений о прожитой жизни, о той которую я потерял и никак не могу найти. Там была Луиза и много мрачных крокодилов. Там был Джейк, который всё таки меня окончательно обманул и в такой ситуации мысли и вовсе выходили из под контроля, чтобы собраться в тёмный астральный пучок и вовсе вылететь из моей неокрепшей головы. Через неделю ко мне пришла Софи и сказала,

что меня смогут выпустить под залог, но придётся немного потерпеть. Я собрал силы в кулак и вымучил свою последнюю ночь в участке. Там мне приснилась Алеста и опять позвала на кладбище, чтобы объяснить как я могу исправить свою жизнь. Если она вышла из под контроля и никак не вяжется с той предыдущей, что я нёс в своих мозгах и думал, что это хорошо. Где-то в глубине таких сожалений я не мог понять как выпутаться из странного дела, пока не могу дозвониться до Луизы. Она ведь не на много меня моложе и делает всё также, как и я сегодня в муках наверно, теперь уже в Перу.

Когда я вылупился из своей английской раковины, то понял, что нахожусь дома на знакомой мне улице и не могу выдернуть свой последний волос на голове. Может у меня их было слишком много, а может так было нужно для дальнейшего расследования. Я начал его понемногу и быстро приспособливался к новой информации. Там же, на знакомой мне закорючке ставилась и плавное тире, чтобы напомнить мне, что всё в мире относительно. Также как мой нос или мой характер, в котором много чопорности или невыносимого ужаса — быть последним человеком, умеющим думать на этой улице. Так же Эдуард размышлял и о будущем своего ребёнка, о Джереми. Где тонкими пальцами можно было посчитать всю несхожесть жизни моей и его в одинаковом возрасте. Может молодость далась мне трудно, но была полна необычных дел и знакомств, а теперь только бесконечный

детектив и навязчивая улица, из-за которой моя семейная жизнь не складывается. Мечтать конечно не вредно и я понимал, что вторую половину жизни проведу как-то по-другому, чем ранее. В моих глазах отражалось не только солнце, но и свет, в котором можно было увидеть Алесту.

В эту ночь она мне очень снилась. Был январь и я решил пройтись туда ещё раз после новогодних праздников. Будучи постоянно в состоянии лёгкого опьянения — я мечтал пройти целый квартал незамеченным, чтобы потом, превратившись в призрака сосчитать до двадцати и улететь к чёрту из этой наглой Вселенной. Оттуда мне возвращаться никак не хотелось, на кладбище я почувствовал тепло камней и тёмные лучи успокаивающего тона своей не проходящей болезни. Я не был готов и не мечтал им стать, но моё тёмное представление о жизни давило в груди, чтобы природа приняла там мысленное превосходство и дала мне ещё надежды выпутаться из этого мысленного беспокойства. Уж чего бы я не мог пережить — так это расставание с Софи, но мчался как на последнем поезде своих надежд на лучшую жизнь. Там было всё, а магазин менял окраску из чёрно-белой на более цветное отображение верности и преданности между людей.

Меня никто не забывал на этом острове мысленной невзгоды и я представил, что бы могла сказать мне на этот счёт Алеста. Она тихонько послала ко мне чёрного ворона и он опять проявился на моей правой руке. А потом он сам заговорил со мной и припомнил кучу всяких недоразумений

из прошлого. Оказалось, что многие соседи видели меня постоянно из окна моей квартиры. Они конечно сказали всё Тому и навели подозрение, чтобы лучше понять кто на самом деле является убийцей того Альберта. В такой ситуации слушать было бы странно и я переключился на тайный символизм внутри себя самого. Чёрные раскаты как волны нагнетали моё воображение, пока полностью не вывели спонтанный выход из этой реальности туда, где нет ни одной души вовсе. «Может я теперь даже увижу там Альберта? Или пойму, что ему нужно от всех нас, оставшихся в живых на этой Земле?» — подумал было и сам засмеялся себе в ответ, чтобы пригорюниться ещё больше и дальше, что пью постоянно один и в таком одиночестве пребываю. Не то, чтобы Луиза мне постоянно запрещала делать это, а то, как я мог обнаглеть и пуститься во все тяжкие, набрав там груз совести. Меня сегодня обескураживало и давило, чтобы менять постоянно маски совести и думать о том, чего я никогда не смогу выполнить.

Не мог я только дать себе ответ — кто я такой на самом деле? Где мои грани фантастического гения, который ведёт меня на эту английскую землю и даёт мне прохладный воздух, чтобы обещать что-то иное? В таком же среднем возрасте или полностью выгибаясь, как пантера, чтобы ворон на руке говорил только личную правду. Я подозревал его всё ближе и ближе, и вот, он наконец разразился гневной тирадой. Оказалось, что Луиза была в конфликте со многими моими

соседями и мечтала уехать поскорее в Перу, гоняя меня из угла в угол, что я постоянно напиваюсь. В том то и кроилось странное подозрение, что многих можно было обвинить, но никто не взял бы на себя вину. Только подозрение, как алая тоска своими слипающимися тенями мелькала из угла в угол и ждала меня на странном повороте. До суда ещё было много времени и я мог самостоятельно поискать улики насчёт этого странного убийства. Когда я обошёл всех в доме, то не понял кто мне врёт, а кто нет.

И теперь, сидя на кладбище я также не смогу понять в игре со множеством неизвестных — кто на самом деле убийца? В таком забытье я просидел много времени, стало темно. Да так, что ноги мои прилично замёрзли. Они наверно тяготели к другой реальности, к той, где нет Алесты. Когда бы эти зелёные глаза не завораживали меня и не томили, но мучили из ночи в ночь и приспособливали мою жизнь к другому логическому заключению. В этой жизни логики почти не было и я упал в сознательный космос. В ту дверь ещё никто не заходил. Чтобы спрятаться туда я опять вызвал чёрного ворона и он принял мой бой, как не отверженную монету внутри строгости — расти над своими капризами и мечтать прожить жизнь достойно. Я хотел прожить её не как все, мечтал приобщиться к любви, как дозорный или следователь, но искал всё время подвоха. Когда ворон прилетел, то был немного взбудораженным и его перья отливали каким-то синева-то-фиолетовым признаком добра. Я подумал, что это пред-

чувствие лучшей жизни так действует на меня и успокаивает мои старые нервы. Там же я задал несколько вопросов ворону и сам себя удивил на этот раз.

В ответе я услышал свою собственную логику и вывел формулу личной выгоды, что хочу понять или принять от этой жизни. Когда смотрюсь туда, как в зеркало и отражаю в любви тонкое преимущество — быть сегодня немного серьёзнее. Может Джейк также хотел быть brutальнее и лучше, чтобы потом уехать жить с Луизой, но это осталось за рамками моих догадок. Под конец моих догадок я услышал в трубке смартфона Тома и очень удивился на сей счёт. Он искренне хотел меня обрадовать, что нашлись новые улики по моему делу и меня теперь не обвиняют, но будут держать в курсе до суда. Я успокоился и понял, что облик чёрного ворона говорит чётче, чем мог бы другой человек всем своим видом подать или принять на свой счёт. Там же я стоял одиноко посреди улицы и говорил с Томом, чтобы ощутить ту прелесть ночного Лондона и его внимательный шум машин. В которых можно лишь погрязнуть или утонуть, не выслушивая этот облик мрака, как последние точки выхода и входа в ненадлежащее брэнностью клеймо.

В таком клейме меня сегодня не было. Я отделался лёгким испугом и неумело вышел из своего состояния «окна». Там было много воспоминаний и надежд, там были звёзды и детские переживания, но не было спокойной жизни. Мне думалось, что я и дальше переживу этот мир, где не буду дол-

го мучиться от вспотевшего лба, но и этим не грешил. Том предложил отметить это событие в баре на следующий день и я согласился. Я был так рад, что потерял ощущение близости сам собой, со своим временем и внутри уже не мог доверять своей интуиции. В тот же день Софи сказала, что будет мамой во второй раз и этим научила меня повторной жизни. Как небольшой глоток воздуха, я схватил это сожалеющим тоном о себе или пронёс весь свой прыжок через космос прямо перед её глазами. Чтобы потом больше ничего не хотеть и не иметь — после ментального самоудовлетворения, накрапывающего, как мелкий дождь за окном.

Я нашёл в джинсах пачку сигарет и закурил, посматривая на своё окно издалека, но никак не приближаясь к нему. Я не хотел видеть это огнедышащее животное, которое своими тёплыми руками чуть не загнало меня за решётку. За ту, где моя грань реальности никогда не пересечётся с реальностью убийцы. Так я постоял пять минут и открыл ещё небольшую формулу успеха. В ней я обозначил этот мой новый космический знак привилегии и новое умственное правило — притягивать только события, которым я действительно нужен. Ни моим друзьям и коллегам, ни семье, ни Дьяволу и не Богу, а только самому себе. И в такой неудобной обстановке я встал и увидел в небе чёрного ворона, который плавно летел ко мне на окно. Он сел на подоконник и прижался к стеклу. Также как ко мне прижимается по вечерам Софи, чтобы улыбнуться мне перед сном. И потом понять, что я для неё единствен-

ный и неповторимый мужчина из непередаваемой игры слов и таких же откровений её сна. Она спала очень глубоко и дышала также ровно и критично, чтобы понимать, что ловкое повторение космического монстра в душе — обойдётся ей дорого.

В такого монстра превратился я с утра и стал делать уборку. Когда же я под диваном обнаружил старые записи, то нашёл там древний телефон Джейка и решил сам ему позвонить. Я набрал быстро номер и немного опешил от гудков. Видимо он его не сменил при переезде. На его скромный и тихий голос сразу напало моё ловкое приветствие. Я быстро очутился в его мире странного потягивания и среза ментальных выдумок. Но всё же узнал, что он не собирается больше приезжать. Он как-то странно задрожал в трубку и медленно спросил меня, как поживает Альберт? Что у него нового и чем он сегодня занимается? На этот вопрос я сузил круг моих детективных приёмов и прямо ему ответил, что не имею никакого представления. Ведь я живу только для семьи, уже своей второй по счёту. Так как из первой ничего не вышло и дама меня просто оставила. В такой циничной форме я закончил разговор и успокоился, что сам себе не подозревая налил чашку кофе и выпил залпом. Видимо для того, чтобы проникнуться дедуктивной теоремой из множественных факторов риска, из которых я собирал сложную фигуру в своей душе.

На неё нанизались: мой опыт жизни, моё благородство,

моё сорокалетие и то, как я правильно произношу буквы в словах при разговоре с людьми. Так я мог бы объяснить себе, в каком самочувствии находится сегодня Эдуард, а как мог бы выглядеть он в прошлом или в будущем. Этот необычный подход я выделил сам для себя и тайно обвенчался, чтобы ждать другое детство в своём сознании. Ему конечно не привыкать обучать меня сравнительным правилам в боксе, но уж точно заставлять думать о своей перспективе в будущей жизни. Изнывая от уборки я наладил сам с собой разговор и стал почти ментально положительным. Потом поднял с поля десять центов и увидел там знак приближающегося богатства. Почему именно таким образом? Я видел теперь символы в каждом действии и объяснял всё шиворот наыворот, чтобы увидеть истинный смысл явлений. Так моя логика расходилась с общепринятой и провожала там всех моих ментальных врагов. Они конечно научили меня думать довольно турбулентно. А также летать дорогими рейсами в разные концы света. Я хотел просто понять — чем закончится вся эта нелепая история?

Вот, пришёл черёд последней комнаты и там, на самом верху шкафа я увидел, как моя жизнь начала превращаться в какое-то чудовище. Я вижу выход, но не знаю как достичь его социальным способом. И также мои мысли стали мелькать напролом души. От звонящей трубки я выронил из рук коробку со всякой мелочью, но не испугался. Достаточно ловко я взял свой смартфон и услышал знакомый голос Тома. Ему

выплатили премию за раскрытие нескольких сложных дел. В том числе и за раскрытие моего дела, в котором я принимал не последнее участие. Как выяснилось заказчиком убийства Альберта был Джейк, но в этой истории ещё не всё так легко. Он просто нанял своих двух друзей, которых позже уже нашли. А его самого всё также и ищут по городу, вникая в серые каменные стены Лондона и сущий ад, в котором я мог бы очутиться на сегодня. Немного улыбнувшись сам про себя — я стал в свою непреднамеренную стойку молодого боксёра и замер, чтобы увидеть перспективу на этот случай. Может немного подработать следователем и найти причины дать дополнительные улики в деле моего знакомого Джейка? Чтобы расследование шло быстрее, а я получал много удовольствия от своей прожитой и полновластной жизни на этой Земле.

Мне символ — бездну преподнёс на имя

Я рос в такой семье, что сразу хочется признаться самому себе, что внутри такого богатства и разнообразия — есть местечко и для боли. Но боялся я больше всего сам себя. Своих ощущений быть Кэмероном, влиять на своих друзей и смотреть, как они вырастут такими же красивыми и добрыми, как в сказке. В ней я хотел очутиться постоянно, но не думал, что мне будет также холодно и тихо, умнея — вести себя сообразным образом с мечтателем внутри коробки счастья. Я зарядил её в Риме, где и сам проживал, чтобы любить себя больше, чем есть на самом деле. Когда лучи моего детского тщеславия восходят на берега такого же чувства дружбы и солидарности и не смотрят никогда вниз. Не думают, что в пропасти можно найти тайные знаки мудрого противоречия и засквозить им, чтобы будучи подростком казаться всем девушкам рядом — ещё brutальнее. Так и было до того момента, пока я не понял, что несу символ сакраментальности сам в своей душе. Я не смогу ей никогда управлять и не буду счастлив в том городе, где живу. А Рим не расскажет мне тайну моего родового наследства, чтобы приручить моё хлипкое благополучие и дать мне надёжную опору на следующую жизнь под рукой.

Там я был всего лишь Кэмерон, как рыжий кот, который

хочет поласкаться и не может принять свою жизнь без остатка в любви. Но мне удалось усмирить тайную страсть к переживаниям и там я не скатился в уме, как некоторые мои насмешники со двора. Моя семья жила умеренно и мечтала познать ту сущность правды, которую никому не выразить. Будто мы рудокопы и копаем под землёй так глубоко, чтобы через сотни лет никто не смог узнать тайну нашей семьи. Моя мать Кларисса мечтала, чтобы я обвенчался в церкви и у меня было всё как у людей, но сама предпочитала обычный семейный брак и кучу подружек. Которые в тайных разговорах всё время подначивают её бросить своего мужа. Так я прослушал долгие и тяжёлые разговоры о семейной судьбе. Не будь я Кэмерон — не вылечился бы от женской болезни, чтобы играть потом на нервах уже у своих современных друзей. В детстве я любил одну игру в карты, в ней было много игроков и каждый задавал прямо вопросы, а потом выкладывал свои карты и на спор считал результат своей непревзойдённой идеи, чтобы потом предложить следующую. И так по кругу, пока все идеи за день не выветрятся из головы.

Пацаном быть — одно удовольствие. В детстве я считал, что всех смогу обыграть и нисколько не вычерпну плохой мудрости из гнилого сознания людей. К такой привычке можно даже пристраститься. А Кларисса не могла мне дать то, что я мог бы использовать в будущем. Она просто причитала мой разум и подавала хладнокровное самолюбие в об-

мен на очередную хитрость, которую могла бы приготовить на следующий день. Там, в нём был я один и немного в замутнённом сознании уже шёл в свою школу. Чтобы принять очередную таблетку взросления и подросткового счастья. Я надеялся стать мудрее и роскошнее, как это можно представить себе в оболочке грёз. Мои профессиональные навыки были математические, а счёт постоянно завораживал своей мелкой тесьмой в глазах. Цифры мелькали одна за одной, я думал им подчиниться, а потом забыть сложность эпопеи взросления. Там я хотел выдумать себе приз за грациозной оконцовкой учёбы в школе и при поступлении в университет. На что Джон меня постоянно отговаривал, ведь работа для него была на первом месте.

Джон считал, что только трудом можно постичь этот современный мир и обогатить свой опыт, как собственноручный. Чтобы дать себе щепотку такой соли и любви, что будет искриться в глазах или щипать душу. В неё я конечно не верил, но ждал, что ангелы слетятся ко мне и будут прямо на подушке рассуждать о любовной теореме моего будущего. Чтобы разнять злой дух и покорность — быть современным разгильдяем. Мои брови чуть тронулись на этот раз и я увидел Джона. Он шёл напротив по улице и курил сигарету. Он так улыбался, что стало странно, ведь мы почти уже закончили школу и должны были поступать в университет. Джон даже не прятался от других, но не поддавался сомнению, что привяжет свой путь артиста туда, где не будет ни-

какого ханжества. На этот счёт я не стал выцветать и также принял позу благородного мужчины, а потом резко поздоровался с ним. Мы мило побеседовали и решили, что пойдём этим вечером на вечеринку рядом с домом. Мы жили почти в самом центре Рима и там было много заведений для пьяных завсегдатаев. Они плодились с каждым новым годом и заполняли своей плотной атмосферой то чудное чувство предвосхищения пятницы. В такую из пятниц я и отправился туда, где познакомился с Евой.

Её глазам невозможно было угодить. Она никогда не наклонялась вперёд, а только вытягивала свою длинную шею и делала очень удивлённое лицо. Оно мне было странно знакомо, как будто я видел её в старом и далёком прошлом, но не сумел провести черты, чтобы вспомнить детали. События стали нагнетаться всё ярче и ярче, а потом мы с Евой решили подумать о совместной жизни. Вроде бы всё нормально и символически не отторгает судьбу — быть обычным римским джентльменом. Но также потакать своим ментальным слабостям, которые делают из тебя очень опытного молодого мужчину. Я не думал пронять её своим гражданским долгом, но в лице последнего рыцаря снял ещё одну маску своей мысленной самозащиты. А там оказался неприспособленный ребёнок, который хочет постоянно учить других говорить красиво. Я конечно не был преподавателем по русскому языку, а просто играл в компьютерные игрушки постоянно. Стрелять для меня было также легко, как забивать шары в

боулинг или тащить улики из собственной памяти из головы.

Мне виделось ровное и прекрасное будущее с Евой. Эта темноволосая мадам была так обольстительна, что шептала мне на ухо самые сокровенные слова. Может они были о прошлом или о её особенностях переживания чувственной любви, но мне и это нравилось. Так было бы до бесконечности красиво и ощутимо — искать ещё выдох на себе и говорить родителям, что всё кончено с моей пацанской жизнью. Потому что всё прошло, а Рим мне стал, как образ непроявленной лжи, из которой я хочу постоянно убежать. И я бежал от этой идейности внутреннего ощущения жажды быть человеком. Сначала я работал в компьютерной мастерской, потом на бирже труда и каждый раз, разговаривая с какими-нибудь людьми — я превращался в элегантное нечто. Которое будет трудно забыть или пройти мимо, если другого ничего ты сам и не заметишь. Меня замечали многие, а ещё больше замечали мою родинку на подбородке. Я так ей гордился, что считал её отличительной чертой своего рода. Мои надежды не выходили из ужасной бездны той надобности летать, а просто сидели у окна и мучили тайно по вечерам.

Ева или её тень постоянно сидели на диете и мне это порядком надоело. Я стал её учить, что женская природа должна быть естественной и мудрой, а она должна быть символом нашей любви. В такой обстановке мне хотелось уйти постоянно в себя самого и прочесть там немного детективов о страстной и нелепой любви главных героев. Чтобы потом пе-

ренести этот образ на следующий сигнал из моих личных переживаний и успокоиться внутри такого чувства первозданной этики. В чёрных сомнениях ведь нет чувства зрелости и я также понимал всю снисходительность жизни к любви. А Ева стала постоянно учиться на продажах и несла свой тип мышления мне прямо в лицо. От такой пустоты можно просто завестись или задохнуться, но я выжил и пошёл дальше. Я просто решил посоветоваться с Джоном на этот счёт. Он всегда открывал мне тайны мировоззрения своим циничным подходом. Где в руке любой возможности стояла только его мнительность или детективный надзор за оказуальным действием извне.

Когда мне минуло двадцать лет, то я почувствовал себя каким-то старым и очень отчуждённым. Может над своей собственной головой, а может за Джоном, который постоянно игрался с женщинами в прятки, и потом, когда находил нужную — то отчётливой костлявой рукой забирал всю её прелесть души. Не то, чтобы он был вампиром. Он просто был моим одноклассником, которой бы Кэмерон мог сегодня посоветовать не есть много сладкого на ужин. А после — не приглядываться на красивых и стройных женщин на улице только потому, что ему нечем заняться сегодня и он просто хочет позабавить свой мозг. В такой забаве пребывал бы и я, но тяготы жизни стали копиться больше и больше. Мы учились на машинистов и хотели обзавестись личной железной дорогой. Чтобы потом выпустить свой римский хвост нару-

жу и уехать навсегда из этой проклятой жизни. Назвать её очень очаровательной было никак нельзя.

Там, на самом дне изобилующей жадности я устроился на подработку и снял себе жильё для жизни с Евой. Она конечно мучилась предрассудками самостоятельной жизни, но немного окрепнув стала сама рассуждать уже, как взрослая. Может мой внутренний взрослеющий демон научил её так думать. А может наши поездки в Венецию и на Бари стали для неё такими незабываемыми, что она навсегда бы опешила. От такой страсти итальянской культуры или внутри себя, что она немного англичанка и сможет вести свой странный разговор также надменно и чопорно, как они. Там же, на самом страшном дне её мелких предрассудков Ева была довольно недурна собой. Она была выше меня и считала, что такой подход к отношениям всегда был для неё приемлемым. Крутя пальцем возле висков она как бы говорила мне, что немного ещё ребёнок, но сможет быть труднодоступной леди, если пожелает и станет равняться на других людей. Её родители были совсем спокойными и рассудительными, что очень импонировало мне тогда в ту пору взросления.

Я начал так издалека, чтобы опустить много моментов связанных с теми вещами, где нет места рассуждать о Всевышнем или катить бочку на других нелицеприятных людей. Они жили постоянно рядом и очень раздражали меня. Выдавая желаемое за действительное. Так как Рим привлекал нас своей латинской необычностью и родословной, то мы реши-

ли там и осесть. Хотя родовая колея Евы была также из Англии. Может там у неё кто-то ещё живёт и ладит с внутренним гением своей чистоплотной души. Чтобы хоронить не только мораль своего взросления, но и то, к чему ты постоянно стремишься, но не можешь достигнуть и бежишь обратно. Так и я стал бежать от коммерческой работы. Я сам раздражался от того — сколько мне приходится работать с людьми. Они были повсюду и тратили моё время попусту. Ведь я простой рабочий или готовый машинист электропоезда. В котором смогу увезти много богатых людей на ту сторону света, где они смогут найти ту же мораль, что и я.

С такими мыслями мы игрались с Джоном в Подкидного и в простого Дурака. Я конечно не был таким, но карточные игры уводили мой мир на ту сторону первобытного хаоса, когда ты сам не можешь больше говорить о любви, а держишь только классический палец наверх. Я конечно мог бы быть и юристом, но понимал, что держать палец наверх будет для меня не так самодостаточно, как хотелось бы, а впрочем, это содействие в мужестве могло бы меня опорочить и выдать теперь, как негодника. Я был «хорошистом» внутри себя и в такой призрачной погоне за новоявленной помощью Свыше. А Кларисса и Ричард всегда отгоняли меня от скоропостижных решений, в которые нельзя было бы вложить свою сумасшедшую душу. Они были так трогательны и старели, как по мановению волшебной палочки, чтобы пригодиться своему ребёнку как можно дольше.

В таком старании я жил довольно много лет. Пока мне не стукнуло тридцать. В те мгновения зеркало возмездия на свою личную жизнь заставило Еву усомниться в своей красоте и она стала делать постоянные эксперименты с внешностью. Она то страдала, как немощная, то юлила между подружек и ходила на модельные представления. Но всегда втайне хотела разразиться необычным смехом, чтобы потом прикоснуться ко мне ещё глубже. Благодаря такой бдительности Кэмерон стал отцом после тридцати лет и немного волновался по этому поводу. Когда тебе трудно после университета расстаться с иллюзиями жизни, а потом, как по воле большого волнореза пройти ещё несколько морских миль. То только опускающийся ветер в лицо мог по-настоящему успокоить меня и дать надежду, что в будущем никто мне не перейдёт дорогу. Там же внутри символической мачты здравомыслия я начал метаться на своей новой работе.

Я устроился на старую железнодорожную станцию и видел в ней полёт собственной фантазии, чтобы приблизить как можно больше людей к себе. Нет, не согнать их в поезд, а просто личностью приблизить в душе, чтобы они стали похожими на меня. Как будто бы я был политиком или мечтал стать таковым на нервном пережитке не сбывающегося идеала. В нём были мечты и много рутинного символизма. Когда бездна заполняет твой миф и ты не можешь как следует распознать трогательный её облик. Может она была просто римской женщиной? Из древности, в которой уже давно по-

забыты мои фантазии, но архетип прочно укоренился в моей нынешней голове. Как-то Ричард, он же мой отец, снабдил меня такой призрачной погоней за моим юным тщеславием и предложил мне одно личное удовольствие. Ходить с ним на футбол или метать теннисной ракеткой по выходным сложные нити мировоззренческого тока о свою любовь. Я немного сомневался, что смогу так же быть полезным для Евы и совмещать свой образ жизни, выезжая куда-то ещё на выходных. Поэтому сам решил отказаться и символ упал в моё прожитое детство.

Там было много игрушек, а бездна заполняла тот же ток древности, что и римский Колизей. Хотя дочку мы называли Ирма, но всё же я искал своё отражение в ней и думал, что смерть там меня не настигнет никогда. В такой суматохе лет и ожидания и провёл очень много времени. Конечно на футбол я сходил пару раз с отцом. Поигрался в теннис с ним, но мои преднамеренные и возбуждённые желания не давали спать моей рыжей голове. На таких сносях можно провести много времени, а моя работа доставляла мне много удовольствия и я проезжал мимо нашего дома постоянно в таком ощущении, что поезд может врезаться туда и как бы прошибить все невзгоды жизни и наши тайны. А потом повернуть быстро в другую сторону, чтобы самостоятельно искривить эту реальность наверх. Туда я не стремился, но принимал свою бренную жизнь за нечто несуразное. Я стоял постоянно на перроне вечером, чтобы подать сигнальный знак моей

помощнице и закончить наконец трудную работу, чтобы потом достроить своё «внутреннее железо» до той кромки самоличной глубины, где нет масок отражения личности. Не то, чтобы я боялся сам себя, но отвечал всегда прикрыто и как-то неуверенно. В университете меня за это заклеямили «Кэмероном пустой ботинок». Потому что много желаний было внутри такого ботинка, в который никогда не влезала нога, но амбиции выпирали наружу очень быстро и я, как бы смущался сам себя. Время от времени перебивая своих оппонентов по общению.

В моей семье также был кодекс чести, который направлял мои мысли куда-то вверх. Там, где стоял Рим, как отражение бегущего человека, которому нужно постичь истину в не облекаемой тонкости будущей полноты. Может полноценность так обескуражила мой мозг, что я полностью заполнил все седины и стал чувствовать себя невероятно старым. Хотя сорока лет мне ещё не было. Я был готов переплыть ту странную реку внутри своей многомерной души, но так, чтобы там не задеть Еву. Чтобы она не стала брать с меня пример уже давно запущенного поезда, который никто не сможет никогда выключить от электрического тока времени. В таком времени росла моя дочь Ирма. Я гулял с ней по утрам и думал, что меня вокруг никто не видит. Будто я стал серой пеленой тени или оброс в такой же сумрачной причине своего мужского одиночества. Я жил в семье, но считал себя внутри поражённым воином или обидчивым вороном. В котором сам

и запряг на длинную дистанцию всю свою свободную жизнь. Течение такой же кривой длилось не вечно.

В Риме стали происходить случаи насилия. Внутри которых некие особи мужского пола очень нагло преследовали женщин и пытались навредить им, а потом угрожали вплоть до смерти. Не знаю каким нужно быть грязным ухажёром, чтобы предвидеть такую ситуацию на улице, но я был в те времена крайне осторожным. Когда например курил на перроне или читал свежий выпуск газеты «Римский постовой». В такой беседе самым с собой мой рыжий цвет волос вынуждал меня светиться на солнце, чтобы ещё больше привлекать к себе внимание женщин. В таком труде я был невероятно счастлив, что приношу людям выгоду и пользу. А они катаются туда-сюда и видят при этом свои розовые сны внутри железной коробки поезда. Он стал моим вторым домом, чтобы приобщить к такому образу жизни или понять кто на самом деле приносит людям счастье. Я работал и работал и слонялся только по вечерам с Джоном, как проклятый на важные вечеринки, чтобы снять дневную усталость.

В одной такой пятничной вечеринке мне предстояло выйти на ринг с неким бугаём. Он был меня на две головы выше и очень раздирался, чтобы прославиться видно перед другими пацанами. Я сжал всю свою маститую харизму и вдавил ему между глаз, хотя сам был неполного телосложения и среднего роста. Там же, на краю бесконечности моего длинного кулака разжалобилась любовная схватка вместе с Евой.

Я думал только о ней и о том, чтобы спасти своё мужское достоинство. В таких драках всегда принимаешь чужую позицию, но тут все были очень невменяемыми. Они таращили на меня глаза и словно опешили, когда Тайлер получил сдачи. Он выбил себе один зуб. Точнее я постарался ему помочь и чтобы выйти из этой неудобной для себя ситуации — я просто отвернулся и пошёл прочь от этой странной компании. Меня догнал Джон весь в красных пятнах от стыда и спросил, что ему делать сегодня? Он точно не знал чем кончится данный спорт и как потом жить в такой нервной ситуации.

Вокруг на улице были клубы дыма. Это всего лишь туман поднимался в осенний вечер, когда сентябрь трогает тебя за пятки и шевелит тот же пласт воспоминаний, что и сам ты хочешь в душе преподнести на сей счёт. Когда я пришёл домой, то сказал Еве, чтобы она была аккуратна на улице и выходила всегда дотемна, как будто может выходить только днём. В личных воспоминаниях вечера стали проявляться странные причины моей усталости от жизни. Я не смог договориться с тем человеком на улице, а просто ему вдарил по самое «не хочу». Непросто себе признаться в том, что ты как местный болван — ждёшь постоянно чего-то и не знаешь чего. Внутри символизма стала проявляться моя нынешняя бездна. Я сам стал как комедийный актёр всё той же сгущающейся драмы, в которую не могу до конца поверить. Просто смеюсь сам над собой, когда смеяться уже совсем грустно и темно. Мои колени как бы поджаты, а я направляю свой

космос личности туда же, что никак не смогу перенять всю дробь реальности, а только выстрелить ей на ощупь и опять сказать Еве, что всё хорошо.

Только в моей работе было не так всё и гладко. Я поссорился со своим начальником и мечтал перейти работать в другое депо. Чтобы там уже наслаждаться ночью, когда видишь славные заходящие звёзды на небе, а они отвечают тебе той же благодарностью и немеют, как внутри человеческих глаз. В той же оконечности рельсовой полосы, когда твой транспорт стал уже очень управляемым. Прямо как и моя жизнь, но слезть с полосы ты не можешь, а жуёшь такую тонкую жвачку, чтобы прожить ещё немного детства и передать свой ум кому-то другому. Я передал его Ирме, чтобы она не боялась мрачного одиночества. Чтобы не подводила свою мораль насчёт женских проблем в личности, но и не шла на поводу у других людей. Там конечно же было много вагонов, как в каком-нибудь мрачном поезде вечности. А оставить такую гущу событий становилось всё сложнее и сложнее, чтобы уйти из неё насовсем. Мне мерещился символ бездны и я падал в него, чтобы ощутить все свои профессиональные склонности и найти там одиночество. Чтобы тайна, которую я вижу захватила мой род и отнесла бы его в ту сторону направленной вечности, где ещё нет никого на свете. Стою только я один и курю на перроне, когда не отвлекаешься от злободневных новостей и не любишь никого в своей голове.

Но любил я конечно Еву. Её тёмный шёлк волос становился всё опрятнее, когда я подходил сам сзади и рассыпался на множество прядей, когда я видел её изнутри или целовал в губы. Там же, меняя окраску на множество гротескных величин, которые сможет увидеть мужчина в своей зрелой голове. Мне не было её жалко, просто я сам хотел отдать свою жизнь на что-то лучшее, чего постоянно ждал и осознавал. Меняя маску за маской, чтобы каждый день здороваться по громкоговорителю с гражданами и видеть в их лицах сквозящий тон ментального спокойствия или тревожное ожидание чего-то тайного на перроне. Потом подъезжал поезд и моя тайна становилась тем стержнем самодостаточной воли к желанию быть полезным и не иметь врагов вовсе. Чтобы пренебрегать только плохим настроением и ждать, что оно не отпустит тонкий кабель вечности в мозгу, а стихнет само по себе. В желании нравиться другим людям я даже стал напоминать актёра из сериала. Из стопроцентной схожести с Джоном, который постоянно кривлялся на улице перед женщинами.

Джон не был женат в свои сорок пять лет, но отпускал такие шуточки, что мозг говорил вечное «прощай». Может для меня, а может для того одного идейного стержня влияния, чтобы потом поднять ещё немного мыслей в своей каменной голове. Мигрень была повсюду и отражалась в маленьком зеркале, в котором можно было увидеть глаза машиниста или поймать бабочку на заднем сидении, когда едешь на

поезде. Она так влекла меня назад, что только тормоз мог сделать ощущение радости, чтобы преподнести машинисту настоящее счастье. В таком моменте знакомой рутины проявился мой друг Джон и решил закатить вечеринку. Он думал будто ему она пойдёт на пользу и немного снимет напряжение от длительных продаж. Быть инвестором так же трудно, как и продавцом, а экономика даётся тебе с трудом даже тогда, когда ты на неё совсем не смотришь. Она притворяется маленькой девочкой и ищет выход из трудности ребёнка, но выйти сама из тупика не может.

Тут на помощь прихожу я. Такой бравый и властительный машинист, когда бы сам себя уважал и зрел внутри своего мужского возраста. Я не был тупым добивателем своих злополучных врагов. Только трогал свой рыжий пример мнительного эго, чтобы потом задёрнуть штору таких же тупых шуток, где и сам не могу говорить внутри своей целой любви. Я любил не то что себя самого, а некую бездну ожиданий, чтобы потом пройти по её пути и достроить ту область сознательной выдумки, к которой так стремятся люди. Может не все на Земле, но большинство, чтобы выглядеть как напыщенные идеалисты или грести куда-то вдаль, не зная куда их приведёт судьба. Меня же она привела сегодня на работу. Был четверг, а в пятницу должна была начаться та самая вечеринка, о которой всё думал Джон. Он выхватил у меня её из под рубашки, чтобы забыться внутренним сном и превозмочь ту трогательную догадку, как трагедию личности. Со-

мнения ради я не видел в себе зеркального отражения Джона, но всё разговаривал сам с собой, чтобы потом наполниться своей бездной и увидеть там своё отражение игры.

Играть нужно было на руле, а потом машинисту пришлось ещё очень долго успокаивать свою помощницу, которая увидела вдалеке какую-то тень на рельсах и подумала, что это человек. Но он быстро исчез и стало как в дымке — так тайно и темно, что и спросить некого о будущей дерзости внутри любви. Игра продолжалась весь день и Эмме мерещились разные тайные знаки на дороге. А после, во второй половине дня она просто стала сходить с ума. Я позволил быть себе немного грубым и предложил Эмме сходить к врачу, чтобы обследовать нервы. Моим подозрением стало также, что и сам я увидел на дороге какую-то тень, которая через мгновение исчезла в парящей глубине ясности римских красот города. Та дорога шла в обход города и понимающим жестом я всё время указывал Эмме на часы, чем очень её раздражал. В тот день на обеде были слышны выстрелы и внутри меня что-то тёмное и тяжёлое стало вздёргиваться и дышать, как по сварливой струне, которую ты ещё не настроил. В той тоске я спросил у своего напарника: «Что происходит?». Но тот помотал головой и вздёрнул нос кверху, словно так не бывает и всё это выдумки.

Я стал вглядываться в злополучный перрон и увидел там мелькнувшую тень, а потом снова слышал выстрелы. «Может это ловят какого-нибудь местного преступника?» — по-

думал я и заел это всё гамбургером с чаем. В моей голове пронеслись такие хаотические мысли, что можно было бы разложить их на мириады столпившихся учителей, которые готовы рассказать тебе всю истину о мире. О том, в котором ты ещё не жил, но должен попробовать, отражаясь прожить свою космическую верность — быть настоящим мужчиной. В своей шкуре я чувствовал некий сигнал к бездне и шёл к ней. Немного не касаясь самого перрона, но чутко трогая свой руль. На жизни у меня почти не было отпечатка гордости. Ирма уже выросла и сама поучала меня всяческими торжественными волеизъявлениями, смотрящими в какое-то серое отражение времени любви в Риме. Может я не чувствовал её как отец или не видел в ней кратковременный ужас маститой волновой обязанности — быть ей поучающим монстром и желать только добра. В моей ли голове, но так я обдумывал уже следующий день и латал дыры от настоящего. Когда ехал Кэмерон уже не по линейной полосе, а по своей жизненной трезвости, в такую безоблачную даль, где нет гневного космоса вокруг любви, а только райские кущи.

На такой бы нише я и остановился, но наступил следующий день. А точнее день, когда мы с Джоном должны были метать кольца тщеславия и поучать дам на многолюдной вечеринке, приспособившись между паутины и стометровой точки своеобразного космоса личности. Меня нельзя было назвать удачливым человеком, но я старался выглядеть именно таким. И с самого моего детства читал много

полезных книг. В таком же образе я сам пребывал сегодня, как маленький пёс, который разрывает свою римскую часть души на две половины и точит ласы вокруг одной из них. На другой же половине лежит прелестная Ева и гладит там своё обожаемое эго, чтобы проникнуть в твёрдость муки — быть дамой уже зрелого возраста. Он дался мне довольно легко. Мы с Евой были почти одногодками и перекликались во взглядах, но проводили много минут за чередой обстоятельных бесед. Она всё время клялась и складывала свои руки на женской груди. Тогда я вспоминал Клариссу и думал, что нам лучше обвенчаться в церкви.

В такой же голове как и моя бились множество гротескных героев, чтобы научить меня жизни и профессиональному сдвигу в космосе желаний. Когда приходишь и уходишь с работы, но оставляешь за собой шлейф невообразимой мужской гордости и выживания быть нравственным человеком. С такой точки зрения ходить на вечеринки было бы глубочайшей тупостью, но я держался и думал, что превыше всего быть дружелюбным. Моя гордость не позволяли мне ненавидеть других и я не стеснялся этого тонкого чувства следить за собой. Я мнил только одну женщину — и это была Ева. Когда я пришёл в один заброшенный местный клуб, который был переоборудован под зал — то удивился. Всё здесь было, словно бы для корпоратива. Так бережно и лично сделано, чтобы потом отщепить свою свойскую душу и принять ментальную ненадёжность, чтобы танцевать. А делать это я лю-

бил очень и в клубах постоянно веселился. Мои интересы внутри музыкальной философии простирались от восточной музыки до прогрессивного Метала Европы и также я славился очень гротескным воображением. Когда чёрное за белое ты не принимаешь, но идёшь напролом, чтобы уничтожить даже мелкую причину, которая давит тебе сегодня на сознание в целом.

Такой мнительной причиной был сегодня друг Джона — Себастьян. Он так сильно прихорашивался перед дамами, что очень рассмешил меня поначалу, а потом стал нервно раздражать, где-то в самом углу моего трепетного сознания. Чтобы перевести стрелки на дам я начал травить анекдоты и искать повода к выходу той степени родства мысли с уже непереваемой логикой своего ренессанса. Я расцветал на глазах и стал почти романтиком. В таком уязвимом состоянии мне было тревожно и мягко наблюдать за танцующими дамами, чтобы через пару дней опять сесть в свой поезд и отъехать на другую станцию в любезности этой жизни. На такой же станции сидело много людей, кто добивался социального благополучия, но теней там было меньше и меньше. Меня не смущали припадки Эммы. Её страхи стали плодиться и она меня постоянно изводила. В тёмном чулане своего мозга я не видел выхода, но чувал, что кто-то сможет мне помочь. К такой же бездне старости можно было бы придвинуть стакан с виски или ромом, а потом апробировать новые анекдоты для дам. На этот вечер я также пригласил Эмму

и мы вместе долго кружились в танце, чтобы запомнить минутный шквал аплодисментов от гостей.

Всё бы ничего, но этот вечер остался у меня в памяти и очень долго будоражил мою душу. В такой же созерцательной беседе можно говорить много нового и думать, что никогда не повторяешься. Я не стал повторяться в своём символизме, а сделал ромбический выстрел, чтобы дать своей голове отдохнуть. Наступило лето и я решил взять отпуск, чтобы съездить в Венецию. Прогуляться там немного и полюбоваться местными красотами. В такой момент я предложил со мной поехать и Еве. Но у моей жены остались какие-то обязанности или не выполненные работы, из-за которых она очень переживала. В такой психологии нельзя давить на человека и я уснул внутри своего эго. Так я проспал много минут, а потом решил поехать в отпуск один. Меня раздирало от любопытства, как я смогу отдохнуть и расслабиться от тяжёлой рутины, когда рядом нет Евы? Мне не пришлось много звать на помощь и уже в местной дороге я познакомился с Джейсоном. Он также провожал своё детство из прошлого куда-то в никуда. Ведь ему было всего двадцать шесть лет. Там же мы стали распивать пиво и говорить о всяких глупостях, когда бы ехали в огромном автобусе. Где в каждом глазу нет ни мухи, ни сверчка, но есть твоё мнительное отражение блуждающего воина, которому всё дано от природы. От той, где нет ограничений, только космос, который не может тебя коснуться рукой.

Я забылся и проникнулся такой римской атмосферой. В ней я казался сам для себя Аполлоном и тяжёлым атлетом, когда даже твоя гордость не может задавить твой космический идеал. Не будь я Кэмерон — символ преподнёс бы мне тягучие звёзды внутри моей глубинной психологии и стал бы выворачивать там космос всё глубже и дальше, пока я сам не раскатаюсь и не приму запретный плод этой реальности. Где ты не хочешь вести семейный образ жизни, а должен и это обстоятельство тебя никак не угнетает. Наоборот просто радует, чтобы постичь там глаза не умудрённой красоты личного взгляда на жизнь или поучить так своих детей и вылепить чучело уже другой свободы. Когда бы Кэмерон не вычеркнул своих отдалённых систем логики от сознания, но прочёл их в своей жене или в детях и сам для себя бы успокоился. Там и я успокоился с Джейсоном, пока мы распивали пиво и хихикали, набрав бы множество арахиса на очередной остановке.

Я не преподнёс бы ничего нового для своей жены, а Кларисса не сказала бы, что ждёт от меня поступка в жизни, чтобы услышать такие же слова в реальности. Просто мой смысл погряз в недоделывании этой матрицы, когда твои гештальты остаются на поверхности мозга, а сам ты прыгаешь за них и скрываешь постоянно что-то в своём мозгу. На этот раз всё было лучше чем обычно. Даже мнимая преступность меня не пугала, ведь дорога заняла полдня и почему-то прошла очень быстро и слаженно. Когда я приехал в Венецию то наткнулся на очень старый замок. Собор в готическом стиле, чтобы

понять — как это можно быть архитектором и собрать все части в одно целое и не свихнуться? Я мог бы свихнуться на сей раз, но подумал ни больше ни меньше и вошёл вовнутрь здания. На самом верху я увидел расписных ангелов и мелькающие тени по сторонам. Может мне просто показалось, но что-то промелькнуло там, за дверью моего сознания и прилёгло в груди простого машиниста поезда. Я хотел выбежать за такое же ограждение времени, но не смог.

Мой пыл был далеко, а в соборе видимо началась вечерняя церемония встреч с прихожанами. Я быстро удалился и стал идти вдоль набережной, не открывая своих глаз и не думая о модном отеле, который пару часов назад снял. Для меня это всё было как будто бы в новинку. Но ничего нового в моей груди просто не происходило, точнее в душе, не отражалось и не ждало, когда поезд придёт в своё родное депо. Там было сухо и тепло, а играми внутри трезвости я заставлял себя думать о риске остаться совсем одному. Мне несколько не было страшно, но даже любопытно играть там же с воображением и тащить груз семимильными шагами в какую-то необычную пропасть. Меня ждало там конечно разочарование, где тлел немой костёр и угнетало только тонкое постукивание дров, когда они просто превращаются в груды чёрного пепла. Лето проходило по обиходу странника, также тепло и славно, чтобы увидеть там своё имя и понять — кто есть в нём самом. Может меня так называли, чтобы я понял, что в жизни много неприятностей и что кривить

нос от этого не стоит ни при каких обстоятельствах. На моём мозгу созрели новые образы и идеалы, которым нет числа, но все они не выходят за программу зрелости. Когда ты молодой, то мир только тянет надеждами о неосуществимых вещах.

Я не стал надеяться на свой опыт, а просто шёл по набережной в своём мужском чутье — прилечь поскорее на кровать. Может дорога утомила меня или стала очень приятельной над неоконченной пьесой, где я не вижу Еву. По небу плыли необыкновенные пейзажи, а меня завораживало тайной, что туда я не смогу окунуться никогда. Я увидел конец на такой остановке, когда подошёл вплотную к отелю. Там же, я снял свою бейсболку и закурил. Меня тяготило то, что я оставил Еву одну и в такой тайной ситуации нет места привыкать теперь звонить ей каждый час и спрашивать всё ли нормально. Я позвонил ей на этот раз и легко успокоился, а потом поднялся в свой номер отеля. Он стал казаться мне злополучным уже с первых минут. За стенкой кто-то скрёбся и метался постоянно, издавая странные звуки. Я подумал, что это собака или зверёк, но звуки нарастали. Поэтому я решил наведаться к соседу и спросить его, что происходит в его комнате? Мне казалось это нормальным — передать свои эмоции на половине пути, а потом запереться там самому, чтобы вырулить на другой половине своих мыслей наверх.

Я искал там отражение храбрости и завораживал душой только тот мир, который сам для себя хотел увидеть. Когда

не знаешь, что скажешь едва на следующей минуте, но при-
творившись таким же зверьком — просто молчишь и при-
нимаешь маску её любимца. Я принял теперь маску инте-
ресующегося соседа, в которой тот же интерес шёл передо
мною, чтобы спонтанно играть в теннис. Когда ракетками ты
можешь отбить больше, чем предполагаешь, но тянешься ты
дальше и не смотришь никогда наверх. Такое самокопание
или мнительное самоутверждение своего характера помог-
ло мне и сегодня. Дверь мне открыла очаровательная блон-
динка, а её ухажёр как-то ловко исподлобья посмотрел на
меня и отошёл сразу на несколько шагов назад. Может он
не думал, что я один такой Кэмерон на свете и что мне в
общем-то всё позволено. Эшли сказала, что всё в порядке.
Они с мужем делают уборку и скоро закончат. Я расстроил-
ся опять, что приехал один, но съел этот чужой пирог жиз-
ни, чтобы не запнуться и не смести внутри своего прообраза
вежливости опять властительного великана. Он сегодня осо-
бенно был привлекательным и манил меня куда-то вдаль на
обыденные приключения. Чего мне не очень-то хотелось, но
изнывала рука, после того как я посидел в тесном автобусе.
Может Джейсон так меня уболтал, что я не заметил боли в
дороге, а она проявилась только сейчас?

На это напряжённое молчание тела я не мог ответить сам
себе и просто заулыбался. Движущимся по саморефлексии
меня никак не назовёшь и не приручишь такого самозван-
ца, где-то на руле особенной важности. Чтобы идти в ногу

со временем и держать нос гордо поднятым вверх. Даже тогда, когда все окружающие смотрят вниз. На такой паузе я лёг спать и окружающая меня реальность плотно сместилась на реальность мне совсем незнакомую. Мне снились разные пришельцы и зомби. Они своими клешнями и длинными руками то хватали меня, то забивали до смерти. А я, как обученный игрок в покер сразу восстанавливался и жил, не понимая ради какой причины и не задавая много лишних вопросов. Их было у меня в душе предостаточно, но в церковь я не ходил. Мой мозг ощущал такие вибрации чести, но Кларисса смущала меня гораздо сильнее. Будто мать, которая дорожит здоровьем ребёнка без видимой причины и только хочет помочь ему, сама не зная для чего и почему.

В такой же паузе на громкость я проснулся и вывел для себя тесный круг мерцательной аритмии сердца. Там оно билось чаще и впитывало много любви, когда пребываешь в Венеции. Я вышел на улицу и первым делом увидел, как какого-то парня забивают до смерти на местной остановке какие-то хулиганы. Я быстро подбежал и выяснил в чём причина. Казалось всё просто. Он обидел своих товарищей и чем-то с ними не поделился, а те стали ему просто мстить. Но в такой параллельной Вселенной я влепил одному пришельцу на улице и сразу очутился в полицейском участке. Мне вменяли драку с несовершеннолетним в таком странном ракурсе, что я был должен ему по гроб жизни. «Видно это местные правила обхождения с молодёжью? Или надёжная тран-

шая любви, которую мне не суждено прорыть на такой вот остановке, поэтому я сижу перед копом и снова выпендриваюсь, что я самый щепетильный мужчина на свете», — с такой мыслью мне стало легче и приятнее и я погрузился в самогипноз. А вытащила меня оттуда Ева, которая вдруг позвонила на мой смартфон. Она как бы предвидела моё падение наедине у себя в Риме и считала не лишним позвонить в такую минуту.

Я сказал Еве, что всё хорошо и неплохо бы мне пойти решать мои дальнейшие проблемы, поэтому я не могу говорить. Также я сжался, как вампир на остановке и увидел крайний кусочек неба, чтобы упасть опять в свою непреднамеренную бездну. А когда я оттуда вынырнул, то мне приписали довольно крупный штраф. Я не был готов к такому обстоятельству, но выдержал немного паузы, где не споткнувшись ни об одно слово добавил, что очень спешу. В такие минуты хочется просто убежать в себя и никогда больше не возвращаться. Что будто бы у меня отобрали все крылья и нет вокруг никого — кто бы спас или сказал о любви. Между мной и Венецией пролегали огромные расстояния. Они были похожи на огромного медведя, внутри которого есть только считалочка о средстве забыть свою прошлую жизнь. И когда ты перед сном ложишься спать, то нужно считать в неё много раз и прошлая жизнь больше никогда к тебе не вернётся.

В такой милой головоломке мне оставалось только стать благородным паинькой, чтобы потом руководить антресоль-

ной букашкой, которая выползает на мою сторону души. И душит меня и душит, но смотрит прямо в лицо, где нежно так с тщеславием говорит: «Ты был тупой болван в прошлом. Скорее изменись или сама жизнь тебя изменит до неузнаваемости». От этого жеста мозга я долго смеялся до того, что слюни потекли по лицу и мне стало необычно обидно. Когда сам заходишь в номер отеля, а там никого нет. Нет и Евы, чтобы приготовить мне вкусный ужин, о котором я всё время мечтаю и останавливаю время для личного рассуждения в пустоте. Я немного покаялся сам себе внутри и заплатил штраф в ближайшем банке. А потом пошёл просто прогуляться, где нет идиотов и бледной, корыстной сущности, которая постоянно могла увести меня не в ту сторону. Мой отпуск подходил к концу, но я его так и не заметил. Я шёл по пустыне своих подозрений. Может немного загорел, но и этого мне было бы достаточно для полного счастья.

По дороге в Рим я стал играть в другую считалочку. Целью этого перформанса было создать внутри себя ощущение счастья, чтобы потом погрузиться в автобусную грусть. Я менял маску за маской, чтобы в дальнейшем не сопротивляться и не менять себе преимущества в любви. Потому как я любил Еву, но размышлял о привычках Эммы. Где мы на работе видели одну и ту же картину новой реальности, которую могли бы создать у себя в голове. Такая общность идеалов объясняет мнение победителя и может говорить тебе, что твоё лучшее — ещё впереди. Чтобы твой мозг, когда он

успокоится — стал бы играть с тобой в более подобную и миролюбивую игру, нежели ты хочешь создать себе из вынужденного внимания. Я велел своим мыслям рассредоточиться на половине красок жизни и понять, что я на самом деле хочу? Как стою и как дышу? Может я уже несостоявшийся спортсмен и должен приноровиться к будущему бегу на короткую дистанцию?

В моей голове прошли несколько сезонов погоды. Так стала печалью моя осень и настало прохладное лето, где я чувствовал свою усталость от жизни. Примыкая к разнообразности радости, когда не можешь отдалиться от человека просто потому, что сам боишься сделать шаг в другую сторону. Но где эта сторона у железнодорожника? Может она, как вялая погода, стремглав уносит твои печали и мнительные отголоски в уже вывешенном поле самомнения и тешит тебя всё той же отгадкой в судьбе? Я конечно её прожил в Риме, но прожила ли её Ева? На такой мысли я приехал в Рим. Была пятница и мне мерещилось что-то нехорошее. Будто я знаю всё наперёд, но не могу сосредоточиться на правильном решении в голове. Также и мои мысли блуждали и не давали мне лёгкого выхода на свою погодную осень. Так получилось, что когда я увидел её в полной окраске и с мнением в руках, то стал бледно холодного пережитка и по телу протекли сладкие слёзы моей новой жизни.

Я внезапно приехал из Рима с подарками и стал их перебирать в голове, что из этого может пригодиться моей доче-

при? Пока Ирма была маленькой — она очень любила конфеты и старалась есть их почти каждую неделю. Я мог не знать наверняка, что эта вечеринка затянется или сладит с уже опоздавшим полем внеземного и космического тщеславия. Пока бы я сам перебирал внутри себя конфеты из другой материальной щедрости жизни. Там я вошёл и прямо на пороге остолбенел от ужаса. Ева лежала на кровати с каким-то уха-жёром в светлой шляпе. В зубах у него была сигара, а в руках были славно опредмеченные сходства его неземной важности, чтобы говорить на разных языках. Он напомнил мне испанца или грека, но в муках совести сразу соскочил с кровати и принялся объяснять такую щекотливую в положении мину на лице. Она мне конечно не понравилась, а быстро опротивела и я тайно тешил мысль продать эту квартиру вообще.

Чтобы смыть свой позор с руки, в которой не знаешь, что она будет делать дальше или не представляешь её несносной привычки уговаривать жену не делать мне больно. Так и я не хотел угадывать тот тайный и тёмный смысл, в котором сны смывали реальность, а сам я стал — переживанием глупости и любви. На ручье таких слёз мы расстались, но моя работа приносила мне много удовольствия. Я купил себе квартиру неподалёку и стал мечтать, что выберусь из этой ментальной передраги. Будто Кэмерон не знает вовсе, что делать и кем быть на длине вековой точности материального подхода из эго. В любовь я играть больше не хотел, но мечтал прожить

много лет стойким мужчиной. В которого хочется верить с первого взгляда. С которым ты сможешь блуждать на другом перепутье искромётного возраста, что спасает и ищет тайный символ в глазах. В моих традиционных представлениях там были только люди из прошлого и родители, но и они стали забываться уже после сорока лет.

Ко мне присматривалась Эмма и наводила постоянно справки, чтобы понять кто я такой на самом деле? Чего хочу от жизни и кем представляюсь, чтобы пережить нудное предательство и раскрошить голову своим материальным врагам? Их было не так много и не все они были связаны с моей профессией. Я начал подниматься над самим собой, и вдруг, стал замечать, что все вокруг приглядываются ко мне. Может они чувствуют, что Кэмерон какой-то не такой или влияет на солнечные лучи, точно маленький квант из проглотившего Землю астронавта? Заведя себя в тупик, и не давая уподобиться зомби с пришельцами — я стал стареть ещё больше, чтобы хоронить свои прежние переживания. Их было у меня много и все они, как бесконечный символ стали прикрывать моё небо рукой. Я стал прикрываться такой же рукой, но сомневался, что наконец выберусь. В глазах таяли изумрудные трещины и катились изо всех щелей наружу. Туда, где много людей или много женщин, но нет ни одного предательски хорошего семьянина, чтобы образовать круг многомерной и символической общности в любви.

Такой затрещиной стала Эмма.. она рассказывала мне

много анекдотов от своих родственников, и только потом я узнал, что она также смотрит глупые сериалы. Может в кинотеатре, а может наяву внутри самой себя, чтобы прикидываться современной и мнительной женщиной. В которой можно увидеть личную покорность и достаток чувства собственной важности. Когда бы женский взгляд играл туда-сюда, как знакомая чёрная метка внутри сопровождения облака зрелости. А ты, повернулся и замахнулся на такие же черты, что и у неё, но сам промахнулся от своего образа ревности. И в такой ситуации стал бы обычным болваном, который клеится к женщине и думает, что он один такой на свете — нужен её благородному тону идеального чутья. Я привык к чутью Эммы, но трезвел, когда она видела потусторонние символы и образы на дороге. Может я чего-то не понимал, но уж точно не соблазнял её щепетильный характер, чтобы отнести его к самому себе.

Так мы начали встречаться и ждать, что чудо может всё таки наступить. Когда придёт зрелая осень или выйдет таким пасмурным дождём, что неловко там же заблудиться от сонного ужаса в своей неокрепшей голове. Я жил недалеко от неё и навещал частенько свою дочь. Ирма уже выросла и пошла в университет, чтобы потом приноровиться к своим подружкам и научить их символической гордости в жизни. Эта жизнь никак не кончалась, чтобы начать что-то новое. Будто бы Кэмерон ходит по кругу и ловит там призрачных мух, в которых видит такие же призраки себя самого. Ты

ждёшь внутри и такого образа, но тщетность из жизни извлекает неловкую пользу, чтобы корысть оставила там перманентное неудовлетворение. Где бы можно было скакать, как наездник из личности по судьбе, но не достигнуть ни одной самоцели, а тонко манить свои личные призраки в гуще уже собранных надежд в голове.

Моя была исконно рыжая и очень опрятная. Мы выходили с Эммой из вагона поезда, как будто бы это была не работа, а приключение. Мне минуло пятьдесят лет, но ужас найти свою старость я оставил, а он наверно оставил меня самого. Наедине я съехал с катушек уже растущей важности объяснить бы, чего сам хочу от себя. Ведь символ моего счастья побуждал меня учить других людей мудрости. Я не был педагогом, но влюблялся в такие причины, где ставишь только ровный свет от окна напротив движения юности. Чтобы потом не любить и осень и мороз, а поучать внутри себя нигилистичного ханжу, в котором я страдал от напыщенной важности странного человека. Катая шары для боулинга или расхаживая в одной рубашке по квартире — я уже стал превращаться в настоящего холостяка. Я им как бы наслаждался понарошку, но в глазах всё же всплывала моя старая семья. В таком положении прошло довольно много времени, пока один серьёзный сон не побудил меня к размышлению.

Я шёл по асфальтовой дороге, а кругом была бездна. Она начиналась там, где заканчивалась дорога. И только ногой ступишь за край дороги, то можно упасть в эту всепогло-

щающую темноту и тишину, откуда сам ты не можешь выбраться. Я смялся в комочек чего-то серого внутри своего тела и продолжал смотреть это занимательное шоу. Как говорили мои близкие: «Лучше досмотреть картину до самого конца, нежели перематывать её без конца с одного места на другое и не знать, что с этим делать. Чтобы потом соблюсти свою честь на уже новой киноплёнке из промытой фактами головы, внутри которой и сам не хочешь жить». Эта мысль застряла в моей тонкостенной юности, к которой я приближался семимильными шагами и там я сам не знал для себя — кем буду в таком будущем. Может я смогу освоить ещё несколько профессий? Или найду себе друга почище, чем Джон, чтобы мы занимались всё только практичной деятельностью и мучили внутри, отнюдь, не свои закоснелые мозги.

Мне навстречу вышла принцесса из белого огня. Она так блистала и норовила сказать мне что-то тёплое и прекрасное, что я не услышал ни одного звука. Только увидел её глаза и сразу влюбился. В такой ситуации не знаешь даже, что лучше для тебя: искать много женщин постоянно или иметь один непревзойдённый символ личной бездны, чтобы потом понимать его всю свою жизнь? Эта леди в белом мысленно позвала меня пройти по дороге и понять кто я такой на самом деле, чего хочу внутри самого себя и как желаю образовать вокруг себя тайные смыслы, чтобы создать идеал своей личности? Я не знал, что ответить этой принцессе, просто кивнул ей головой и нашептал какое-то милое послание к забы-

той в себе реальности изнутри. Там же на дороге я увидел лисицу. Она стала огрызаться и щипать меня своими лапками, а потом превратилась в медведя и с ревущим гоном прогнала с дороги той же асфальтовой души.

Когда я падал в бездну, то сам не знал, что будет со мной и к чему это меня по-настоящему приведёт. Я точно видел это падение, но воздух обхватил мой мозг и стало темно и тепло. Выше или ниже уже было лететь некуда. Я стал, как будто блуждающим ангелом, который может вытянуть голову и оказаться в четырёх стенах своей новой квартиры. А может просто не оказаться, но жить где-то поодаль от этого несовершенного мира, чтобы лететь туда дальше и уже ничего не хотеть. Будто бы я раздражил Джона или подумал о его нелепой совести и снял эту моральную плёнку невежества со своих времён души. Эта плёнка скатилась во мне сегодня в тот же сон, чтобы покривляться там, как и Джон перед женщинами, которых я и вовсе не знаю. Может это видение было относительно Рима или я чётко услышал свой ветреный поток маразма в голове, который говорил мне, что не нужно искать в женщинах абсолютного спасения своей души и не нужно смотреть им вслед, как лисицам. Они могут превратиться в медведя и наказать тебя одним движением руки, чтобы тронуть не только твоё сердце, но и всю душу целиком.

Я так опешил от такого сопротивления в своей душе, что замер в ожидании. Мой нерв пошёл прямо к чёрту, к тому,

который был позади меня и искал потёмки на каждой дороге личности. Может они были нужны мне, как летний дождь, но была опять осень и заново этот щедедушный поток караванов умирающей любви искал своей отдушины на берегу моего покоя. Там я не опешил, а подошёл опять к своей бездне, чтобы перевоплотить также чувство в другое сознание. И вдруг, картины разошлись все как одна, и не осталось ничего вокруг. Только тихий шелест моей головы прикоснулся сам по себе к затылку и я понял, что наконец-то проснулся. Я лежал в полной осенней темноте и ворошил там массу воспоминаний. Я думал о разных событиях из прошлого, но мечтал поскорее успокоиться от такого сна. Может лисой в моём сне была Ева? А может это и Эмма, которая постоянно хочет глубоких отношений и привязки к моральному одиночеству, разделённому на двоих?

Сам по себе я стал стараться не доводить Эмму до бешенства и жизнь стала приходить в порядок. Мы видели постоянно на железнодорожной полосе много приключений. Все они к нам не имели прямого отношения, но символы приходили один за другим, чтобы показать, что мир — это неоднозначная картина мелькающих и цветных снов. А сами мы, как букашки и трогательные формы личного мнения — дышим постоянно себе вслед, чтобы запаять тот старый сосуд ревности, от которого сами гниём. Там же мы отлавливаем кучу негодяев, но все они оказываются нашим отражением в пути меркантильного будущего, что даже оно не светит на

все сто процентов. Чтобы выдержать критику и не собрать в комок желаний плохие сюжеты внутри исчезновения своего мира в глазах. Мой вот точно исчез этой длинной ночью. Как будто она сама провалилась и стала терзать мой оббегающий разум на каждой такой дороге в никуда.

Я просто упал в бездну и выжил, но там не было Эммы. Я видел только черты принцессы, но личности за ней я как-то не заметил. В труде или в морали я стал объяснять себе тот же сон ещё и ещё раз, а потом и Эмма предложила мне пожениться. Мы вышли из этого железнодорожного вагона — уже принятыми и радостными к личному счастью. Как будто поезд немного запоздал за нами и не выключил сигнальные фары, но стал красной полосой мгновенного противоречия в душе. В такой ситуации можно искать себе выход не только извне, но и изнутри, когда не смотришь в лицо партнёру. Я начинал подозревать, что из профессии машиниста я уже вырос и могу сделать собственный бизнес. Чтобы потом очертить свои глаза, как самые выразительные и мужские на том конце Рима, где есть моя особенная примета.

Лично, я стал дорожить такой формулой счастья, но задался как Джон. Он выхолащивался около моего подъезда и утверждал, что здесь много преступников и много осиротевших дам, чтобы я немного пригляделся на крайний случай. Этот случай для меня не наступил, а сам Джон в пьяной драке попал в больницу за избивание какого-то пацана, что наехал на него на улице. Он был почти шёлковым артистом

и мог часами уговаривать врагов не делать личной мести, а тут оступился. Такое бывает редко и я видел осознание этой мысли в его глазах. Я приехал к нему в больницу и не выдержал, а смело расхохотался. Мы должны были узаконить наши отношения с Эммой, но унисон стал для меня личной тайной. Такой, где нет никого лишнего, а есть только глаза наружу. В них я видел свои карие отражения любви к Эмме. Я нашёл там и Джона, чтобы подпустить немного детства к самому себе. Если мы смогли бы сделать два шага назад, то были бы как неумелые танцоры или медлительные зомби, что ищут кошелёк только в конце своей жизни.

Когда нет никакой тайны, а только смерть тонет в иллюзиях бренности. Она зовёт тебя, чтобы поговорить о душе, о которой не знает никто в мире. Я тоже не знал о таком существе, но чудеса видел постоянно. Если можно представить Джона в выемке своей категоричности белой гордыни, то там я был его любимым поводырём, который мог бы образумить такие глаза над бесконечностью асфальтовой дороги. Ты её не видишь во сне, но тянешь излишки бренности, чтобы потом смахнуть всю тяжесть этой вековой полосы дороги и просто упасть в никуда. Там, где темно и оползень любви заглатывает маленькие глаза вечности, чтобы твой философский камень стал ещё тяжелее на сердце. Где бы он следил за тобой и всем, что происходит на той полосе прибоя, которую ты сам романтически придумал и стал Кэмероном. Я уже напился такой чистотой сознательной болезни, но

всё же шёл впереди своих ожиданий вечности.

Я подошёл к кровати и спросил Джона, что он думает насчёт моей жизни, которую мы в прошлом оценили как удовлетворительную? Джон немного ухмыльнулся и запел всё ту же старую песню, что очень хочет домой, когда бы ему прискорбно летать только на одной ноге, как раненый аист. Он жаловался почти на всё и всех, но больше всего он ненавидел свою мать. Она лишила его детства и вынула то самое трогательное и сказочное средство для лечения маленьких пятен на изголодавшейся личности. Где бы ты сам не смог пройти тяжёлые формы морали, а лично погиб. Я стал успокаивать Джона и точной рукой показал ему, что мы устроимся в жизни. Где бы мы не жили, но символически находились в таком необычном и тщеславном состоянии, которое сами бы можем сразу не осознать. Просто напасть на редкий след верного ощущения мудрости. Куда ведёт та же самая жёлтая асфальтовая дорога. Мне было тяжело уходить от Джона, но я сказал, что мы скоро увидимся. Выполнил ли я такое обещание — не помню. Его также снесло в эту бездну переживаний и ухаживаний за своим трепетным мозгом.

Уже через месяц мы с Джоном сидели в местном кабаке и спрашивали дам рядом о том, что их мучает каждую ночь, чтобы поддеть там их благоразумие. Или спясть новый фарфоровый сосуд из бренности стадного чувства господина и раба, чтобы потом отпустить обоих на поводке наружу. Меня выдавало очень простецкое выражение лица, но тон посто-

янно менялся. Я стал хуже спать, чем при жизни с Евой, но учитывал такие детали внутри своей новой молодости, что сам забылся кто я такой. В нелепости всех переживаний была опять же моя работа. Где-то на половине пути я задумал было изменить ход расположения собственных часов личности и сам запутался в таком расположении духа. Очень много собирательных образов и так мало смыслов, которые смогли бы подойти для меня — озадачивали сегодня не по-детски. Я слышал даже какие-то шаги в прорицании к лучшей жизни, но пойти на работу всё же было милым делом.

В один из таких дней зимой я нашёл там тайный знак своей молодости, которую боялся открыть быстро и непринуждённо. Я искал в штанах сигареты и потом нашёл там один знакомый телефон, который мне дали на работе. Эта ситуация произошла из-за технической ошибки, но человека сильно обидели и спясть обратно ту личную выгоду уже никто не мог до конца. Я стал спрашивать о том человеке, но никто ничего не знал толком, а только отнекивались большинство из моих коллег. Тогда я позвонил этому человеку и сам лично извинился, а он предложил мне побеседовать наедине. Исходя из разговора я узнал, что это преподаватель университета Рима, и он всё понимает, но научить жизнь идти без приключений никак не может. Где на каждой ветке много событий и все они пересекаются от ненужности искать ещё одно одолжение в жизни. Я стал выпрашивать о такой судьбе Майкла. Он немного опешил поначалу, но вы-

шел из трудности, чтобы понять мой вопрос.

Уже после разговора мне стало заметно веселее и легче, что сам я не орудую мечтой в назидание другим людям, а слышу только робкие отголоски внутри подсчётов уже не моей трагикомедии. Там много дам и все они ищут во мне некоего клоуна или развесёлого дружка, чтобы потом собрать кубик из неизвестности по-своему. Где физическое окно возможностей не станет докучать нам обоим и не стихнет от предательства внутри самой души. Эта роскошь символизма чутья стала для меня роковой. Я насытился таким спокойствием от преподавателя, что не мог уже жить по-прежнему. Меня разносило то вправо, то влево и тонкий стиль моей мраморной харизмы одичал куда-то навывлет, где ему самое место. Тихо спать — это также не моя личная привычка. Видно я сам заложил её внутри своей головы в детстве, чтобы обогнать ту солнечную мысль на перепутье благодарности от самой жизни. В которой ты сам не знаешь ради чего живёшь и ищешь такую же мадам для любви. Мне было легко искать продолжение трагикомедии и считать часы уже в глубокой старости. Будто бы жизнь не закончится уже никогда.

Я тайно подмигнул ей монетой безгрешного зверя одиночества и мой рыжий стиль прошёл со мной в ту запертую дверь, откуда уже не возвращаются. Там же я умер на восьмидесятом году жизни, что оставило во мне много новых впечатлений. Будто бы Кэмерон не может прожить жизнь

впустую. Он подкрался к сакраментальному окну безгрешности и выжидает теперь всё то могущество, что люди могли бы получить при жизни на этой Земле. Где нет благороднее рыцаря, чем ты сам и нет отвращения внутри твоей личности, а только горстка пепла на сквозной готической рамке олицетворяет другой день в бытие. Я вошёл в него и ни о чём здесь не жалею. В моих словах также нет вольнодумства, но бездна превратила меня в тончайшего аристократа своей форменной закалки, чтобы опять и опять смотреть в зеркало закоренелой надобности быть джентльменом. Я провёл такие мечты в жизни и сделался наиболее искусным материальным пером мудрости.

Если огни внутри моего имени смогли бы познать такую личную обязательность, то они познали бы Эмму. Она сделала на железной дороге себе карьеру, состоялась как мать и тронула моё сердце больше обычного. К лицу ли современному говорить такое, но в обращении к символу счастья — она стояла совсем недалеко. Где-то на перегоне многих рельсовых ответвлений и мечтаний прожить со мной обыденность и не умереть. Конечно не от голода, а от постоянного смеха и личности, в которую можно сразу влюбиться. Где не делаешь много движений к своему идеалу, но ждёшь его тень и смотришь, когда он по-настоящему придёт. В твою жизнь или в жизнь твоих близких, чтобы не очерстветь и не попутать мир с войной, но чтобы отрезветь на перепутье мнительности и множественной обиды. Так я делал постоян-

но в своей жизни и не хочу убирать сложные мысли извне бегущей матрицы наверх.

Она пробежала сегодня и лучше бы бежала так и дальше, где я лежу в кровати и думаю, что не умру никогда. Я точно знаю, что мой сон будет теперь в порядке, а мнительная принцесса из белого цирка личности не станет мне притворяться гордыней и не уйдёт. В вагоне такой же редкой белизны и щедрости от судьбы, или внимательно прислушавшись к полёту фантазии, что хочешь полюбить. Лучше бы меня любила только внутренняя любезность, а гордыня, как личное сожаление в опыт говорить в никуда — тянула бы на выход из неопределённости, чтобы собрать пазл. Он стал мне странной бездной, и каждый раз когда я соединял нужные грани, то падал к личному ожиданию всё больше и больше. И так проходило всю мою жизнь, пока тени прошлого совсем не сошлись в комиксообразное поле личных надежд. Может их стало очень много, ведь в Риме у меня были тысячи знакомых. Да и по всей Италии я не искал вывода для пребывания личности в одиночестве. Так и прожил всю свою богатую на впечатления жизнь, чтобы просто понравиться другим людям.

Меня воображаемые миры на мифологический космос туда и обратно. Где нельзя прикоснуться к самому себе, но есть не воплощённый Кэмерон, который видит всё дальше и яснее. Он ждал меня в самом конце такой волшебной сказки, чтобы говорить только хорошие слова. Я пожелал ему спо-

койствия и трезвости, чтобы никогда не сдаваться в неопределённости в суматохе лет. Если сможешь просто исчезнуть и быть таким как есть, но менять воображение на достигаемый стиль привычки умирать. Я приручил себя при жизни умирать и воплощаться, и зная, как к этому относится Эмма — учил её проявлять свою женскую красоту. Бегать по утрам и читать свежую газету, а потом понимать, что лучше она уже не получит внутри своего рождения быть человеком. И это только одно из начал моей псевдореальности, куда я могу отлететь, минуя всех преследователей и важных вампиров.

Уж их я насмотрелся очень много ещё при жизни. Чтобы обезглавить одного из них мне пришлось прямо таки выпрыгнуть из своей мифологии быть человеком. Был вторник и шёл дождь, а на полосе железной дороги возвышался шлагбаум. Он торжественно указывал мне длинную ночь на перепутье моей схожести с ночным монстром. Я стал приглядываться издали и нашёл там тень, которая стояла на дороге. Тень не двигалась, но в этот же момент её увидела и Эмма. Она стала опять нервничать и думать, что мы задавим кого-то прохожего, но я сразу её успокоил. На путях никого не было. Там лишь были отражения летнего дождя и прохладный августовский вторник. Чуть стало темнее и тень стала двигаться в нашу сторону. Мурашки скопились по обе стороны от лица, ведь неясно было — человек это впереди или чудовище какое-то. Наподобие среза из ужасиков и внутренней борьбы представлять глубину человеческого лица в

темноте.

Я сжал руку Эмме и мы приготовились что-то делать. Дождь усилился, мне стало страшно. В ту пору мы ещё не были женаты с Эммой, но доверяли друг другу достаточно лично. Я рассоединил свои опытом согретые глаза до самых белков и сузил критерий поиска причин. По ним я стал сжиматься внутри всем телом, чтобы схватить оружие если что. Или позвонить на главную станцию и передать, что какой-то ненормальный хочет забраться в главный вагоне поезда. Тут меня осенило, что можно просто заблокировать двери, что я и сделал. Эмма смотрела на меня с каким-то вожделением и начинала уже ласкаться, чтобы забыть эту форму мысленного чувства опасности. Оно подходило всё ближе и снесало моё отношение внутри — быть простым человеком. Словно гипнотический гений завёл со мной серию разговоров, а потом и сам разговорился, чтобы достать до самого сокровенного страха личности во мне. Сегодня он, как будто смотрел на меня вослед и повторял фразы из личного сходства со внутренним демоном.

Там же этот гений заставил меня вспомнить всё на свете: от моих школьных походов втайне за сигаретами в детстве до юношеского маразма и случайных свиданий уже в зрелом возрасте. Я так и не понял, что меня объединяет с Эммой. Мы были совершенно разными людьми, которые не могут ни себе ни другим приготовить ничего путного. Только спрашивать с тревогой и многозначительностью о разуме

превосходящем этот мир или что-то читать на данную щекотливую тему. Я конечно не верил в пришельцев или другое иноземное явление, но сам любил периодически читать фантастику. Может для того, чтобы проснуться навсегда мозгом и понять, что ты один в целой Вселенной. А может для того, чтобы ощутить свою схожесть с горизонтальной плоскостью маразма людей, которые опускают тебя по мелочам и хотят, чтобы ты также притворялся и ждал их реакции наедине со сломленным здоровьем.

Оно меня сегодня не подвело, как не подводило и до этого. Я вооружился пистолетом и стал тихонько смотреть на край окна. Потом я засмотрелся на край зеркала, находящегося на улице того самого главного вагона и думал, что уже пронесло. Как вдруг, в ту самую минуту в дверь стали стучать. Причём с такой силой, что даже тяжеловес бы соскочил со своих железных цепей и глухо пригнулся от звонко звенящего железного апломба, не характерного для данных мест. Я начал кричать: «Что вам нужно? Мы работаем, не мешайте!» — и при этом издавать какой-то похрипывающий стиль гортанной усталости своих нервов. Может голос просто сел или мне стало убого видеть такую серую чашу пелены непонимания между мной и человеческой тупостью на работе. Там же я устроился не ради денег, а чтобы состояться профессионально и в такой точке взросления пройти свой номинальный подъём внутри джентльмена. Чтобы потом постоянно обыгрывать в покер всяких разных людей, которые

в чувствах ещё не состоялись, но звенели своим самодовольством и мялись о сумрачные звоны в материальной душе.

Моя душа конечно не ушла в пятки. Кэмерон был готов ко всему. Чтобы пришпорить коня или отодвинуть нервной рукой тяжёлый засов, но больше всего Кэмерон был готов к удару судьбы. Когда рядом стоит хрупкая женщина, то нужно пройти стадию морального превосходства, чтобы иметь при себе немного терпения и субъективных черт. От которых все мнительные дамы станут потом твоими и поймут прелесть защитников на кону опасности из глубины нечто. Там же я знал, что за дверью простой человек. Может он заблудился в трудностях вечернего Рима и не смог найти дороги обратно. А может увидел тайный знак и вышел навстречу поезду всегда подпитым. Меня смущало моё сложное воображение, которое норовило в каждый такой раз опять приподнять завесу тайны и выйти наружу, как из пыльного комода.

Я стал за секунду мечтателем из молчаливого космоса, чтобы приобрести своё значение человека и окутать тайной эту ситуация в душе. Там в бездне много символов, но мой сегодня был «Кэмерон». Я слышал его зов и шёл к нему навстречу, когда хотел объясниться и прочесть то же значение в глазах Эммы. Тогда я отодвинул Эмму назад и сам быстрыми движениями руки открыл ту самую дверь. Когда не можешь изничтожить свой космос сознания, а ждёшь, что что-то чёрное вывалится тебе наружу или схватит и станет менять сложившуюся ситуацию в жизни. Одно действие и одно

противодействие изменило также и ход моих мыслей. Мне в лицо подул свежий вечерний ветер и может он стал символом моего благополучия, чтобы воспрять духом и не падать больше в ту пучину ненормального космоса мыслей, где я стоял один и читал знаки в глубине своей души.

Эмма приготовилась к схватке, но за дверью никого не было. Мы были так напряжены, что устали от этого состояния ожидания встречи с необъяснимым. Когда я закрыл дверь обратно, мы решили поехать дальше и отогнать поезд в депо. Туда, на крайнюю точку рельсовой совместимости прошлого и будущего, где нет той самой схватки с мечтой, а только один составной вагон из множества примеров объективных причин. Я налил себе воды в стакан и стал рассуждать уже по-новому. «Мы не попали впросак, но видели нечто, что очень ужасало со стороны. Также тяжело и неохотно, как могло бы встать нам поперёк горла и выдать уже новые проблемы в жизни. Поэтому пойдём сегодня домой. Мы скорее всего отмучились и завтра не найдём и следа такой странной активности из пережитого уже сегодня», — сказал я немного и добавил для Эммы. «Если станет плохо, то ты звони или вызови врача. Пусть посмотрит нервы и сделает свои выводы, может быть это просто погодная форма слабости нас изнежила тут. Когда работаешь много можно попасть в странные ситуации соприкосновения с нечто», — тут я засмеялся и напряжение спало, но внутри меня прошёл холодный ветерок, напоминающий о моём мужском достоинстве.

Так бы и было всё слажено до этого дня. Но криминальный душок стал усиливаться в городе и Эмма это очень чувствовала. Она постоянно ждала подвоха, но справлялась со своими трудностями. Ведь даже хрупкой женщине нужно выживать на изменённой любовной основе, которая уходит корнями в будущее, которого ещё нет. Мы постоянно общались с Эммой после работы и я делал всё возможное, чтобы той не мерещилось странное на путях. Или, чтобы она стала мне говорить об этих ситуациях более спокойно. В таком возрасте иметь здравый рассудок — это важно и мой путь к символической стойкости внутренних нервов сработал, как мне это и было нужно. В один из дней, когда была жара. Летом в такой погодный и тихий вечер Эмме опять стали мерещиться тени на рельсовой полосе. Сгущающиеся тучи предвещали грозу, чтобы разрядить жаркое и пустое поле наших переживаний о будущем. Там же мы стояли около поезда и видели, как главный вагон мерцает на фоне кроваво-красного заката на небе, которое охватывает большая чёрная грозовая туча.

Её как бы немного поднесло на блюде нашего самолюбия, чтобы потом пойти и устроить себе праздник. Была пятница и случилось во внутреннем голосе — страдать сегодня по-особенному, привыкая к личности, как будто бы к своей собственной обиде. Я был так обижен на то, что мало всего происходит из наших побуждений, что вокруг меня сияло поле глубочайшей тоски. Я не верил особенно в чудеса, которые

приукрашивают в прессе, но искал себе мнительное перо надежды, чтобы обрадовать Эмму. Мы же жили так неровно и внутри очень трепетно, чтобы поезд мог двигаться внутри наших желаний и сопровождать их повсюду. Он стоял и ждал, когда мы заведём этот железный короб из ожиданий вместительной тоски по человеческому счастью, чтобы продолжить нашу работу и закончить её совсем. Я посмотрел на часы. Было девять часов вечера. Моя смена подошла и ночные волки вышли, чтобы дать ход другой смене уже в пути к дальнему переезду.

Там я отпрянул на два шага назад и опять закурил. Эмма стояла передо мной и играла в какую-то игрушку на смартфоне. Может ей нравились завитки из старого пережитка логики проживания жизни, но стояла она, как классическая леди из тридцатых. При этом, не меняя своё выражение лица, а только подмигивая на плавно стоящий закат на небе. В этот момент её глаз немного скосил в сторону, где стоял поезд. Её глаз стал быстро дёргаться и звать на помощь, но рот ещё не открылся полностью, а всего лишь нашептал линейную мантру для новой встречи. Эта встреча была мне немного знакома и управляла несколькими секундами на каждом таком пережитке или перегоне её свободы быть женщиной. Вдруг, Эмма закричала и подняла руки вверх, чтобы указать на то, что происходит в том направлении, где стоит поезд. Он точно стоял на месте, но когда я повернул голову в ту сторону — поезд почему-то двигался вперёд и главного вагона уже

не было видно.

В такой ситуации трудно сказать — кто виноват в непредвиденном происшествии и я несколько опешил. Потом, через несколько секунд мы сообщили об этом происшествии на главное управление движением поездов и стало немного не по себе. Ведь, когда выяснилось, что происходит, то нам сказали оттуда, что в поезде совершенно никого нет. Нет и никогда не было, а только пустота сопротивления этой жалкой материи схватила меня за горло. Потому что я ожидал теперь штраф или выговор на работе за такую оплошность или иную форму изменения маршрута. Кто-то слетел с катушек и побежал вслед за поездом, чтобы успеть на него подсесть или подпрыгнуть, а потом достать до главного вагона. Кто-то поехал на машине и решил обогнать поезд, чтобы потом взгромоздиться на него и стать железным покорителем самой страшной истории у себя в голове. Может это был призрак, который похитил мою прелесть и теперь несётся на всех порах наутёк от людей?

Он как бы зажимает своё время за Земле, чтобы проехать ещё немного вперёд, но является уже мёртвым и не может выбраться из такой реальности. А я иду ему навстречу, пока он дышит мне в спину и ищет сигареты у меня в кармане. Я стал немного зол, что не смог помочь в такой ситуации, но выменял немного случая постичь свой символический стиль поведения Кэмерона и взглянул на Эмму. Там я сказал ей, чтобы она не боялась неприятностей, но искала

им ощущение важности в своей судьбе или в своей жизни, когда не знаешь ничего и ожиданий больше. Где вода под камень не течёт, а поезд сам не едет по рельсам, не крадётся, как хитрый зверь, чтобы обезуметь и начать тискать твою грудь издалека. Может я чего-то не понимал в этой жизни, но прожил её стоически и в своей особой нравственной самопародии. Чтобы потом также облачиться в милого вампира и влиять настроением людей, когда им скучно, прикурнув, сидеть и думать о не свершившемся прошлом. А потом мнительно читать новости и ждать ощущения чуда, которое может произойти только из символа любви и принять форму ангела или Бога. Я также принял свою форму Кэмерона и стал себя даже уважать, что прожил достойный стиль самопародии и выучил много песен о любви, в которых будто задумываюсь о своей замечательной судьбе.

Линия тоски, как бездна проложила во мне отпечаток гордости за мою профессию, а сам я проложил себе рельсовый подход, по пути которого и иду. Я вижу зрением несмышлёного ребёнка, но грежу, что окажусь опять на этой Земле и повторю свой путь обратно. Где бы сам увидел Эмму и её выразительные глаза, тонко очерчивающие всю строгость монументальной лирики в женщине. Как будто бы Эмма пострадала из-за меня и стала на работе зависеть от моих решений, а потом раскрепостилась и вылезла из своей раковины на сложно выпрямленное небо. Оно было в тот вечер кроваво-красным, как экзальтация свойского спокойствия, кото-

рое начинается перед грозой, но которое никогда не закончится. Ни в этой жизни ни в будущей, где мы будем стоять и вести разговоры о наших отношениях, чтобы повзрослеть и припасть к самости уже полноценных людей. Этой трагедией души мы страдали с Эммой много лет.

Она забавляла меня всякими колкостями и искала много выводов из рассуждений, а потом стремилась всё переделать на свой лад. Пройти путь становления женщины опять и опять и найти в нём своё особенное своеобразие, чтобы подчеркнуть стиль сильного человека. Мы поженились с ней случайно, точнее на спор, когда отдыхали с друзьями на какой-то современной вечеринке. Потом опешили от своего решения и пристрастились жить вдвоём. Нам было хорошо и уютно, а потом мы обзавелись детьми и стало надёжно, как в космосе, который имеет свою бесконечную картину продолжительной болезни в душе. Она тянется к тебе через Млечный Путь и собирает за собой множество артефактов, чтобы превратиться в неземное ответвление твоего же морального зеркала в жизни. Когда ты не ждёшь никого, ни здесь ни там, но ищешь песок своих воспоминаний и качество из него уже везёшь в поезде души.

Сегодня он наклонился ко мне своей железной головой и приготовился не упасть носом в грязь, а прожить достаточный стиль перманентного ужаса и найти в нём весомую отдушину. Чтобы потом кружить с дамой сердца в танце своей современности и играть на нервах уже первобытных вам-

пиров. Которые тащат свой запоздалый мир из ниоткуда и превращаются в лёгких призрачных гениев, по которым ты видишь поступки людей. Где бы форма слезы только отражалась от настоящей деятельности внутри артефакта реальности, а не происходила на самом деле. Где ты ведёшь свой стальной вагон и не можешь уже повернуть назад, туда, где пропал между обломков прошлого и закрылся личным астралом. Мне туда идти как-то не нужно, но играть на нервах у людей я не буду. Ведь машинисты не должны поучать мир людских желаний, но чётко видеть дорогу из жёлтого песка, на котором построена ожидаемая реальность. Где поезд сможет и пройти и проехать, как будто бы он — человек.

А ты — надсознание из прошлого и будущего, которое тащит за собой груз не объявленной сложности в такой вот рельсовой схватке с велением души на манере людей. Где ты любишь их, а они отвечают по-свойски или молчат в дороге, чтобы не мешать своему личному стальному поезду довести тебя до нужной остановки и не пропасть. В песках такой муки, где нет ещё никого, где стать в душе — поглощённая принцесса и отражатель вымысла над небытием. Чтобы точно сковать движение мысли над некоторой сложностью пускового механизма внутри личности и не делать того, что может ускорить бег частиц по волнам уже происходящего извне. Ты же ждёшь его в космосе и на небе, ты плачешься, что стал играть ребёнком и снял первобытный космос, как трогательную картинку своего же счастья. А потом выключи-

чил материальный коллапс, чтобы достигнуть своих желаний и везти всё тот же груз по необъятной среде человеческого поля желания. В твоём надсознании стали происходить изменения и плотность превысила тайный знак, чтобы отчётливость твоей самопародии сняла шляпу и увела тебя от горя и нужды. Но сам бы ты видел этот мир первозданным и практически совершенным, где идеалы служат твоему имени и не могут пройти дальше космоса из тысяч звёзд.

Чтобы они и сами загорались и тлели тогда, когда могли и слушали твои презренные формы актуальной мудрости, когда тебе плохо или смешно. Где тайна представляет редкое поле изменений и плотности внутри движения души символа, который ты ищешь в себе самом. Сегодня он подошёл к моему сердцу и я увидел Эмму такой как она есть на самом своём бесконечном прообразе верности. Между личностей разных и мудрых, между слитых уровней обязательства и громадного тона быть в душе милой принцессой. Чтобы белые розы в такой же красоте её личности только дополняли стиль жизни Кэмерона и отражали взгляд ментального космоса в его душе. Где бы отношение и роль отношений перешла бы странную основу профессионального тона дружбы и вновь постигла свой парадокс юности перед судьбой. Не долго думая о новой встрече и тайне, чтобы зажать руки в привычном символизме приветствия и доказать себе самому, что любовь всё таки существует. Когда бы ты ждал её открытый взгляд и мельком улавливал тени на своей манере

обращать внимание не только на кончик носа личности, но и на даму сердца, что стоит рядом с тобой и предлагает опять пойти потанцевать.

Отгадывая сложностью планет — свою любовь

На неверном случае, когда не можешь говорить, а только молчишь может показаться, что всё вокруг чёрно-белое. Словно бы это нечто прячет за тобой сердобольную трещину из ужаса и мнётся, плотно подползая на коленях, обласканных до невероятной сложности души. Я, как Мэттью был женат четыре раза и все мои попытки урезонить дам заканчивались скандалами, а потом они будто сожалели о случившемся и ставили мне новую капельницу из боли. Она жадно шла по венам и ласкала меня с такой сложностью и невыразимой болью, что трудно прислушаться к самому себе. Как только я понял такую модель изгоя над своей головой, то стал привыкать — иметь внутри неопытную сущность и управлять ей, как космическим кораблём. На втором неверном случае у меня произошёл облом по жизни, где я не достиг почти ничего нормального для своей личности. Я тайно филонил и слонялся от затерянной пошлости дурака, чтобы пристраститься к новому приключению в жизни.

А жил я в Тулузе и подводил итоги прошлого года, точно расписывая свой многодневный график, за которым можно понять душу дизайнера. Я мог бы рисовать много картин или заниматься лепкой или архитектурой, но дизайн захватил меня куда больше и тоньше, чтобы обратить на то

неземное предчувствие души, где и сегодня стою. Я стоял на площади Тулузы и воровал глазами облака. Они плыли по небу внутри белой простыни и одеяла, чтобы запомниться мне и немного сместить курсор твёрдого шага навстречу моей здоровой логике. Впереди меня ждала стройная работа и милая секретарша Шарлотта, в которой я не чаял души и которая всегда меня успокаивала. Она почти что убаюкивала мой пульс, когда я разводился второй раз, когда всем моим родственникам это было почти безразлично. Шарлотта придала мне стойкого темпа реальности расти в своих глазах и не давала там спуску, не нажимая на кнопку олицетворения реальности какой-то другой души.

Я бы пытался её выдумать, но никак не мог, только почёсывал свой затылок в ожидании очередного эскиза для проекта. А проектов было много, их весомость и чувство реальности всегда меня переполняли. Я не был ландшафтным дизайнером, но занимался дизайном интерьеров, дизайном сайтов, а также художественным дизайном бизнес-коммуникаций людей. В Тулузе такого довольства было хоть отбавляй и мне не приходилось долго мучиться и искать себе клиентов. Они сыпались на голову, как из банки с тараканами, но пищали так — будто им чего-то не хватает в их стремительно протекающей жизни. Там же я завывал, как может быть Мэттью. Если какое-то ничтожество запирает тебя на поводу из мнительной природы в судьбе и не выпускает наружу, чтобы полюбоваться голубым небом. Где красками ночных

бабочек так хорошо жить во Франции и иметь всю печальность её бесконечной перины мудрости и свежего господского воздуха у себя на руках.

В моих руках было много бизнеса, точнее он не заканчивался только на дизайне, а подводил свою точку уmozрения и в других областях житейской стихии быть человеком. Я мог торговать и при этом ощущал свою точность спокойного тона выше своей головы мира в бизнесе. А моё настроение никогда не зависело от женщин, но очень трогательно имело выход внутри параллельной реальности. В такой реальности я придумал себе художника отношений. Он жил прямо за мной и искал там пар моих гражданских выдумок, предлагая их сразу на опыте успешного бизнесмена. В такой красоте трудно отказать уверенному в себе мужчине. Я был в самом расцвете сил и предлагал много тайн для женского взгляда, чтобы там заострить личную авторскую харизму и сделать новый эскиз. «Пусть он понравится сегодня Марии, а завтра будет выгоден уже Сюзанне. И обе они найдут для себя неоднородную точку выхода сложности образумиться в такой красоте логики жизни», — так я подумывал о новом проекте и сидел у себя в кабинете.

Мои глаза наливались свинцовым туманом, потому что уже был вечер и мне хотелось пойти домой. Не то, чтобы отдохнуть, но чтобы приоткрыть завесу тайны на множество сложных причин, которые одолевают меня в отношениях с женщинами. Может мне только сорок пять лет и я не очень

выдался внешне, а по росту не сразу скажешь, что игри-
вое сходство с героем станет теряться в безнадёжности слу-
чая быть ещё и человеком. Я хотел быть любовником, но
иметь свою французскую харизму, тот же манер интеллиген-
та и тонкий аромат прованса, с которым меня может встре-
чать южная Франция. Меня постоянно будоражили стоны
морального ада в голове, чтобы я мог обдумать судьбу своих
прошлых жён. Их поступки меня выводили из себя и внутри
понимания всей сложности и необычности жизни — я всё же
мечтал о проникновенной любви. Чтобы чёрно-белый фар-
фор разошёлся в моей голове и стал другим изображением
космической картины гротескного эго мужчины. Где бы я
видел не только свои глаза напротив, а искал там отражение
своей второй половины в душе.

У неё много олицетворений и смыслов, но объяснять я
люблю внутри художественных примет человеческой психи-
ки. Так я создаю свои психоделические образы галантного
кавалера и жду, что каждый мой день не закончится таким
же обязательным фактом. Их будет много и также много раз-
говоров, чтобы задавать личные вопросы и мечтать привы-
кать не только к любовной обманке жизни, но и тяготеть
к зрителю своей тайны рождения. По рождению я был
немного греком, но вменял опытный символизм состоятель-
ного дизайнера. В нём мой джентльменский набор уже око-
лачивался вокруг некоторых местных дам и мы дарили друг
другу цветы, чтобы показаться всё же заметнее. Выглядеть

немного глупее и отзываться только на имя «Мадам» и «Месье». В таких символических отношениях даже моя семья не была мне должна, то имела много недостатков, чтобы считаться там привычкой, оставшейся от жизни. В ней жил я сам и имел свой спонтанный рупор реальности, когда несёшь отжившее чувство с уже приготовленным механизмом, но знаешь, как оно тебя в глазах другого человека облагородит. Сделает, как бы эстетичнее и щепетильнее, чтобы ты выжил внутри космической паутины тайны, в которую сам не верил.

Я плёл мою паутину из прошлого и шагал по ней такими семимильными шагами, что вся Франция бы позавидовала. Я мог бы командовать целым полком, но отражался в кухонном потолке, как бронзовый актёр из личности, бегущей в никуда. Моя лысина говорила также о многом, чтобы дамы вокруг имели точный манер и фасон. Они прихорашивались передо мной так эстетично, что ввиду моей обаятельной личности — это действие могло бы происходить например на Венере. Чтобы там придать такой ситуации довольно личный характер и харизму, внутри которой мог бы быть скован уже параллельный мир. К такой прозрачности художника я и подошёл. Надев тонкий шарф и чёрное пальто в английском стиле. Я прогуливался по вечерней Тулузе, чтобы увидеть вскоре ноябрь, но принять там природную зиму и отучиться наконец курить. А тайне я мечтал съездить в Бордо, так как в Париже уже был, но не считал себя отставшим от жизни. Просто круговерть слабого канала мудрости

достигла моей ровной аксиомы почти что тогда, когда это было бы возможно: произойти или преднамеренно упасть с небес личной выгоды.

А Шарлотта тем временем писала скорбные пасквилы на наших врагов, которые целыми днями клеветуют в интернете и на «чёрных сайтах» заглатывают всю пошлость такой же тоски. Может потому, что хотят казаться ближе к идеалу бизнеса или ждут, что люди прочитают клевету и поверят каждой выдуманной строчке. В поисках таких пасквилей Шарлотта преуспела и стала менять окраску своей души на контрастную. Также она стала менять цвет волос, то покрасится в блондинку, то станет пурпурной брюнеткой через месяц и всё как бы, как у людей. Но настроения по-прежнему нет, только идёт парижский липкий дождь и напоминает о чувстве брошенной важности быть здесь настоящим человеком. Когда трезвеешь не сразу, но нужно выдумывать много корпоративных привычек и уменьшать свою капризность почти до нуля. В ней был я и отражал много удовольствия в глазах Шарлотты. Её тяга к прошлому давала ей некий консервативный мир личности, а также снисходительность к нашей европейской жизни. Может тяготеть в такой суеде мира к любви было старомодно, но мы старались прижаться друг к другу, как две фарфоровые статуи, чтобы изничтожить весь яростный смысл привилегии наших бизнес врагов. Где ты не ждёшь подвоха от тупости происходящего в глазах, но маешься на каждой остановке, что встречается на пути объек-

тивных переговоров.

Мой человеческий смысл состоял из прообраза разных космических планет. Я вдохновлялся космологией и видел там уморительное провожание своих детских выводов относительного мира неустойчивого и жадного, когда люди на тебя могут просто наброситься. Если они голодные или злые, но такие прямолинейные и обидчивые донельзя, что шелест моих выводов в голове становится тяжкой приметой взять трубку городского телефона и просто её выбросить вон. Мне названивали постоянно домой много людей. Может они не знали куда точно хотят позвонить, но представляли у себя в голове успешного бизнесмена, который имеет много денег и достаток в своей милой критичности в душе. А Мэттью был не одинок в таком космосе сопровождения усталости быть нелюбимым человеком или уставать в своей сложности французской харизмы. Где все буквы алфавита сплетены в такую загогулину, что меньше уже не больше, а больше не меньше. Взять и направить в точность моего личного полёта фантазии, и где-то на выдуманной Венере пристраститься к лучшему потоку выгодного стиля образования жизни для себя самого.

Планетный штиль или планетный космодром заставил меня сегодня выйти на улицу и подсчитать те вложенные средства в саморекламу. Я всё ждал, когда же она даст невероятные плоды для меня и может для Шарлотты, которая постоянно хотела повышения, но была слита внутри пародии

офисной жизни. Она как белка крутилась в том колесе, но порождая затрещины этого фантомного слоя причин быть для меня идеалом в душе. Может просто она была в меня влюблена и искала практичного случая пройти целый век, не закрыв за собой тайную дверь в той же душе. Я понимал её с полуслова и мы дразнили постоянно друг друга, чтобы потом опять принять обличье начальника и подчинённой. Где бы слова могли просто быть заменены обычным офисным символизмом и дизайнерскими приёмами выгораживания своего перед людьми. Так моя жизнь тянулась довольно долго и шла без видимых поражений. Напоминая уютное поле внутри зафиксированной разницы характера школьника и зрелого личностью мужчины, который всех понимает и принимает, но делать для себя ничего не хочет.

Внутри моих французских приёмов я стал сооружать башню космической важности и занял то место выше, что мне преподносит такая символическая жизнь. Она открывала давно знакомые перспективы — стать в компании директором или создать личный бизнес и не прохлаждаться вовсе по жизни. Но я тянул до последнего, как и с моей прошлой женой, которую заволокло всяким притяжением космоса внутри заведомо выдуманной причины, когда она ушла. Может Челси и Сандра были намного меня моложе, поэтому стали внутри моих французских привычек, как бы, приспособляясь расти и наблюдать за моей нестандартной внешностью. А потом в разъярённой схватке с демоном всё той же мни-

тельной обиды — взяли и бросили меня напропалую, чтобы внутри себе казаться непревзойдёнными женщинами. В которых всё хорошо: и вкус и одежда, и промысел в жизни, но нет только одного — идеального мужа на них.

Шарлотта была меня моложе на пять лет и ничего об этом не подозревала, точнее не думала об этой сиюминутной глупости. Когда мы игрались словами в офисе или мило наблюдали раскаты грома из огромного окна, что выходило на городскую улицу, где тянулись тени и линии. Они звали меня куда-то обратно в серое прошлое, в котором теней почти нет, но есть много оправданий для женщин, которые меня бросили и молчали теперь в субъективный аэродром своей мнительной стратегии. В такой колеснице событий — Селена была последней женой и очень дотошно названивала мне, чтобы узнать как у меня дела. Она всегда щепетильно подходила к проблеме внутреннего торга с личностью. Когда ты не можешь сразу взвесить все за и против, но оставляешь тонкий аромат удовлетворения на лице, как будто прошлое не имеет значения, а тащит тот же вековой груз. И я тащил его вместе со своим прошлым и с детьми от бывших жён.

Остин и Рон были от разных жён, но походили друг на друга с поразительной стойкостью моей прежней внешности. Так Селена и Сандра умели привнести свой резвый взгляд на долгую бесконечность внутри моей души, чтобы опять говорить о детях по телефону. Лишь одна первая жена Айрис была очень застенчивой и не звонила вовсе. Мы прожили в до-

ме на окраине Тулузы с ней год и очень щепетильно расходились. Как два заблудших мамонта, внутри которых ещё не до конца растаяли снега могучего космоса дружбы. Но сделать шаг вперёд всё таки пришлось, чтобы понять, что оно, то самое прошлое было для нас ошибкой. Я не очень вспоминал эту мадам, ведь Айрис была тихоней, брюнеткой с миловидным лицом и с маленьким крючковатым носом. Он придавал ей относительную скромность относительно моего мужского ханжества, чтобы пройти там целое поле суеверных ожиданий от любви. В саму любовь я никак не верил, но тихо притворялся, что мог бы сегодня поверить, если зайдёт и моё сердце за грань того ужаса, то называют «женская любовь».

В какой-то момент я не сразу понял, что могу приподнять даже буйвола для того, чтобы понравиться Шарлотте. Она так всегда мило улыбалась и хихикала, что трудно заметить своими глазами, как хлопают ромашки на её круглом лице. В очередной раз перекрасившись в рыжеватую брюнетку она стояла ко мне вполоборота, чтобы что-то сказать. Наверно важное, ведь работа для неё была такой же фетиш, как и для меня. Она считала приемлемым просто жить всю свою жизнь и работать до потери пульса над своей остроконечной формой рабского безумия в душе. Когда не сразу сможешь понять всю наглость внутри фортуны мира, где тебе хорошо. Ты просто не видишь своего отражения в зеркале и не смотришься туда напропалую, а ждёшь, что следом будет всё новое и новое. Так и она стояла ко мне вполоборота и мило

хихикала себе под нос, чтобы соблюсти гражданский кодекс на работе и понять, что это хорошо.

Я встал напротив такой милой леди и принялся ощупывать свои большие карманы. Они не были большие от моих денег, но шевелились каждый раз, когда я хотел сказать что-то важное в присутствии других людей. Мне можно было это делать когда и как хочешь, ведь продажи зависели от меня и внутри так и таял смутный венец признания от начальника, что меня повысят. Я возвышался и возвышался над своими комплексами мужской обидчивости, а потом заметил нашее Шарлотты небольшую цепочку. Когда я поинтересовался, что на ней висит, то узнал неожиданность. Шарлотта сказала, что носит знак своего идеала, точнее знак зодиака Козерог, чтобы он приносил ей удачу и счастье. Я мило посмеялся и нашёл, что ответить на такое событие из сегодняшней шутки судьбы. Я сказал, что сам я Водолей, и что мы наверняка могли бы притянуться друг к другу из-за такого совпадения знаков. Чтобы потом понять, что будем строить крупный бизнес вместе и всё у нас получится. Она посмотрела на меня с удивлением и прошептала, что может так оно и есть. В глазах у меня помутнело, но выдох говорил, что дальше будет легче и спокойнее — наблюдать за картиной масок из женского природного мозга на душе.

Не нужно быть анатомически подкованным, чтобы служить своей истинной цели или верить в неё, так ни разу и не осунувшись внутри пьяниц или скупой, тщеславной мо-

лодѣжи. Я вышел из состояния молодѣжи не так давно, а Остин и Рон меняли для меня глыбу теней в том ужасном прошлом на новые краски, которые бы развеселили мой старый и угнетающий мозг. Я говорю «старый и угнетающий», потому что сам имею дело со своим хрупким воображением, которое несло меня впереди моих славных жѣн. Когда они ни в чём себе не отказывали, то думали, что сидят как принцессы и могут городить всё, что угодно на свой мимолётный счёт жизни. Я не трезвел по этому поводу и не начинал новых отношений, а старался превозмочь себя в старых, чтобы выйти из того субъективного тупика, который нажил за жизнь. На плечи его не переложить, даже когда уезжаешь в командировку, но Тулуза со своим мягким климатом сменяла мой тон на добродушный. И я оставался сам для себя странным, но отчётливым джентльменом, который также ищет чего-то тайного в жизни.

Распаривая свой галстук на блюде из зазеркального ужаса я думал, что много событий прожил зря. Они так казались мне более мягкими и необязательными, что потом их можно было бы с газетной точностью выкинуть вон из головы. Я не слышал много клеветы про себя лично, но вот мой бизнес страдал от такого плоского чувства юмора, что даже у конкурентов их ушки могли бы завернуться в крамольную начинку для торта. Так и я собрал всю начинку для следующего утра и дня, но не слушал больше от Шарлотты ни слова. Она перешла на тактовый стиль благоразумной дамы, в

которой можно не заметить следов усталости на лице. Пока вечерний воздух согревает твоё изнеможённое тело и не даёт тебе спокойно выйти на улицу и пойти уже домой. В одной такой дороге домой я вышел и прошёл два квартала пешком.

Я редко делал такие шаги в своей жизни. Точнее не придумывал сплошь тайные знаки на своём пути, чтобы просто дойти до дома. Где-то посередине пути меня остановил один немолодой человек и попросил закурить сигару. Он был одет очень прилично, не свойственно для таких мест, что даже меня насторожило. Втайне я хотел с ним пообщаться и дальше, но он холодно отпустил мою руку и пошёл прочь, огибая клубы дыма за собой. Его тень врезалась в мою память, как что-то необычное и непредвиденное, а сам он оставил плотный стержень искры в моих уставших глазах, которые уже не хотели понимать ничего. Уже перед самым подходом к дому я заметил, что за мной кто-то идёт. То ли это была тень от людей, то ли моё напряжённое сознание звучало где-то и потрескивало в личной выгоде быть известным человеком. Я конечно был известен в определённых кругах бизнесменов. Ведь дизайнеры не такие и плохие люди, и важно отдавать в этом себе неременный отчёт.

С такой мыслью я прошагал ещё несколько десятков шагов и наткнулся на стену непонимания, из которой торчали брусчатка и серые всполохи какой-то массы окрашенного бетона. Где на глаза не могут попасться никакие буквы, а только витки краеугольной точности — быть сегодня современ-

ным и важным господином своих мысленных надежд. Я увидел некое объявление и мне стало не по себе. Ведь что, что, а тайна внутри меня никак не хотела вынырнуть из прошлого, но тонко несла свои пепельные мечты. Отправляя там же мой мозг в неизведанные стили инородного богатства в психике человека. В объявлении было написано, что некий дизайнер, руководитель сектора торговли и сбыта внутри моей компании объявлен в розыск. Что там же, условно и мне придётся иметь дело с законом, но по какой причине — совсем неизвестно! Мои пятки опустились на роковую землю и я стал перешагивать прочь от той лёгкой болезни дрожи, которую только что подцепил.

Я вошёл в квартиру и замер. Потом замкнулся в ванной и совсем ушёл в свой тёплый и мечтательный мир. Где на одной половине сосуда важности было здравомыслие, а на другой его половине — держалась Шарлотта, которой я решил позвонить. Было ещё несколько друзей из двора и с компании, но они не внушали мне такого же доверия, как Шарлотта. Ведь Джек и Алекс тоже были моими ровесниками и могли мне отомстить из зависти, поэтому я не стал делиться такой новостью с ними. Нагнеталась странная погода внутри меня самого. Я вышел на балкон и снял немного напряжение, а вокруг чайки ютились и ждали меня, чтобы начать верещать как-то по-детски. Ведь природа успокаивала меня и на этот раз, но щебетала как-то по-иному. Заглядывая мне то в правый, то в левый глаз, из которого нет смысла ворчать

на свою следующую жизнь. Для себя самого я не был астрологом, но мог вполне реально понять все акценты психологии крайностей людей.

Ведь в самих краях, я, как смелый психоаналитик разбирался не хуже, чем настоящий профессионал. На меня легло небольшое успокоение, а потом полоса какого-то странного вида проткнула моё сознание и там я увидел себя самого со стороны. Как и любой другой гений я возвышался над своим олицетворением смелости, чтобы потом понять его ещё дальше и глубже. Чтобы пройти всю череду пакостей и неприятностей, но понять их через символы и знаки. В моём будущем их было очень много и я начал собирать их из цифр поначалу, а потом, перекликаясь из странных обстоятельств, которые наводили меня на мрачные мысли и не давали полностью раскрыться перед женщинами. Может я сам потух в таких отношениях или рассеялся от грусти в подобии собственной лени и того же мрака, но моя атмосфера важного смысла наблюдала как бы сама за собой. В таком же настроении я стал ходить по комнате и ощутил прохладу, как будто что-то превосходящее меня опомнилось и настало прямо сейчас. Пока я сам ещё не настал внутри своих переживаний о прошлом и смысловом пути, что проживаю в Тулузе. Когда внутри всё горячо и слаженно, то Мэттью не горбится и не стоит просто так. Он смотрит прямо перед собой, чтобы задумать новый полёт и найти счастье с женщиной.

В обложке моего счастья было всё, но не было реального

человека. Того, к кому можно прижаться и приспособиться так быстро наедине, где сам себе не осознаёшь личное презрение от точности мира надежды, что хочешь того же самого. А вкратце, что сам хочешь понять другого человека, но видеть при этом его черты, как не запаянный сосуд из материального блага внутри личности. Я стоял так и думал, что сегодня пятница и мне не нужно впадать в бахвальство, чтобы иметь при себе всё, что мне необходимо. Трюфели или сладкий ром, а может пару элитных сигар с запахом мандарина меня бы успокоили. И с такими мыслями я сделал заказ в местном магазине. Потому что пришёл в своё самое сокровенное впечатление: гордости и самодовольства от настоящего хаоса, который может обуть всех моих врагов. Пока я думал о таком положении вещей, мне позвонили в дверь.

Опираясь на меткий выстрел из бетонной стены я заглянул в глазок и нашёл там плотно стоящего курьера. А ещё я увидел его удивлённые глаза и задумался спросить его, всё ли нормально.. На этот счёт меня перехватили и он сам подытожил свою систему моральных ценностей, чтобы поднять нужный алгоритм тоски. Он сказал, что очень долго добирался до моей квартиры, но встал, как истукан и нашёл мой дом почти случайно, как бы, вглядываясь со стороны местных пустырей и кустов. Такое описание меня порадовало и я увидел у него странную вытянутую шею. Она была бледного вида и сам он был точно упырь — весь в серых тонах. Как будто окрашен какой-то краской из местной га-

лантереи, что не может сойти с его не расторгнутого чувства любви к работе. Мы стали мило болтать и тут у меня закружилась голова.

В глазах всё потемнело и вышло наружу, будто мне неугоден этот мир. Он как цепкий пёс схватил меня за щёку, а потом я стал приземляться на руки какому-то мужчине. Очнулся я уже на своём диване. Что-то терпкое было положено мне под нос. Около меня стоял мужчина в голубом и сватал прямо в квартире с новоиспечённой болезнью. Мне показалось это немного смешным и сам я опешил. Ведь ревизию здоровья я давно не проходил, а пятидесяти лет мне ещё не было. Тут то настало протрезвление и сам я начал подозревать, что таю, как лимонное мороженое, которое стекает на мой офисный пиджак и расстраивает всех вокруг таким ужасным видом. Меня быстро успокоили эти два человека. Там на самом переходе от тоски к обмороку я стал намного сильнее себя прежнего. Ведь видел всю точность самовыражения, которая может биться об лёд, пока я работаю на износ. А Шарлотта будет учить меня не впадать в агонию и не печалиться, что все мы не вечны, а только трогаем этот мир одной рукой, пока боимся заснуть в своей квартире.

В эту ночь я не боялся уснуть, но жажда мучила Мэттью очень страшно. Меняя свои окраски то на нежность, то на удивление волка, чтобы приберечь такую же слаженную конфетку наутро, и потом — понять, как дико мне было жить теперь одному. Ведь я был аналитически подкован и смог

точно проанализировать всё своё личное состояние. Внутри которого мог бы пребывать жуткий стиль эпитафии над самим собой и витиеватое поле надежд — быть недоделанным дураком в наитии женщин, с которыми люблю общаться. Я жил не для себя, а просто так по-французски, где говорил себе только слова снадобья и любви, а прошлое быстро забывал, но возвращался к нему по необходимости. В такой болезни самостоятельной ломки важнее всего принимать себя таким как ты есть на самом деле. Ведь истина — не барышня, но тащит за тобой много справедливости и важно уметь вынуть её в нужное время перед собой. Точнее объяснить себе самому внутри сознательной поддержки разума, приковывая внимание женщин ещё больше.

Я жил также как и раньше, но мои мечты постоянно менялись. Они, то превращались в мутную киноплёнку, из которой хочется убежать на другой фильм с иным сюжетом, то в страшное предсказание ведьмы, которая тебя не любит и глазит. Дотронувшись до тебя только одним глазом, чтобы чутью было также страшно стоять перед ней и молчать. В таком обстоятельстве глазил себя самого только я один. Я решил выпить рома и стало как-то иначе внутри, когда не знаешь, где заканчивается и где начинается вечер, в котором живёшь. Мои вены налились стойкой плёнкой маразма и стали тащить меня покурить. Я несколько не сопротивлялся и пошёл на балкон, от которого веяло таким предательством, что страх высоты. Нет, я не смотрел вниз, но смотрел на свой

смартфон. И в эту минуту я увидел там сообщение от Шарлотты. Она написала, что странно себя чувствует уже весь день и может подхватила какую-то заразу или болезнь и не знает, что ей делать.

Я понял, что мы больны одной и той же болезнью. Там же я не стал ей ничего говорить про себя, но увидел в этом знак приближающего жизненного юмора. С меня скатилась череда странных новостей, но, увидев объявление на улице я стал немного скромнее и перестал искать разговора с незнакомыми мне людьми. Уже на следующей неделе выяснилось, что меня подставил коллега из другого города, где располагалась наша сеть. В компании пока ничего не знали, но проверили налоговую и стали выяснять детали такого безумного чуда, которое казалось мне просто мифом. В нём я увидел свет интеллигентной болезни внутри сатиры. Если не хочешь думать, как выбраться из чужой ситуации, сплетённой воедино в одном коллективе — просто промолчи или не делай ровным счётом ничего. Юлить и убеждать других людей было не в моём стиле и я оставил всё, как прежде. Я стал присматриваться к коллегам и увидел много непонятных вещей.

Например, то как они себя ведут после работы или то, как образуют свой отдых в компании, даже во время отпуска. Моей болезнью не стала слежка за другими коллегами, но свет из картонной коробки прорезался прямо над моим левым ухом. Мне слышалось, что они обсуждают меня за углом офиса или на перерыве, а потом Шарлотта сказала,

что несколько людей уволилось по странным причинам. Когда ты сам не боишься пойти навстречу своей судьбе, но видишь только образы и предчувствия за спиной, а потом проявляются и линии логики, откуда это всё началось. Мне было обидно, что художнику не найти места впереди коллег, а дизайн только за основной обёрткой меняет такие же тени внутри мужчины, но не даёт понять ровно ничего. Что я был должен сам себе и мечтал выйти за рамки своей личной паутинки счастья. Где положить свою свободу было так хорошо и опрятно, что я вполне мог бы стать хорошим поваром или горничной на службе у богатой семьи.

С такими мыслями я нашёл свою подушку и лёг спать, но сон не шёл ко мне, а сопротивлялся. Я видел тонкие черты своей психики. А ещё увидел там Шарлотту, что воет волком, чтобы хоть немного понять меня настоящего и пропустить дальше. Куда-то туда, где я не буду никогда один и не стану мешать ей — чинить свою женскую судьбу и быть нужной другому мужчине. При этой мысли у меня скривилось лицо и я стал исходить липким потом. Наутро я проснулся весь изнеможённый, будто вампир пронзил своими клыками весь мой мир и тело наизнанку. Чтобы выпить такое количество крови, что даже я не смогу это понять за всю свою одушевлённую жизнь. В теле, как наяву в силах такого бахвальства — я встал и начал собираться на работу. Когда я увидел свой мобильник, то не сразу понял в какое чувство он повергнет мою душу сегодня. Диагноз был преждевременным

и очень опальным, а я трепетал, находясь между агонией ада и своей щепетильностью аристократа.

В сообщении было написано, что Шарлотта заболела какой-то тропической сильной лихорадкой. Её несло из стороны в сторону и мне поэтому пришлось положить её в больницу. «Ну вот, теперь работать с другой сменой придётся», — подумал я и подсобрался, наблюдая за своим выражением лица. В зеркале его не было видно, или казалось, что никто его не увидит вовсе. Как будто бы я стал простым вампиром и необычный трюфель из головы превратился в мою закадычную подругу юности, которая меня не любит. Я также не люблю её, но ревность укладывает мне тропинкой ту дверь, из которой зияет чёрная дыра вечности. Войти в неё — значит навсегда погибнуть, а выйти — значит перейти на сторону уже других отношений и вытерпеть себя самого. Я встал как страус на середине комнаты и принялся отсчитывать свой бледный космос внутри головы. Потом позвонил своей сменщице Элле и принял твёрдую позу, поговорив с ней, как поток с квантовой частицей души.

В моём положении можно было бы и дальше идти по такой нервной окалине и не мучиться, но знаки стали преследовать там всё глубже и глубже, не давая моему подсознанию выбраться наружу из свойской болезни играть с самим собой. В такой игре не было выигравших и проигравших, но весомость доводов заставляла строить новые мосты передо мной в обществе. В них я также шёл по Тулузе и ждал, что

мне наступит скоро пятьдесят лет. Выживание или болезнь сердобольности сменили мой прыщавый тон юности на вычерк, за которым не хотелось почти ничего. Может я втайне ненавидел себя также близко и связно, что мог бы говорить словами, не утруждаясь принять их в необычное поле наград — стать для себя обыкновенным семьянином.. В таком положении вещей моя галантность сыграла бы внутри меня только тщеславие и открывала бы второй круг рождений и смертей. Я шёл по нему, не представляя, что рожусь снова, но родился и был безбрежным от своей погоды слов.

На своей же работе я стал очень осторожным и сказал Элле, чтобы она мне не писала по пустякам, пока она замещает Шарлотту. Потом, по прошествии нескольких дней я поехал проведать уже и Шарлотту. В больнице было гладко и светло, будто бы слетели все маячки от моих чувств и превратились в единое «нечто». Где теперь они светят там мне и хотят узнать кто я такой внутри своей скелетной выдумки души. Я почувствовал её так отчётливо, что стал мифом сам перед собой, а потом зашёл в палату к Шарлотте, ни на кого не обращая внимание. Выдумка или реальность гостили сегодня на моём бледном лице и я не стал снимать своей белой маски. Я тихо прошептал, что всё будет хорошо и мы все поправимся, так и не разу не наглядевшись в бездну, которая манит своими огнями, куда-то вверх. Чтобы ты сам почувствовал Царствие Небесное и понял, что не один тут прохлаждаешься и блюдёшь законный мир субъективного пере-

живания ужаса жизни. Может я никогда не стану Шекспиром или Кантом, но пройду свои круги ада, чтобы увидеть планетный всплеск такого же мужества в мыслях и чувствах. Когда я прикасался к психологии планет, то сам наливался такой жаждой, что трудно превзойти метафизику времени.

Тяжело было только моим коллегам. Я стал постоянно ныть и капризничать, что без Шарлотты очень много погрешностей на работе и неплохо бы понять, как их исправить. В моём воображении это был человек очень юркий и хитрый, но мне не хватало смелости признаться себе в этом. Логика как бы уводила меня в другую сторону, чтобы споры и придирки разводили ещё больший кошмар на работе и не давали никаких возможностей выбраться. Я наслаждался таким амфитеатром служителей любви. Когда на работе много успехов у людей, но ни один не должен мешать по-настоящему твоей работе, чтобы тебя, быть может, в будущем повысили. Эдакий кодекс от зазнаек и поиска постоянно личной выгоды, чтобы обращать внимание на тонкости в работе, а не на себя самого. Так моим прежним желанием было совместить мою личную жизнь и работу в полноценный градус моих переживаний и жить дальше.

Знаки земли притягивали меня как планетное нечто, я пылал жадностью таракана, чтобы узнать их поближе или хотя бы притронуться к ним, пока это можно сделать. Так исходя из планетной психологии я вывел себе некую формулу надежды и стал её вести день за днём, а потом увидел и

личный стиль психологии прозрения будущего. Он ровной стеной выманивал мои самые сокровенные тайны, чтобы побольше узнать меня самого. Это были все те женщины, которые у меня были в прошлом и даже Шарлотта не давала мне покоя. Она также льстила и жалась ко мне, но духу ей не хватало унять свой искуcительный мир идеалов внутри женщины. Когда наступила апрельская жара я пошёл немного прогуляться и вдоль дворов и смещённой пепельной брусчатки — я увидел тонкий намёк на свои мечты. Передо мной шла Шарлотта и несла какие-то сумки. Они были такие огромные, что даже в старый чердак можно было всё это не вместить. Так на месте мы разговорились и я узнал, что буду теперь работать с Эллой постоянно. Потому что Шарлотта перешла на другую работу и забылась там, как нигде в другом месте прежде.

Все мои догадки, почему так могло произойти — не стали меня подогревать, но я озадачился не по-детски. Утратой это не назовёшь, что внутри таблеткой также не проглотить и сам я на минуту загрустил. «Очень прискорбно и плохо. Как же я теперь буду один там мучиться?» — спросил я и нервно нахмурил брови, чтобы было как-то тяжелее и вкрадчивее говорить о том, чего и сам пока не знаешь, но видишь впереди себя в сложных очертаниях. Мне и тяжкий груз таких разговоров не ложился на плечо, но символы стали заполнять всю мою жизнь подчистую. Когда я нашёл ответ внутри себя самого, то выдохнул и перешагнул от этой мысли в

слеую бесконечность души. Ей конечно было всё равно на то кто я есть и на моих детей, но сам в себе я не отчаивался. Я горел, как факел внутри сознания, которое было сцеплено будущим и гнало этот поезд на какую-то следующую остановку. Я успел туда прыгнуть и решил предложить Шарлотте общаться и дальше.

Она нисколько не смутилась и даже поинтересовалась, как поживают мои сыновья? Мы ответили друг другу улыбками и стали приспособливаться к такой новой реальности. Когда до конца не знаешь кто кого убьёт в следующую минуту, но ждёшь постоянно нокаута, а мысли обрываются, как чёрные провода на линии смерти души. Дни стали идти как-то быстрее. Я выходил с работы и звонил Шарлотте и там, представлял планетное нечто, чтобы играть внутри правила ставить точку не посередине строки, а только за ней самой. В такой философии ужаса на кон было поставлено всё, но мои труды не пропали даром и я стал получать большую надбавку к зарплате.

По вечерам я общался с разными женщинами и притворялся тихим и обманчивым плутом, а с Шарлоттой я был безграничным циником и даже мёртвая мысль не могла сбить меня с толку. Но подползала ко мне очень осторожно, чтобы не обидеть на своей линии проникновения в очередную ситуацию при общении. С людьми, как в культуре раздора — бывает очень трудно и слабо идти, но конфликтность не моя черта характера и я просто смирился. Ведь быть обыч-

ным мужчиной куда проще. Где дизайнер не видит плотный шёлковый наряд внутри своей леди, а быстро намекает ей на ещё лучший фасон, чтобы приобнять её всё ближе и ближе и затем и самому подрасти. В жизни такой середины мне было достаточно и самостоятельность не стала уже такой навязчивой, как раньше. Космические мысли приносили много плодов и я стал почти проницательным провидцем внутри бизнес логики. Когда такой подход был нужен или необходим, но становился реально выполнимым только в моих руках. Так я достиг своего золотого часа и стал директором компании. Дизайн мне был нужен совсем не для этого, но шёлк, исходивший из внутреннего обаяния говорил, что дальше я увижу необычные знаки судьбы и найду им тепло в собственных руках.

В ту пору Рон уже сам женился и был невероятно счастлив от такой перспективы — пройти все круги ада, не держась за руку со своими родителями. Остин же собирался уехать и вовсе в Германию. Он и Селена, его мать, постоянно снились мне последнее время, чтобы найти там потайное окно и придумать новую космическую точку поворота души, от которой я залиюсь весь красной краской. Быть может потому, что я их бросил много лет назад, а может в душе у меня растаял плотный цветок мироздания и всё в голове перемешалось, как внутри личного поля выгоды. Когда ты сам её уже никак не ждёшь, но водишь вокруг за нос чёрного ворона и говоришь ему, чтобы он не каркал на твою будущую

жизнь. Как бы, представляя, что сам в будущем станешь таким же вороном и сметёшь им форму слепой наглости, поднабравшись у друзей хороших шуток. Я не писал изумительных пьес по ночам, но смотрел постоянно сериалы по телевидению. Они так будоражили меня, что сплотили весь мой тонкий юмор вокруг неизвестности, где-то позади. Там я не рассуждал очень строго о себе и о своей мужественности, но радовался, что стал директором компании.

В таком водоёме гордости во Франции я провёл много лет и также много утекло вопросов и ответов. Чтобы потом мои сыновья смогли бы вобрать в себя немного воздуха и спросить меня о чём-нибудь эдаком. Я их никогда в реальности при жизни не жалел, но понимал тонкий стиль юмора. В нём было много предрассудков, а также много психологической астрологии. Я находил интересным тот мир, когда ты складываешь много факторов себе в обыденное время на работе или дома и видишь, что есть одна закономерность. В ней был не только я сам по себе: годный и интеллигентный мажор, которому всё по плечу. Не задавая много вопросов — уметь быстро уговорить клиента или друга на смысл своей затеи, а потом сделать ещё одно мнимое пари. И таких пари было, отнюдь, в целую вечность, столько, что и сам я один устал их считать и менять смысловое и умственное подобие в чертах. Я называл это: «Идти по своей логике жизни и находить там много правильных вещей в голове».

Так и моя голова повернулась сегодня не в моё детство, а

куда-то в иную сторону, преграждая мне область за виском. Я искал выход внутри психологии, но не смог толком ничего понять. Меня переполняли эмоции, ведь нужно было развиваться дальше. Когда я всматривался в вечернее небо и настраивался на пульсирующие там планеты, то думал о ничейности говорящего сердца. Что оно уже никому не нужно и нет того выхода или входа, чтобы забиться через иную артерию и не вспомнить свою формулу прежней любви. А мои соседи и друзья смеялись надо мной, что даже в престарелом возрасте можно быть чудаковатым романтиком. Через которого, как через Мэттью легко переступить порог, словно бы он был дверной. Или сесть на шею странному другу, чтобы тот не выёживался и не думал, что всё получил быстро и также легко по жизни. Наблюдая свою органическую форму из офисного планктона под рукой, и предлагая по жизни всякую всячину несъедобным ракушкам из женского мозга. Чтобы потом, опёршись на свою риторику — только вкратце разговаривать о погоде или лежать на пляжном отдыхе и не хотеть вовсе ничего на свой ненужный и жизненный счёт.

Переменяя такие мысли мои дни стали идти очень долго, а сам я стал замечать, что мне чего-то активно не хватает. Я хватался руками за своё сознание и глядел между нравственной почвой людских переводов — туда и сюда, а видел только пустоту на кромешной форме лица. Её нельзя было сшить ниткой или воздеть, как каркас нового здания, чтобы потом всё быстрее и быстрее поднять свой сварливый нос.

Сберегая такую форму маразма я всё ещё думал, что выберусь, но тяжесть на моих плечах вылезла сама по себе. Когда ты сам втайне не можешь греметь посудой дома, где никто вовсе не живёт кроме тебя, но тщишься, что будет когда-нибудь пребывать. Я разузнал, где работает Шарлотта и решил её подкараулить после рабочего дня. Просто встал напротив выходной двери и стал мелькать глазами на выходящих прохожих. Они тащились очень неохотно и пугались моей странной физиономии прямо у выхода из серого большого здания.

Шарлотта перешла работать в какую-то фармацевтическую компанию и смелость её не знала предела, чтобы толком не соврать. Ведь она быстро открыла двери, и очень удивлённая со смеющимся и морщинившимся лицом также быстро выпрыгнула из двери. А я тайком подкрался и вынул букет роз, чтобы помочь ей приспособиться к окончанию такого трудного дня и также мило улыбнулся. Её глазами я схватил такое же разнообразие субъективной догадки, что всё хорошо, но выше и выше хотел бы бежать отсюда на какой-нибудь крейсер внутри безлюдного океана душ. В мире такой банальщины хоть отбавляй, но делать было нечего и я прямо сказал Шарлотте в лицо, чтобы она немного улыбнулась. Видимо моя просьба подействовала на неё ободряюще и тайна сошла с её мучающегося рта, где я слышал просто: «Ок». Такое повторение моей идиллии можно было бы ожидать и дальше, но я терпеливо взял её за руку.

Там, на самом дне неприязни и ханжества я сказал, что

мы должны чаще общаться и не верить в различные чудеса, что происходят не по нашей воле. Шарлотта очень удивлённо взглянула в моё лицо и немного хихикнула. Она не привыкла, что мужчина дарит ей надежды на будущую жизнь прямо на улице, да ещё и возле выхода с каждодневной работы. Потом мы пошли поужинать в один местный ресторанчик, где в неё можно было бы собрать очень много тайного вымысла и прочесть наяву. Когда не трогаешь женщину рукой, а мысленно заводишь с ней разговор, тяготея к наивности самой ситуации, чтобы не впадать и самому в отходчивое детство. Только там я всё время разговаривал с планетным монстром и он охотно мне отвечал, сразу подвывая, что будет тяжело, но сам я выберусь. Только теперь не понятно из чего я должен был выбираться, когда женщины сами создавали себе трудности. На что Мэттью поддразнивал лишь шёпот от идейности сделаться на этой планете не самым плохим человеком.

Я жил конечно не роскошно по меркам олигархов или старых зажиточных накопителей социальной мудрости. Они все были, как тонкое зеркальное окно напротив моей уже поспелой зрелости. Ведь после пятидесяти можно уже не думать о прошлом, а будущее заставляет читать не ту газетную вырезку, а выбирать просто слова из понравившегося стиля в статье. Может это странно прихорошившаяся глупость, в которой нет надмения и старой гордости быть для себя любимым, а просто читать что-то для отвлечённого внимания. На-

едине с собой это конечно придаёт уверенности в завтрашнем дне, а вовсе на личном полёте своей будущей жизни не говорит ровным счётом ничего. Чтобы ты сам растаял в руках и оказался запертым в хрустальном доме какой-нибудь женщины, что доказывает тебе о любви и снисходительности быть настоящими людьми. Но что такое — быть «настоящими людьми»?

Мы не выгнуты на картоне времени и лежим на поверхности такого же космоса, чтобы тлеть вместе с космическим нечем и образовывать там сгустки чёрных дыр. Мы плотно превращаем свой выдуманный мир в ещё более глубокую фантазию и держимся на расстоянии других людей, чтобы они любили нас больше и чаще. А потом, приспособились бы к немощной удаче и выиграли бы например в лотерею, оправдав своё умение притворяться тихоней и никому об этом не говорить. В таком придуманном парадоксе сознания и держится то самое «ничто», чтобы придавать честности самому себе и ждать, когда в следующий раз откроются двери Вселенной или подадут другую руку. Может она стала для меня женской в прообразе Шарлотты, но я ловил удовольствие, когда мы гуляли наедине и думали, что мир не упадёт нам на голову и вовсе. Как будто и ворон не сможет накаркать на ту же голову, что ждёт свой предрассудок и не сдаётся, пока не получит с лихвой от честности внутри создания собственных желаний.

Я всегда желал женщинам только добра, но внутренний

демон иногда поднимал свою хвастливую голову, чтобы приоткрыть там говорящее «нечто». В этом сосуде много язвительности, но больше всего предрассудков и вся эта канитель субъективного добряка смотрит теперь на твою дверь и вниманием привлекает жалость и подобие кости в любви. Так и я смотрел в глаза Шарлотты и не мог понять, что мне нравится в этой смелой женщине? Может её рот или странная затухающая улыбка, когда уголки рта сникают так быстро, что она даже не успевает пройти до конца фразы. А трепетно и сжавшись теряет всю константу идеала и смотрит, потупив взгляд на тебя. Этот взгляд я запомнил надолго и он иногда приходил в мои спонтанные сны, чтобы в белом отражении женского мира увидеть также и свой прежний возраст, чтобы поговорить о личном. А может приподнять эти уголки её бледного рта и высмотреть там аналитическое «нечто», как за тесьмой уже другого сознания — быть для себя современным джентльменом и терпеть много трудности и боли.

Как-то Рон преподнёс мне трудности, как настоящий французский шарманщик. Он попал в тюрьму и ждал, что кто-то его спасёт, но не отваживался попросить о помощи и просто ждал и сидел, как покойник на своём выверенном месте. За него могли бы дать выкуп, но он молчал и блистал своей эрудицией в камере, а потом нашёл там ещё одну современную идею, чтобы уподобить мысленные мечты и выделить свой взгляд ещё более крамольно, чем раньше. Он просто набил лицо одному человеку там же, когда его отпус-

кали на свежий воздух ненадолго, где были его сокамерники и шатались там, переговариваясь о побеге. Потом это происшествие дошло и до меня, где я быстро схватил свою одежду и поехал напрямик к нему. Туда, где не радуют больше ни глаза ни души, а стоит тюремная ограда и хнычет, что тебе повезло на этот раз. Но повезло как раз не мне, а Рону и я дал за него приличный выкуп денег и отобрал надежду у местных маргиналов отомстить моему сыну за приметливые руки и острые клыки.

Всё бы ничего, но Рон был очень недоволен. Он смотрел на меня с каким-то подозрением и мял постоянно сигареты в руках. А рядом проходили люди и также, нам случилось сегодня — быть немного сумасшедшими, что бы не говорили вокруг странные взгляды всё тех людей. Растроганный постоянным блужданием планет в голове я представил Венеру в самом расцвете её гордости и стойкости, где она могла бы приникнуть даже к немощным. В такой обстановке я чувствовал немного себя убитым горем, что никак не могу помочь своему родственнику, и вот, решение было найдено. Я помог Рону решить его мелкие проблемы на работе и мой глаз обаятельного менеджера и сегодня сыграл стойкие формы такого же убедительного отца. Вокруг всё завертелось и приняло форму уже другой планеты. Какая это была планета — я не знаю, но тот тупик прошёл и больше не возвращался ко мне никогда. Я ждал всё и ждал, но тайна моего перевоплощения не приходила в голову. В один из майских дней,

в разгаре весны, когда уже все почки набухли, а тайные планы вышли из своего презрительного обнищания на свойский берег переговоров, чтобы задумать что-нибудь новенькое. Я стал мечтать о других планетах и представил уже Нептун, как он своей голубой каёмкой закрывает мой стиль вокруг перемены и отражается, чтобы придать больших сил.

В то время у меня было много новых знакомых. Может моя зрелость сыграла там не последний ток упомянутой гордости и желания стать уверенным в себе мужчиной. Но я выдержал и стал таким, что можно было даже гордиться и следовать такому расположению моего духа или внутреннего чутья. Я стал замечать, что ко мне притягиваются водные знаки зодиака и все они мечтают дать мне то, что я хочу или возможно захочу в следующий момент времени. Я трогал себя за сердце и не верил в свою получившуюся удачу. На днях меня пригласили на важную выставку, а потом на телевизионное шоу, чтобы я сам смог подумать о своей городской застенчивости небольшого человека. А потом с юмором и с расстановкой преподать уроки уже успешного бизнесмена, который рад поделиться своим многомерным опытом на людях и ратует за такое снисходительное «нечто». Не время было молчать и в отношениях, я видел, что Шарлотта тянется ко мне также быстро, как и уходит в сторону. Что-то заставляло её постоянно мучиться и я не мог её спасти от таких наваждений, а только лично и покорно говорил.

Мы болтали по телефону очень много. Сначала внутри

было раздирание, а потом, как будто упала стремительная обёртка из городского ханжества и я сам превратился в грубокоуважаемого принца. В таком смысле я просидел много лет и не могу себе точно сказать — чего хочу до сих пор от жизни. Получить или оставить в прошлом, но чтобы потом опять это найти и придумать уже новое объяснение для личности моей и другой. Такой другой личностью стала Шарлотта. В её глазах я был почти что идеальным и менял свои маски направо и налево, а потом мы цинично это обговаривали и ждали, что приключится «нечто» уже с нашей головой. И вот, в один из таких моментов это стало происходить. Сначала внутри всё разгорелось красным как яд пламенем, а потом стало сверкать внутри обоюдно созданной атмосферы самокритики, чтобы менять свои года на уже прошедшие и самоутверждаться. Я не стал терять ни минуты пока отвечал на очередные хитрые вопросы Шарлотты, а потом, вдруг, предложил ей переехать ко мне. На такой паузе многие бы женщины сломались, но я нёс свою фортуна так хорошо и лаконично, что меня теперь не сбить с толка. Лежать можно легче — недели сидеть, когда Шарлотта ответила мне согласием и стала, как будто родным человеком.

В приятной атмосфере легко забыть все свои призрачные надежды и ужасы давно ушедшего прошлого. Так я и сделал, но прочёл перед этим давно внутри задуманное письмо, которое отослал сам себе. Надеялся там себя самого какими-то сверхъестественными привычками. Я смеялся очень долго,

когда вспомнил о таком письме и стал размышлять о трудностях прожитой жизни с женщинами. Если нельзя такое терпеть, то я бы не стал, но мой французский лаконичный язык утверждал сегодня бурю других эмоций. Чтобы потом закрасить такую же щепетильность внутри красноречия быть ещё и тьюфом, который не может в жизни ничего толком сделать. Просто смотрит вокруг свой планетный коллапс в голове и мает такую же теорему о долго прощающей хитрости, которую сам же себе и создаёт. Я жил теперь с Шарлоттой и отнимал много власти сам же у себя в такой маленькой голове. Что можно задуматься, как туда умещаются в таком количестве мысли и лежат там пластами недоверия к людям, и молчат о своей судьбе годами напролёт?

Время не шло на меня, но заглатывало внутри ту непомерную тайну, что сам я нашёл в Шарлотте. Может потому что был объят её красотой, а может потому, что нам покровительствовал Сатурн. Он сам по себе распознавал систему хаоса в сложной жизни и дарил тёплую любовь и веселье, чтобы социальный отдых приносил максимальное наслаждение. В нём прошли мои года и не стало даже пресловутой бытовой атмосферы. Которую могут ненавидеть многие или любить от неё отказываясь, но страдать в жизненном одиночестве. Так через планетные и зеркальные поля я нашёл отражение своей совместимости с другими людьми. Может по натуре они были совсем не французами или жили в других городах. Но моя запатентованная гордость быть джентльменом несла

во мне заряд уже другой любовной болезни. Теперь я боялся потерять Шарлотту и нёс её на руках своей французской игры, в которой любил играть вничью.

Так я любил наблюдать сюжетные линии и ходы логик своей дамы, чтобы та снимала поочерёдность грациозного тока и перевоспитывала уже моих детей, а не меня. Может там можно меня утешить, что мы прожили много лет в общей идейности быть грозой всех субъективных неудач. Но в таком прообразе астрологического чувства я нашёл свою единственную планету и она называлась — Шарлотта. Меня можно называть лжецом и пройдохой, но точно подводить черту такого наглого и субъективного мужчины, что скажет всю правду и не опустит руки, когда плохо. Я отдыхал со своими друзьями довольно часто, но Шарлотта видела мои увлечения помимо работы и никогда не всматривалась в долгий фарс жизни, чтобы ненавидеть себя. Может Сатурн помог мне любить многих людей или создавать там чарующую редкость стихийного тока манеры, из которой не хочется выбираться.

Я бы и сам не стал это делать, но предпочитал работать большую часть времени, где игрался бы с ненавистью уже на профессиональном уровне. Там я сломал не одну преграду и выменял тот же стойкий миф, что можно нести на своих руках не только прошлые переживания, но и удачу. От неё у меня завывает в груди и идёт тёплый дождь, чтобы приспособиться к личности уже категоричной и видеть не только

несколько планет, а все планеты на той высоте, что хочешь рассмотреть сам в людях. Ты ищешь их прообраз как идейную психологию и наслаждаешься, когда твоя тайна становится уже городской легендой и манит к тебе многих людей. Внутри лунки мудрости или вытаращив глаза на женщин в упадке своей свободы — я долго держал тот же природный инстинкт, который меня вывел на светлый мир тоски. Теперь я тоскую не по своему прошлому, а только внутри понурой благополучием жизни и тянусь к своим внукам и детям, чтобы преподать им новую шутку о выверте на плоскости этой Вселенной.

Когда твой физический мир не знает, чего сам он хочет сегодня и когда космологический ужас затрепещет и вынудит тебя приблизить к лицу невыгодного партнёра. А ты устался на него и не смотришь больше ни в какую другую сторону, только качаешь маятник раздора и ждёшь, постоянно ждёшь.. Я ждал такой самостоятельной личности и она пришла ко мне в образе женщины. Шарлотта была внутри предпринимателем и научила меня многим штукам, а точнее, как выглядывать за чужие глаза и при этом не смотреть в своё отражение хаоса. Ведь жизнь может продать тебя за бесценок или стать совсем не годной для такого как ты джентльмена. Внутри психологии личности я не думал пропасть во все, но жизнь в Тулузе приноровилась менять окраску моего лица очень часто. Дело в том, что переживать свою молодость было делом непростым, но характером я был совсем

не скучный. Эдакий непоседа и влажный отпускник, за которым могла бы побежать даже неуверенная в себе дамочка. Я старался не впадать в личную казнь преимущества быть для себя непонятным, но затихал перед Шарлоттой, когда разговор заходил в тупик.

В таком же состоянии были он всё хотел отравить мою жизнь или менял меня на бесценнок, и как бы, поворачиваясь вполоборота снимал шляпу перед расставанием. Я нашёл в таком компромиссе твёрдых решений много обычного чувства юмора и шутил, надевая там маску случайной любви. Может это было слишком доверчиво и благородно для меня, но прообразы планет вытащили мой мир на другое основание видеть надежды. Я стал программировать свою реальность всё выше и выше, но не понял, что сам уже толком постарел. В таких проверенных вечностью глазах я нашёл в себе много открытий, чтобы завернуть их в такое же тёплое одеяло и выменять на стиль уже иной. Так, меняя день за днём тащились мои глаза около Шарлотты и смотрели на меня, как будто я сам был вороном от предвкушения покаркать и сделать что-то необычное. Например подарить слепой подарок на годовщину свадьбы или сводить Шарлотту в какой-нибудь ресторан.

В щепетильной атмосфере гладко выбритого ужаса и в таком же новом свете мудрости быть себе не обязанным по гроб жизни — я и жил. Томил своих детей от Шарлотты и менял на личный выдох мудрости уже другие космические пла-

неты. Может Марс или Юпитер, чтобы поглубже рассмотреть каждую трещинку в глазах своей избранной жены. Чтобы начать говорить с ней по-другому и не терять внутри аппетита, когда что-то не получается. В такой разнице молчаливого катания по сугробам мудрости на южной стороне Франции мне преисполнилось уже много лет. Я не считал их количество и не буду дальше таким делом заниматься. Просто я нашёл в своих глазах нужное поле пережитка, чтобы хаос стал для меня властным и людским. Я сам приручил его внутри своей социальной работы. Там же я придумал логическое «ничто», чтобы сделать личный выдох субъективной страсти и выдумал всё новое и новое наедине с Шарлоттой.

Сквозь предсказания и стержень, в котором много людей и можно предугадать любой вымышленный мрак. Можно увидеть даже тяготение в тщеславной позе личной выгоды к другому человеку. Когда не любишь его вовсе, но планетный ток подрагивает между твоих эмоций и жил, чтобы подсказать тебе всю сложность уже переживания внутри. Это эхо внутри психики. Оно живёт во мне как ложная планета и соприкасается с той теоремой о будущем, которую я сам хочу взрастить и не боюсь упустить из рук. Ведь в личности и на работе всё складывалось в нужные концы, а начала я сам себе придумывал и видел тайное оформление уже переведённых строк извне. Надо мной и через меня Мэттью летал как бабочка, но уводил в свой странный полёт очень много людей. Он как будто вкрадывался и искал там опору для жиз-

ни, а потом планеты как прообразы личной страсти помогали понять эту картину в душе. Тоска за тоской и всё растворялось из негодования быть приличным семьянином, но жить внутри рабочей среды и менять свои глаза на чужие. Когда в дымке такой атмосферной лжи ты сам не видишь стихийного олицетворения космоса, но сам он уже держит тебя за руку. Помогая и ратуя за каждый всплеск эмоциональной глубины переживания и страсти, что может быть твоим воплощением.

В таком же расцвете гордости мужчины в средних годах, или перемежаясь из стороны в сторону уже в более поздней роли быть оценкой судьбы. Я стал замечать, что именно эти формы планет тяготеют в приличности ко мне, и когда я вижу их материальный оттенок как поведение личности, то смотрю на человека как родного. Ощущая там видимый блеск в каждом сердце идейности и тайны, которую мог бы составить, как художник в личности. Я рисовал много и мои картины уже сами стали помогать мне над свежестью раннего утра принять тот гипнотический хаос природы, чтобы понять его. Может оттенок серости или погодный коллапс наедине со своей природой, чтобы она стала отвечать как-то по-особенному. А Шарлотта задела бы меня вопросами о страхах, что гложут её субъективный стиль дамы и дают выманить старые тайны за новой завесой спокойного тона в любви. Это усложнение планет дало мне много в жизни, но те черты, что видел я не сразу, то обнаруживал уже в своих

семейных отношениях. Они были как-то запрятаны и съедены, чтобы потом возникнуть из ниоткуда и дать росток свежей мудрости на таком же картоне из первобытной страсти внутри.

И когда мне уже стукнуло семьдесят лет, то мои страсти вокруг поутихли, как мотыльки, которым чего-то не хватало в жизни или мудрости, что слетела и ратует не того кто бы хотел её получить. Я был в Монтобане и мой диалог с местной фауной зашёл в тупик, когда после очередного разгара на вечеринке я вышел на улицу и весь промок до нитки. Был август и дождь шёл постоянно, чтобы понять, что обоюдность — не самое прекрасное место на планете Земля, а ты — не самый красивый мужчина. С которым хочется отобедать или пожить немного, чтобы понять, что ты всего лишь дизайнер. Я нашёл место под козырьком местного дома и стал отсиживаться, глядя, как большие капли влажной воды текут повсюду. Наливают свою мнимую жажду себе и мне за шиворот, а потом поднимают свой пепел небес, чтобы ещё раз прикорнуть и не дать сбить себя с толку. Так я смотрел и думал, что нынче не могу ничего делать, только летать, как пресловутая бабочка и делить не съеденный бургер с кем-то лучшим кто был бы мне дорог. Под козырьком ютились ещё две леди и мне стало интересно с ними поговорить.

Так, я спросил у одной: «Который сейчас час?» — и стал немного интересоваться, перекатываясь с ноги на ногу, о том, что эти милые дамы делают в такую погоду на улице? И

тут, я услышал типично французский юмор, в котором узнал самого себя и моё запоздалое детство, чьим тоном эти милые мадам смотрели на меня уже повзрослевшего и странного, чтобы опешить самому в себе. Я был видом довольно моден, не скажу, чтобы ложился под дизайнерский шик местной молодёжи, но с виду выглядел моложе своих лет намного. Дамы немного занервничали, а потом, видя мою неуверенность в себе — просто рассмеялись. Им было интересно — кто я такой и откуда? Сколько мне лет и знаю ли я испанский или итальянский язык, а потом, одна дама сказала, что всегда искала такого мужчину, как я. Я был так обескуражен интересом в свою пользу, что пригласил Джанет и Веронику в местное достойное заведение, чтобы узнать их поближе и побольше.

Дамы оказались меня моложе лет на сорок, но выглядели весьма прилично. Работали они в местном мелком бизнесе. Одна — в какой-то ювелирной компании, а другая — в строительной фирме. Меня отягощало то свойство внутри внимания людей, что сам я самолично притягиваю их, даже когда не хочу этого делать. А сам мой вид предательски говорит об ином, что я также заинтересован и топчу здесь землю около дома, чтобы увидеть или специально познакомиться с дамами в зрелом или молодом возрасте. Я конечно не выглядел, как простецкий парень, в котором много бургеров и самоназванной гордости в глазах. Но жизненная жилка подсказала сегодня, что я найду себе интересных собеседниц и

моя поездка не будет такой унылой и запятнанной только работой и склочным выяснением обстоятельств на ней. Я не был бароном или гротескным вампиром внутри своей гробовой замочной скважины и не ложился в свой запаянный гроб по ночам. Но внутри так сладостно источал влекомые нити готики, что дамы поверили во все мои сказки и стали ко мне прислушиваться.

На следующий день по совпадению сиюминутного чутья или наваждения природы — дождь вовсе окончился, как будто бы и никогда его не было. А только тон в привлекательном смысле объяснения неба завлакивал мою душу, чтобы опять встретиться с этими интересными женщинами и понять кто они такие на самом деле. Источник моего чутья пригвоздился на том небесном входе, где я напоминал летящего чёрного ворона или сороку. Я так смотрел на своих собеседниц, что мой пристальный взгляд мог бы проесть у них на душе вековую плешь. Когда не сможешь найти отдушину внутри себя самого, а тянешь постоянно время, чтобы твой дух пережегся на расстоянии с той нужной тебе планетой, которая помогает в данный момент. Тогда я провёл ещё один эксперимент и представил Венеру в обильном влиянии её солнечных лучей или того, как она сможет проявиться на небе и предстать во всём своём интуитивном цвете мудрости. Я так долго представлял эту планету, что сам в неё влюбился и вывел бы уникальный код юности, от которой мифы падают тебе на голову и трещат.

Дамы таращились на меня, как на инопланетянина и стали приговаривать, что могут даже составить мне компанию и дальше. Но моя ситуация подходила к концу и я разобрался с медлительным заказчиком, в котором вывел для себя сонный стиль привыкания к минуте психологической гордости. Она одна отражала мой сегодняшний цвет зрелой мужской свободы, где я планомерно парировал и ценил каждую минуту, прожитую наедине с самим собой. Тогда бы на меня налетели уже бы не тысячи воронов, а стаи таких резвых девчонок, чтобы нанести свой сокрушительный удар и дать мне юности внутри моей увядающей харизмы. Ведь мечтать можно было бы о многом. Я не спал ночами и все мои попытки увеличить прибыль давали только половину цены от той жизни, которую я вкладывал сам в личный возраст души. Там же я ощущал своёское прикосновение старости, а Тулуза дарила внутри городского молчания только тон пепельной сырости и южно климатический образ понятия быть человеком.

Так как я вырос во Франции и сменял три тысячи масок за всю свою вымышленную жизнь, то даже Шарлотта не могла увидеть мои козни внутри маломерного вранья, что сам я подаю ей на ужин иногда и молчу. В нём были ростки благородной болезни и европейская точность, как смысловое представление удивительной важности нравиться самому себе. Достигать удовольствия там, где я живу и меняю свой стиль аристократа на новый BMW или мчусь по шоссе, что-

бы увидеть глазами незнакомые мне памятники оставленной природы. В тех глазах застыли не только мои причины быть здесь счастливым, но также иметь всё под своей рукой и не отчаиваться в самую трудную минуту. Я откупорил маленькую бутылку виски и налил женщинам, а они стали на меня смотреть, как будто на природное «нечто». Хорошо, что не на природное «ничто» или «никто», а то бы я обиделся и подумал, что сам я выходец не из этих мест, а моя кровь или обожание стиля французской сатиры не дают мне славы и уверенности в самом себе. Там же я задумал и дальше общаться с этими красотками и видеть в них прелестниц, как будто бы я их преподаватель или наставник. А может потом и взять бы к себе в компанию, чтобы от души повеселиться на той моей вечеринке и устроить им небольшой всплеск дизайнерской мысли о года.

Я все их прожил в Тулузе, почти безвыездно и могу смело предположить, что в другом месте мне не будет также хорошо или спаянно легко, как в своём городе. Шарлотта постоянно названивала, как будто чувствовала, что будет несчастлива, если со мной что-то произойдёт или сам я скачусь. Если смотреть на карту её желаний, то можно бы было сделать небольшое резюме, что пройти Шарлотта смогла бы только два шага, чтобы не упасть на середине пути. А то и вовсе учесть своими мыслями одну тайну, что подстерегает её за поворотом, вместо тысячи таких же, которые ждут её уже целый век и не хотят пробыть и секунды без внимания людей.

Но при всей стройности и строгости такого обаяния Шарлотта очень любила менять свою внешность и делала это так забористо, что напоминала свойский комплекс борьбы с самой собой. Это бывает в периоды личного или возрастного кризиса, но у неё это было всю жизнь.

И так шло до поворота внутри моей целостности и зрелости, когда бы я стал замечать, что жду ответа Шарлотты каждый день. Молчу в трубку смартфона и опять жду, что прилетят тысячи грачей и отлупят её за нескромность и важность опаздывать каждый раз на встречу со мной. Иметь при этом сонный или не выспавшийся вид и говорить со мной на разных языках. Но такое обаяние и свежесть в исчезновении рамок при общении сделали из меня спонтанного ловеласа и сам я, того не подозревая стал цеплять и притягивать к себе ещё больше людей, чем хочу. А хотел я, отнюдь, не много, но ждал постоянно какого-то законченного рока и в созвездии например Льва или Овна, а получал ничтожность от слов своих друзей. И покой, в котором созерцательно видел обаятельное созвездие Водолея или Стрельца. В такой ситуации нет ума терпеть маленькие гадости, идущие от жизни, но внушению я не поддавался и даже сейчас под напором милых дам — я ждал их сочинительство из пустого «ничто».

Сам при этом залезая в юркую раковину и требуя всё новой порции любви, чтобы было о чём поговорить или кого расспросить невзначай о слабостях стареющего мужчины. В чьих глазах сливаются под паутиной рябью словесной

пустоты маленькие и хрупкие ресницы и молчат, когда им отвечают в трубку смартфона плохое сообщение или вовсе не говорят. Я звал на помощь не часто, а мои родственники не просили такой помощи и вовсе. Это не было запоздалым решением в стиле французской или итальянской драмы, но считалось нормой предела покаяния перед сложившейся жизнью. Также и моя долгая жизнь шла туда, куда её ведут планетные блики, и как только я замечал, что небо становится пурпурным и тяжёлым — то искал себе оправдание и соединял свойский подход с женской глупостью в душе. Так в меня проходило то человеческое поле людей, если оно вообще существовало когда-нибудь и ждало уже на новой остановке в годах. Их было много и жизни я не видел ни маленькой ни большой, но дизайнерской и обходительной, как в точности мой французский язык.

На нём я говорил свободно и молчал также мило в сторону, не дыша, когда видел пристальное внимание леди. Под дуновением тысячи таких же комплиментов можно сделать свой образ зрелого тона человеческой красоты и вылепить уже не чудовище из грязной каморки бизнеса. А властного и обаятельного бизнес предпринимателя, в котором дамы могут найти томного покровителя их тайных и страстных желаний. В такой компании и созреть было бы одно удовольствие, чтобы не трусить или важничать, что ты выше других людей на голову. Что сам ты отрастил такую вторую голову и можешь прилепить теперь многоярусный стиль манерной

боли отвечать всё невпопад и жить так, как хочется только тебе самому. В дамах я видел много секретов, но главный был внутри черты той планеты, которую я так сильно хочу разгадать. Она висела у меня над головой и манила своими тысячами атомов, чтобы потом, после приближения к ранней формальности я сам отнёс ей жадные блики внутри своей мужской красоты.

Так я влюбился в природу и ждал, что новый полёт бабочек станет для меня таким же самоотверженным шагом, чтобы говорить и думать всё правильно и чётко, не на авось. Я никогда не жил на авось, но под чёрной тучей вороном стыло и моё бледное Солнце внутри переживаемой гордости мыслей о жизни. Которую я, быть может, прожил или смогу прожить, не касаясь своей хладнокровной харизмы, но отражая стиль умозрения мужского чутья. Ведь все женщины вокруг и Шарлотта обещали мне сотни комплиментов и утверждали, что моя старость никогда не будет одиночеством. Как вызов обществу или странное поле пережитков, на которое не хочется обращать внимание, но которое держит тебя за сонные встречи с друзьями и дрожит по чуть-чуть. В моей атмосфере космического чувства зрелости даже Остин и Рон стали, как приготовление части целого внутри созданной черты обаятельных планет. Я вижу их каждый день на тёмном небе и не вижу вокруг своей старости, а только харизму, которую могу прочесть, чтобы достигнуть покоя. Он без странных объяснений стал меня подзывать на вечер уже внеземной ре-

альности и нести на плечах такое сумбурное представление о смерти, что я перестал бояться.

Будто бы смерти и нет вовсе. Нарочно или в правду, но в смысловой форме, когда летаешь и манишь свойский разговор между собой и ничтожностью жизни на нашей Земле, то не знаешь во что в конце превратишься. Этот мир я заподозрил и забыл так давно, что притворился, что не помню в кого сам для себя превратился и не вижу той сложности мгновения понять кем стану уже в будущем наедине. В такой утопичности французского шика и памятника для зрелого мужчины я стал уже сомневаться во всём, но черты, идущие от меня не чередовались, а ставили всё новых и новых людей. Отгадывать сложностью планет свою дорогу в жизни всегда тяжело, но я становился всё ближе и ближе. А одна из таких планет покровительниц уже стала приходить во сне и мелькать передо мной, чтобы я не думал о плохом. Когда я замечал такую оплошность в себе, то очень маялся и шёл на работу не выспавшимся. А позавчера я стал уже паниковать, что и вовсе не вижу черт планетного монстра, а вижу только людей на своём жизненном ходу.

Моя социальная карьера не была для меня каторгой или ничтожностью, без которой я не смог бы прожить. В такой тоске даже хрупкий ребёнок ошибся бы или не понял зачем он сам находится на этой Земле? В такой социальной карьере нет начала и нет конца, чтобы видеть людей такими как они есть и не слышать ничтожный всплеск характера тре-

возможной зрелости, но млеть наедине с самим собой. Я тревожился абсолютно попусту и не вышел может только своей непокладистой бородой. Которую сам повадился носить и мучить этим Шарлотту, как будто бы внимание стало для меня тонкой чертой о чём-то естественном поговорить. Если не хочешь притворяться или не можешь, но гложешь рукав своей старости, то ищешь там свойские черты, чтобы угадать в душе такое же зрелое зеркало надежды. И если в него ты сам упал, значит человек является по-настоящему твоим и не будет тебе мешать идти дальше по жизни. Но может стать-ся и совсем иная ситуация.

Как-то внутри меня проскочил такой симптом и я несколько не обиделся на тонкое предчувствие сатиры из образа разговора. Я задал немного вопросов и стал на голову выше своего собеседника, а потом почувствовал корыстный стиль между невзгод и распинаний о несостоявшейся молодости, и понял, что нам не по пути. Это был всего лишь мастер по пошиву одежды, он так бодро на меня смотрел, что ждал милого снисхождения. Так и его наглость ждала, что выше уже не прыгнет, но будет когтями царапаться и выть по каждым из перил внутри манеры быть лучше чем есть. Я бы назвал этого человека «Назойливым бароном эпохи», когда его внутреннее чутьё происходит не из его головы, а только из социального мнения, подверженного течениям эпохи. У таких аналитиков напрочь отсутствуют свои убеждения и нет как бы корысти, но есть внутренние зрачки, чтобы поду-

мать дважды и не ждать своего часа. В такой из часов я сам зашёл внутри к этому человеку в душу и понял, что выгнусь от скорби, если буду с ним общаться.

По этому поводу можно много переживать или искать в себе повод начать заново всё строить, как мог бы построить Мэттью перед своими открытыми глазами. Чёрно-белый мир не разрушился, глядя воочию, но выжил бы во мне, когда там захочет оказаться Шарлотта. Она была так старательна и мила, что подала к обеду вкусную индейку и внутри её рецептов я тоже видел снисходительный мир идеала женского чутья. А мог я разрушить только своё самолюбие или катящийся камень, который смотрит на меня прямиком или летит мне навстречу. В таком искусстве всегда прибегаешь к понятию ренессанса, чтобы иметь более глубоководный взгляд и не тащить «Гениев эпохи» на своих вымощенных от усталости руках. Они так и остались позади, чтобы казаться мне только чертой той самой любви, где есть зрячее и бездонное озеро надежды на свою может маленькую, но всё же жизнь. Где ты идёшь и идёшь, а тебе всё покоряется или дышит в спину, но не хочет меняться от твоей формы материального беспокойства.

Эдакая магия эпохи или черта, в которой глаза начинают привлекать своей европейской харизмой, чтобы говорить и говорить о большей честности с самим собой, но не заниматься подчистую эзотерикой. Ведь спать тогда станет просто мучительно или неестественно, как будто бы сам ты по-

пал в такой же сон или не водишь себя за хвост обстоятельств, а сам он водит твою мерную физиономию о тон идеального счастья вовне. Я видел такое отражение времени в своих детях и вижу их в себе, так как я Мэттью и немного постарел уже, чтобы ослабить не только свой род, но и подобие тонкого французского чувства юмора. Ведь нельзя же ждать планетного тока внутри экзальтации вдоль мира всю свою жизнь. Они также как и мнимые идеалы, то рождаются, а то затухают, но всматриваются в твою прошлую жизнь и видят там совсем немного ужасного. Это немногое и есть то детство или прошлый выдох субъективной жажды быть человеком.

В таком же напутственном хаосе звёздного тока судьбы я вышел сегодня на улицу и понял всё своё социальное значение, как будто бы держал сам себя за руку идейного превосходства. В своей работе, а может вокруг, где много вечеринок и таких же обаятельных женщин и все они ждут меня на тёплый ужин, чтобы понять проблемы Мэттью. Но в каждой такой ментальной встрече с судьбой нет правил плохого тона, а есть заводной тон общей Вселенной, где чертой внутри ужасного хаоса являешься ты сам и не видишь только свои ослеплённые яростью глаза. Когда засыпаешь и когда ты сам просыпаешься, но вытянешься так в кровати и нет уже вокруг ни Тулузы, ни древнего Рима. Ты как бы замер в негодном ожидании мира надежд и смотришься в своё художественное кредо, чтобы ещё кого-нибудь наказать. Если

сможешь или выглянешь из такого же окна, поставленного на верность перед собой или будешь мелькать через смысловые градации людей и вовсе переплунешь понимание своей свободы в будущем. То знай, что ты стал художником своей современной реальности, и где-то твой зомби мастер уже ходит впереди тебя такой злой и нахальный, что нет числа мыслей, чтобы удивиться.

Если лень или печалиться стало не модно, но ты отжил уже странный возраст, всё также возрастающих надежд и ждёшь, как колосок в вопросах и ответах, что качество жизни твоё улучшится. Оно конечно придёт к тебе навстречу и выманит немного золотых монет, но выше этого ты станешь сам себе не угоден. Потому, что стал идейным сатириком и важничаешь на такой остановке души, где не смотришь в образ планетной черты, а сам её уже проводишь, как личность трезвая и нравственная. Моя признательность для женщин не отходила далеко от моей французской харизмы и я видел далеко в глубине своей потёртой временем души не только колокола от затерянных рамок вечности, но и твёрдые образы людей. Они зарождались и гасли, как планетное нечто, но не приносили мне психологического чувства полноты жизни. Так я вывел для себя целую мину оголённой лжи природы человека. В ней я стал сам бы себя ненавидеть, но учить такой мудрости, чтобы успокаивать каждый день воспалённые нервы.

Эти нервы — это моя прошлая жизнь и поток дизайнер-

ских мыслей, от которых не может отойти каждый бизнесмен, что ищет идеальное родство внутри своих человеческих проблем. За каждой чертой зрелости я находил всё новые и новые облики такого мира любви, чтобы заново внутри себя постареть. Или прикинуть, как буду унижаться перед дамами в приятной улыбке, что не хочу больше общаться. Старый BMW и светлый оттенок мудрости говорили мне, что даже поседев, внутри своих переживаний я найду то качество игры с годами, которое мне поможет. Оно выйдет в таком образе, что предстанет опять новым человеком или скомбинирует тысячи слов на воздухе той самой прохладной любви, если зрелость уже не может опомниться от возраста своей маститой потери. Я вывел там внутри свой мужской разговор на достаточный тип значимого ренессанса и теперь он идёт со мной в каждую мою дорогу и мыслит моими же правилами стихийного самомнения. Когда я идти то уже и не хочу, но молчу как старый дизайнер и отвлекаюсь на правила жизни по пустякам. Эти маленькие леди не сносят моего длинного носа и целой игривости внутри харизматичного образа личности, в которой можно затронуть нечто. Как что-то совсем притягательное, что никогда тебя не притянет, но будет витиевато ждать на каждой своей остановке человеческого возраста мысли между планет.

Готический ворон устал — в пять

На моей постели сидело странное сплетение. Оно отражало точки невыразимой жалости и занимало всю мою непокорную совесть, чтобы спросить: «Чего я хочу на самом деле от жизни?». В такой обстановке я провёл бессчётные часы своего детства, и сам того не подозревая усилил свою болезнь, что прикасается и гладит меня прямо под моей задницей. Я ходил в школу в Дюссельдорфе, потому что сам знал, что я Исаак и мне будет можно в дальнейшем наладить весь мой обывательский уровень маленького человека. Я рос в необычной обстановке, что учила меня прямо возле репетитора по английскому языку. Это была Гретэль, она же — самая чудесная женщина на свете. Я всячески её унижал и думал, что она соберёт свои вещи и покинет такую нудную работу. Но выше моих нравственных историй было какое-то новое чувство ребёнка, что после десяти лет мне будет намного легче жить и искать там правду, которой нет абсолютно ни у кого в целом мире. Мой детский аппетит был довольно полон своей арбузной коркой и мчался на всех остановках вперёд, чтобы говорить в свободном тоне уже со взрослыми людьми. Пока моя мать Бриджит не считала, что выйдет сегодня не накрашенной и станет пугать вокруг немецких прохожих, чтобы они потом на неё точно не посмотрели.

В такой вот арбузной корке было весело и интересно,

пока Гретэль снимала ворох моего мужского вранья, чтобы достичь там хоть немного правильного произношения букв, которые я очень не люблю. Я ненавидел всё на свете, а именно то, что меня не касалось в данную минуту, но выходило из моего немецкого тона и слышалось, как длинная остановка наружу. Туда, на улицу я хотел постоянно выйти, чтобы увидеть что-то новое, не совсем заспанное, а просто обольстительное и очень немецкое. Мне было страшно мелькать вокруг других людей, ведь Исаак был одиночкой и слишком задиристым ребёнком. В таком памфлете гордости и музыкальной оценки быть немного небрежным — ребячилось всё вокруг. Когда я играл с другими детьми в футбол, когда испытывал гордость за своих ославленных соседей, но не прельщался их подвигами, а тонко хихикал в каждое нутро уже давно заведённого часами будильника.

Я так обожал свои часы, что мой немецкий счёт вывел ещё бы много нулей и обожанием стёртых цифр, в которых можно было бы свихнуться и не жить больше никогда. Мой пёс Ричард рычал на меня, как последний баклан, чтобы его рыжая схватка унимала меня вместе с бульдожьей радостью охватить всё на свете, но не дать ему никакой больше косточки. Когда бы мой вес принимался как за идеальный, но сам для себя я был довольно толстым мальчиком, чтобы не хныкать и не ждать вовсе чуда, а просто сидеть на диете. Такие навязчивые идеи ходили повсюду за домом и в нём, где был я с семьёй на окраине Дюссельдорфа. Очень помню много

дорогих игрушек и памятный костюм, подаренный мне родителями на Новый год, чтобы потом я носил его постоянно и был на высоте. Но я предпочитал джинсы и очень бесил этим своих родителей. Они звали меня «Маленьким зазнайкой», чтобы помочь потом определиться с самим собой. Эта схожесть наглости с хитростью придавала мне ещё большей чуткости по отношению к девочкам и они находили мой вызов обществу немного даже родным.

Я старался родниться как можно чаще и как можно смелее, чтобы через рождение новых идей и замыслов ко мне приходил кто-то сверху и поворачивал рамку моих желаний вверх. Там я смотрелся в своё детское отражение и видел только себя одного, без каких-либо отношений и видимой гордости в любви. Так проходили минуты и месяцы, а жизнь тянулась очень долго, как это может быть в захолустной Германии. Я называл её так, чтобы подчеркнуть мой вызов обществу и тайну, которую я несу внутри символизма спрятанных там идей. Всё бы было хорошо и мои родители стали меня проучать чаще, но не достигали нового ужаса внутри спрятанного благородства мальчика. Я родился с мечтой, чтобы вырасти и стать командиром подводной лодки, а потом потомственным военным. В таких обращениях гордости мои таланты раскрывались и звали меня на сушу, если я заплывал далеко в моря.

В чёрный пречёрный день из какого-то колодца мудрости я вышел сам и вывел за собой несколько цыплят. Потом я

вывел такую формулу победы, что мне стали верить все мои удивлённые временем друзья, а их было много и даже на другой стороне Германии стало тесно для моей вымученной фантазии. Бриджит налила мне молока и поставил графин в холодильник. А я что-то устался на неё впритык и смотрел так близко, не отвлекаясь на посторонние предметы целые пять минут. Это так порадовало мою мать, что она стала улыбаться и нервничать, а потом предложила мне пройтись по магазинам, чтобы купить что-нибудь полезное для семьи. Те факты моего взросления, что сам я не могу для себя описать стали привыкать к моей милой физиономии и гласили, что меня скоро снесут как памятник, даже не дав немного выговориться извне. Я не следил за часами, а сами часы следили за мной, чтобы потом понять — кем я являюсь для себя в своей непосильной жизни? Может я просто много на себя взял или снял слишком личное с окружающей действительности, что теперь никто со мной не хочет общаться? Эта преграда стала невыносимой рамкой для моего сознания и ощущения трезвости жизни, что я не выдержал.

В основном я играл со своей командой в школе в футбол, но любил и другие виды спорта. Они меня успокаивали и предавали мне трогательный декаданс, чтобы потом я сам принял себя более естественным. На сей счёт много оправданий для ребёнка, но мой немецкий не стал выше моего чувства юмора и я разобщился с этим миром совсем. Делая такую работу внутри символа жизни или мечтая, что стану

превосходить этику другого человека — я просто боялся, что выпрыгну, например, в окно, если не удастся сделать что-то полезное. Такая трогательная щепетильность манила меня и обожала мой тайный надзор. Может за своим временем личного ощущения жизни, или чтобы играть просто с друзьями в футбол и ни о чём теперь не думать. Вот мне наступило одиннадцать лет и мой репетитор уже устал со мной. Иметь много дел или тратить время впустую, чтобы потом на экзамене я выдавал только фортеля. Они то и стали для меня роковой и надобной нужностью, в которую можно посвятить целую жизнь и не грезить о пустом тщеславии. Если только ты не становишься немецким мальчиком или стройным принцем, где-то на поводу у личных амбиций, чтобы выпрыгнуть из целой системы зрений на перепутье внутри своей судьбы.

В один из таких безоблачных дней в Дюссельдорфе было свежо и очень трепетно на улице: гулять или слоняться просто так, как пребывающий аист, которому хочется побольше узнать о себе и о других людях. Так я и делал, гулял со своим другом Колманом, который был моим ровесником и учился со мной в одном классе. Мы были такими заправскими формами туч, без которых небо не обходилось каждый свой день. Как только нас пытались разлучить наши родители или родственники, то мы, скооперировавшись начинали просто нести всякую чушь, чтобы ещё немного погулять или побыть вместе. Так мы двигались к быстрому взрослению и считали

свой город обожаемым или последним местом пребывания человека на этой Земле. Я мог кричать часами на улице, а потом подворовывал в магазине немного конфет. Это было так удачно, что мы с Колманом оставались всегда неуловимыми и наглыми, как стая слепых летучих мышей, что просят немного воды. Чтобы потом оставить себе ещё и щепотку человеческого внимания, когда бы, свесившись вверх ногами так легко висеть и не думать ни о чём на этой планете.

Мой мир оставался не отгаданным, а я думал о своём немецком предназначении. Что бы мог подумать сегодня Исаак в такой ситуации, если бы умер? Мысли на этот счёт приходили и уходили неслучайно и я прятался за мамину юбку так часто, что Колман стал хихикать надо мной. В Дюссельдорфе в тот день ничего плохого не происходило, но вокруг было много птиц и все они кричали на разных языках, как будто ждали приближение какого-то события. Я смотрел на Колмана и ел своё вишнёвое мороженое, а потом тихо хныкал, как много всего на свете интересного, но ничего найти я для себя не могу. Только играю в дурацкие игры и несу своё бремя мученика внутри наследства семьи, чтобы потом разговаривать с бесчисленными юристами об этом. События шли своим чередом и мы с Колманом стали понимать, что мир не такой безграничный как нам кажется. Если могли пройти слёзы или закончиться конфеты, то жизнь никак не могла пройти просто так мимо нас. В ту самую минуту небо озарило рубиновым закатом и сладкий запах из

булочной пронёс свой волшебный аромат, чтобы показаться каким-то мистическим и необъятно прекрасным.

Колман предложил сходить в местное кафе или пиццерию и достигнуть там вечернего просвещения или может познакомиться с неплохими девчонками. В моей семье было не заведено искать прямо себе невесту, но дышать в спину соседям также было крамольно или неоправданно. Я изнывал от ментальной скуки и тешил себя миролюбивым спортом, где мог играть даже в азартные игры. Так мои глаза понемногу открывались и заставляли менять мой ракурс инертного смысла жизни на нечто более подходящее, чем есть на сегодняшний день. В любви, как в окраске мудрости я считал себя непомерной богатой личностью и не гнал лошадей наугад куда-то, где не найду им стоила или не смогу за ними ухаживать. Я просто боялся всего на свете и безобразничал, как маленький немецкий мальчишка, чтобы понравиться другому себе. Такому же Исааку, который не будет кричать и бояться изнывающего чувства гордости за свою социальную семью. Где достаток был крайне необходим, а ментальная суета стала лишь пренебрежением на долгие дни и месяцы удручённого внимания за собой.

Когда бы я вырос я хотел съездить в Берлин и устроить там спортивное шоу со всеми причитающимися спортсмену привилегиями, чтобы забыть рутинное время, проведённое в детстве в Дюссельдорфе. Как старое поле шахмат, которое не может пройти бесследно для меня одного, а настанет пря-

мо через считанные минуты и часы, чтобы я жил теперь один и очень долго. Почему я хотел быть всё время один? Может так я понимал, что холод человеческого внимания сможет согреть меня лишь на половине моего жизненного пути, пока я учусь в университете или бегаю за тысячи метров от дома, чтобы быть всегда в самой хорошей физической форме. А не как местные жердяи, которые ноют, что объелись гамбургеров и стали на целый килограмм умнее своих сверстников. А потом, в череде слов и воплощений перешли на другую ступень своего метафизического ощущения храбрости в душе и видят теперь намного больше чем все остальные ребята. Я любил всё на свете мифологизировать и начинал это делать потому, что сам хотел узнать себя побольше. Знать свою реакцию на выдумку и предпочесть врать дальше или не врать вовсе.

С хорошим чувством юмора в будничную среду я отобедал и пошёл ближе к вечеру прогуляться по двору. Вокруг было много людей. Очень много детей меньше меня. И становилось уже невыносимо от такого шума и гама, где на каждой скамейке лежит по пять детей и все они хором смеются и подвизгивают. Точно хотят перевернуть весь этот мир или попробовать его на свой голосовой вкус. Я отражался в окне местной машины как очень самоуверенный человек. Так я шёл дорогой своей свободы, чтобы видеть не только смертельную опасность перед собой, но и саму смерть. В Дюсельдорфе я занял бы первое место по броскам мяча в корзи-

ну или в ворота, если бы играл в футбол или в баскетбол. Но трудности жизни приносили мне куда большее впечатление, чем вечное сражение со сверстниками, постоянно покидающими мой город. Может это было тайное стечение обстоятельств, а может я сам шёл к нему, неумолимо ближе и ближе, притрагиваясь к каждой пылинке на рассечённой местности. Когда бы из школы в магазин можно было пройти за десять минут — я это делал минут за сорок и важно гулял по внутреннему двору, чтобы прийти в спокойное состояние.

Так что же могло меня будоражить изнутри? Может школьные занятия стали настолько невыносимые, что я засыпал на ходу и просыпался в муках внезапно на уроке? Или в каждой такой рутине я сходил уже, как будто бы с Альп, занимая свой трудоёмкий апломб наедине с мучением быть просто человеком? Но мой возраст позволял мне быть очень простым и даже надоедливym.. В такой же серьёзности я мог бы пережить кучу фантазий и мистического опыта, но так и не поверить в чудеса, которые случаются с местными детьми. Они будто бы сами по себе исчезали, не оставляя и тени своих фигур или памяти в моей немецкой голове. Кто-то уезжал, а кто-то просто пропадал без вести, где неслучайно то, от чего могли бы отказаться все местные горожане. Просто гуляя по улице не по ночам, а днём, как бы подзывая там трепетность и щепетильность к самому себе, а не риск. Я его очень не любил, но моя расчётливость говорила мне, что тайны полученные из моего мозга — никогда не будут приня-

ты другими людьми. Или вовсе не найдут признания на той временной остановке, где остались лишь прошлые чувства и переживания, которые, быть может, кто-то из моих друзей так и не похоронил.

Занимательной и очень ровно ответственной была только Гретэль. Бриджит же давала ей постоянно очень много советов, как лучше за короткое время найти ко мне подход, как к мальчишке или принять ту таблетку мудрости, что скрасит моё одиночество. В самом себе я не был потерян, но школьные занятия приносили только формулу скуки и не ложились вовсе на общеобразовательные смыслы, в которых я сам хотел бы развиваться. Видно очень творческий или гуманитарный стиль мышления приносил мне трудности в общении с другими детьми. Они могли бы повесить на меня маску ответственности, но несли только букеты с цветами своим преподавателям. Видно меня никто давно уже не замечал, одна только Гретэль скучала по мне, когда видно ждала свою зарплату и нежилась на полпути до своей каждодневной работы. В серьёзности этой жизни могло бы пройти много лет, но я отсчитывал только дни и молчал, как это может сделать Исаак по своим собственным соображениям. Мой немецкий характер заставлял меня терпеть многих моих ровесников, а от дам моего возраста я и вовсе не ждал никакого ответа. Я молчал им в лицо и немел каждый раз, как только смогу взять за руку девочку или сойти за обаятельного компаньона.

В кругу друзей только Колман понимал меня по-настоя-

щему и ждал, что мы будем строить карьеру вместе или параллельно, когда видишь своего напарника как друга. В таком предприятии главное было не то, как мы будем строить нашу будущую карьеру, а то — какими мы, в принципе, вырастем и станем в головах наших близких и друзей. Забота о своём имидже или тонкая грань, которой можно закрыть даже сложную болезнь сыграли со мной злую шутку. В один из августовских дней я должен был зайти в очередной раз за Колманом и спросить его о какой-то проблеме на учёбе. Но тот куда-то собирался и попросил меня поторопиться. Я быстро стал натягивать на себя штаны и джинсовку, потом натянул кеды и надел чёрный рюкзак. В таком облачении даже самый мощный прыжок был мне по силам и так я выскочил на улицу и побежал прямо на встречу с Колманом. На пути мне попались два дома из серого кирпича и странный фургон, припаркованный около двора. Его стёкла были разбиты, а сам фургон как будто потерпел аварию и не вырулил из трудности быть безопасным для авто.

В моей голове проносились сотни мыслей и шла шепетильная линия нового стиля беседы. В тот день я придумал сам для себя игру в джентльмена и откручивающийся стиль своих глазомером выведенных ответов. Чтобы мой собеседник был прикручен к моей тайне разговаривать как-то издалека, а в ходе разговоров только мигать глазами и соглашаться на каждое моё предложение. С такой мыслью я выскочил на тротуар и побежал прямо через полосу, где ездят

автомобили. Я не думал вовсе о дороге. Я думал только о себе и хотел поскорее расправиться со всеми надоедливymi для меня делами. Такое стечение моих обстоятельств или моя наглость вместе с прозрением дали новую осечку, я не смог говорить сам себе долго, потому что быстро бежал. В такой спешке автомобиль, проезжающий по улице зацепил меня своим смотровым стеклом и сорвал мой рюкзак с плеч, что было крайне не годно для моего дела. Я быстро погнался следом за машиной и уже через несколько минут автомобиль остановился.

Из машины Фольксваген вышла высокая дама на каблуках и подала мне мой рюкзак. Потом я пожал ей нервно руку, и немного опешив стал отдаляться от симпатичной блондинистой леди на приличное расстояние. В моих глазах всё мелькало и топорщилось, как из огня. Птицы летали вокруг, как будто бы их было тысячи, а погода говорила не опешить в такой немецкой красоте, но только мечтать идти вперёд и не бояться. Я менялся на глазах и открывал для себя мистическое провидение прямо на улице. В разгар такого таинства на меня налетела какая-то странная птица. Видно она сбилась с пути и летела напрямик, чтобы отдать свои концы, но увидела тупик прямо возле меня. Больное животное больно ударило меня по лицу и расцарапало мне немного кожу. Полилась кровь и мне стало немного жалко самого себя и того, что я хотел провести в гостях у Колмана. Внедрив там своё любопытство и дюжий стиль ловкого хитреца, чтобы увидеть

тонкие стебли своего весомого разговора и стать уже более полезным человеком.

В моей голове бегали злобные мушки, которые кричали и бились, словно птицы в небе, когда я вытер кровь с лица. Я не падал от усталости, но времени оставалось немного и мне хотелось больше всего просто лечь и где-то отдохнуть. Минувя главный подъезд я подбежал к боковому крыльцу и быстро по ступенькам взобрался на свой помост. Потом вошёл в серую дверь и вовсе растворился внутри каменного здания. Так бы я и замер в личном путешествии, но моей догадкой было то, что Колман также что-то подозревал. Он сказал, что ему снилась одна большая птица похожая на ворона и звала его отобедать на следующий день. А потом манила куда-то в другой город, чтобы переехать и ждать свою взрослеющую жизнь на другой полосе прибоя, где нет и вовсе людей. Я смекнул, что это смерть приходила к Колману и растолковал ему значение сна, а после навёл подозрение на его дом, чтобы тот был аккуратен на дороге, когда сам переходит её и не знает, что ожидать на перепутье в будущем.

Мой мозг переваривал строгое осуждение этой белокурой леди, но я справился сам с собой. Мы выяснили всё, что собственно хотели и мой немецкий юмор вернулся ко мне также быстро, как и исчез. Тогда я создал себе ментальную пирамиду и прятался туда каждый раз, когда Колман недоверчиво смотрел в мою сторону. Так я сам закрылся от его назойливого чувства совести, а потом и вовсе освободился от обя-

занности бегать туда во двор. Просто я сам стал приглашать его к себе и мы постоянно играли в футбол и переживали то странное стечение обстоятельств, которое могло бы помешать нашей дальнейшей дружбе. Уже через год учёба стала усложняться всё больше и сам я стал немного серьёзнее, где мои мечты не видели уже той детской романтичности, но открывали во мне старый опыт мистики наедине. Я соединял там разные мысли и думал о будущем и о символах, которые могу получить в обмен на такие знания и городские надежды. Одним из таких символов стал чёрный ворон. Он любил заходить ко мне на окно и вместо крика вороньего трепета — я слышал только урчанье и дрожание стекла от дыхания птицы.

Видно он сильно привык прилетать сюда и сплетать там гнёзда около дома, чтобы видеть их издалека или смотреть на это действие прямо от моего окна. Когда бы солнышко пригрело его чёрную спину и могло нашептать там массу интересных идей о любви. А сам я не был особенно влюбчивым человеком, но обычным пацаном, что играет постоянно в футбол. Меня там смыслы один за одним и приготавливая всё новые и новые объяснения для другого цивилизованного разговора со своими родителями. Мне исполнилось тринадцать лет и я сам стал ходить в магазин за продуктами, а после ещё делать некоторые дела по дому. Чтобы не выносить крики Бриджит, которая учит меня постоянно держаться в таком положении вещей, что сам я не могу выдержать сме-

ха, глядя на неё. Веселясь и порождая при этом небольшое хрюканье, чтобы изобразить мутную физиономию — я делался слабым и беззащитным ребёнком. Чтобы мой немецкий начинал мне помогать, не призывая при этом призраков прошлого. А призывать я любил очень много кого. Даже не ведая, что мне станется с такого вымышленного и интригующего действия, за которым я смогу подхватить какую-нибудь психическую болезнь.

Жизнь шла своим мелким и трепетным чередом и сломала не только мои благородные планы, но вызвала много недоразумений в моей семье. В один из вечеров я вызвал на свою голову какого-то болгарского джина и стал спрашивать его о смелых поступках. Кружась вокруг мыслей и создавая при этом суету в пределе своей комнаты я бегал и веселился, чтобы понять, что он мне ответит на вопросы. Из окон стали доноситься странные звуки и свет в квартире внезапно погас. Мне стало страшно, но выдумка из головы так и норовила играть дальше, не взирая на личные обстоятельства. Было без десяти пять и вечер начинался очень плотной подготовкой к очередным занятиям с репетитором. Я должен был выучить все формы глаголов прошлого и настоящего времени, чтобы потом пересказать их своей учительнице. Я сел за стол и настроился на некоторое молчание, чтобы потом увидеть, как быстро зажжётся свет дневной лампы. Но он почему-то не загорался. На улице было пасмурно, а в квартире была такая серая тень, что видно было плохо даже очертания

мебели. Мои глаза привыкли к полутьме и я стал немного щуриться.

Так я просидел около пяти минут, и вдруг, увидел в своём окне странную чёрную фигуру с вытянутым клювом. Она как бы подзывала ко мне всем своим настоящим вниманием и не отражалась в стекле, но будто бы переливалась в пасмурности этого вечера. Тучи накрыли всё небо и стало ещё чернее чем было пять минут назад, потом наступило пять часов вечера и я немного приблизился к стеклу. Так как это был ноябрь, то мне не терпелось уже, чтобы поскорее наступил уже новый год со всеми своими праздниками и живым общением с людьми. Меня накрыло смутное ожидание, что тень ворона может коснуться меня и я увижу что-то большое и ужасное, но сам я сдержался и вывел формулу строгости по пустоте. В ней я видел улицу и серые стены домов, а ворон, как чёрная фигура на всём этом отражённом прояснении просто смотрел мне прямо в глаза и не отворачивал головы. Тут минута за минутой я стал замечать всю схожесть моего мистического предвидения и старые признаки символизма смерти. И понял, что придётся ждать чего-то нехорошего, а точнее призрака из того негодования ощущений, которое, быть может, Исаак совсем забыл.

Я был ещё ребёнком, хоть и повзрослевшим и не измерял своей склонности думать о высшем чувстве благородства, которое укрепляет мужчину с годами. Я просто внимательно смотрел на улицу и ждал, что тишина рассеется также

быстро, как и ворон улетит напрочь из моего оконного проёма. Ещё в раннем детстве я наслаждался видом ворон на окне, а теперь боялся своей свободы — говорить с ними напрямую. Используя только свой мифологический язык или язык жестов, чтобы понимать то, чего они на самом деле хотят. Но ворон, как сильно оперившийся и нахмурившийся воин смотрел на меня своими крупными и властными глазами, чтобы отдать должное всему привидению мира или призракам, которых я ещё в своей жизни не видел. Может мало вызывал их сам или менял такое же элегантно облачение ещё не повзрослевшего ханжи на свойский тон подростка, который хочет отдать должное и пересест на другое авто. Моё сегодня было не в состоянии ехать, как будто тот забытый фургон, что съёжился у подъезда и ждал бы меня, как пустое и разбитое прошлое. Я опять думал, что включится свет, но света всё не было и не было. Секунды стали трещать по швам внутри моей головы, когда бы можно было ожидать, что придёт Гретэль. Но в комнату вошла Бриджит и стала очень причитать, что нет света, а репетитор и вовсе опаздывает.

В такие минуты я думал, что иногда внезапное разрушение планов — это тоже хорошо. Где можно умеючи бегать и распинаться, как жизнь коротка и заносчива, что не даёт даже терпеливо высиживать свои яйца на окне. Так и я думал, что сейчас ворона совьёт там гнездо и будет вечно наблюдать за мной, как будто бы её гротескный и новый взгляд отража-

ет то состояние времени, которое я постоянно вижу. Внутри него очень много готики, а каждый кто заходит в обоюдное и сознательное предпочтение ко мне, то становится таким же готическим гостем. Пусть даже немного обидчивым на свою судьбу, но также решённым, как будто бы всё уже запланировано до нас создателем. Как я и думал ворон немного отвернул свой клюв и стал ворошиться, чтобы выглядеть немного более современным и отточенным. Как птица, которой позволено почти всё на свете, но без которой не обойдётся ни один кареглазый мальчик на этой Вселенной. Мои познания о космосе и планетах говорили мне, что знаки могут менять окраску за окраской, как будто сплетаясь и облачаясь в новую шкурку. Так и я пытался изменить свою ментальную шкурку, чтобы из моего сознания вылетали не только крики, но и мудрые голоса.

Ровно в пять часов вечера стало ещё мрачнее. Дом почти заволокло огромной тёмной тучей, через которую нельзя было даже поймать мгновение того космоса, которое я мило обожал. Я улёгся на кровать и смотрел прямо на ворона, а он смотрел на меня, чтобы понять кто я.. В ту самую минуту я не знал, кто это: ворон или ворона, но мучился от его пристального взгляда и неотёсанного мгновения, что нужно создавать ситуацию, которой бы вовсе нет. Этот кружащийся призрак готического и потустороннего хаоса мелькал по комнате, чтобы притянуть ко мне очередной символ страсти извне. В нём было много перьев и также долгий парокход

отождествления мины недоверия ко всему оставшемуся миру. Я сам нашёл его в таком вот стекле из золота и фаянсовой дружбы, чтобы менять свои привычки на горделивый покой изнутри. Словно бы готика одарила меня своей незыблемой точностью и прямо не говорила, что мне делать и как мне жить дальше. Но всё время показывала разные знаки и пониманием моего трогательного благородства сводила точные стены недоверия в то небо, которое казалось было поглотит всё на этом свете.

Когда нет света и нет тепла, а ты лежишь, просто как ребёнок в своей кровати, то ощущаешь притяжение самой Земли и планетное отождествление своей мужской самости. Ещё бы немного самостоятельности и громких хлопков и я, может согнал бы эту назойливую птицу со своего окна. Ведь в Дюссельдорфе может показаться, что всё на свете идёт своим чередом, но не проходит мимо тебя и вовсе. Я только отражаюсь в изменчивости этой милой сиюминутной тяжести взросления, но жду, что моё поколение детей будет умнее, чем предыдущее. На такой паузе в комнату зашла Бриджит и сказала, что больше не видит смысла ждать Гретель. Видно она сегодня не придет, но будет долго извиняться из-за отмены занятий и потом нарастит свою манеру учить внутри английским словам ещё больше. Чтобы я стал хорошим специалистом и видел в этом свой потенциал в дальнейшем, когда смогу выбрать своё профессиональное будущее. Даже, если оно будет соединено со спортом и не даст мне спокой-

но жить в семейной обстановке, а вынудит постоянно пере-
езжать с места на место.

Ведь никогда не знаешь, откуда может прилететь к тебе такой вороний гость, чтобы напророчить ровно в пять часов твою великую судьбу или слететь на другое поле переживаемого тобой ужаса. Чтобы ты стал, как будто бы метафизической ювелирной игрушкой и выманил свой ловкий человеческий мир наружу, чтобы объяснить с другими людьми. Так готические знаки завораживали меня всё с большей и большей силой и не давали мне прийти к согласию внутри себя самого. Чтобы улица всегда оставалась открытой и чистой для такого подростка как я, а Дюссельдорф был слепым отражением моей гордости и понимания расти здесь примерным человеком. На втором ожидании своего мира я ставил конечно богатство и в нём хотел провести всю свою оставшуюся жизнь. Чтобы девушки и дамы, которые мне приглянутся стали бы блуждать день ото дня, как смелые вороны и думать мне в личное поле любви также долго, как и сам я сегодня захочу. Ведь мистика окружала меня повсюду и блуждала, отнюдь, не на моей человеческой стороне, но вокруг той старой башни стремительно растущего человеческого ужаса, чтобы найти там выход.

Я ждал, что найду сегодня выход в компьютерных игрушках и стану мелькать между пушек и метких стрелков, наподобие моих мыслей, а потом, когда наиграюсь, то пойду спать и выну там свои мечты из подсознания. Где им можно было

бы проложить другую дорогу к личной метафизике времени или не спать вовсе. Ведь кошмары снились мне с периодической стойкостью и взывали всегда к личной выгоде — быть для себя более нужным и любимым. Такая форма эгоистического смеха или тайный знак, от которого можно бы выиграть только во сне. Наяву же летают только птицы и не дают мне покоя от муки и дерзости не спать по ночам. Я вывел такую душевную теорему давно, но сегодня этот знак на окне насторожил меня намного больше, чем прежде. Я не ставил для себя зазорного правила искать смысл внутри символизма, но думал в скором времени поменять свой стиль жизни.

Вместо просто спортивного образа жизни я хотел разбавить свой досуг компанейской беседой, а может уже стал бы ходить на школьные вечеринки. Там много дам и моя ответственность не давила на меня и детские мечты, чтобы просто отсиживаться и ждать чего-то. Потусторонний ветер почти закончился и я оказался в своей мистической равнине. В ней не было конечно никого, в ней не было света и также не мелькала моя мать. Она тихо прижалась к стене и сказала, что уже позвонила в ремонтную службу, что скоро могла дать свет. Я напомнил себе эдакого жонглёра, который улавливает тонкие струйки своего жизненного обихода мудрости и не даёт опустить руки никому вокруг. Но при этом смотрит в тайное окно, которое сегодня показывает мне обыкновенного ворона и в его клюве я вижу тысячи слов символического завершения этого вечера. Забыв о понятном свете

вокруг рассуждений я скатился в прорубь уже другого тона мысленного призрака. Я ждал его очень долго, и когда он сам подошёл ко мне впотьмах, то ноябрь не оказался таким же колючим и опасным, как и любой из последних месяцев в году.

Я тонко ждал завершение этого года, так как в следующем мне должно было исполниться уже четырнадцать лет, а это очень важная дата для меня. Я достигал почти полного совершеннолетия и мнил, что девочки вокруг захотят отпраздновать такую дату и не будут одиноки в своих женских мыслях. Набрав глоток сухого воздуха я стал вспоминать, что было на прошлом уроке с моим репетитором. Когда бы один глагол заходил за другой, а вокруг неоконченных предложений только и стояли бы зыбкие стены непонимания, что делать дальше. Говорить или нет Гретэль, что я просто не помню или мнить, что задумался и опять говорить своё? Я так сжался, что мой мозг стал выдавать апокалиптические картины, а воздух вокруг покрылся какой-то тяжёлой плёнкой и мог меня накрыть уже внутри готикой, как будто бы я умер. Но этот психологический склеп рассуждал обо мне и для меня в каждой такой расщелине мирного хаоса. Я притворился сам для себя, что не помню, что делать вечером и наслаждался взглядом птицы до самого конца.

А он конечно же не наступал и мои веки уже почти прилипли к нижним, когда в комнату опять вошла Бриджит и позвала ужинать. Там, на самой оконцовке этого смутного

и странного дня нам дали свет и вокруг воцарилась настоящая пустота. Когда я вдруг зажёл свет в своей комнате, то увидел как ворон посмотрел на меня в свой последний раз и улетел восвояси. Он видно также был удручён таким вот непониманием, что можно жить в городе и при свете. Дюссельдорф не отличался такой же харизмой, как и этот одинокий ворон, поэтому я наклонился к своему последнему полёту метафизики и понял, что буду ждать его снова. Точнее буду ждать эту птицу и её странный готический символизм, в котором она передаёт мне тихие метафизические приметы. Чтобы говорить о надеждах жизни в городе и вить там свои последние гнёзда, не отражаясь в стекле на каждой умственной остановке. Может сам город создал такую атмосферную прозу быть вороньей стеной, но я думал мысленно безразлично, чтобы ничего не хотеть.

Ведь хотеть в моём возрасте ещё слишком рано, а от больших желаний я смогу скатиться в подобие западающей звезды. Где в каждом таком космическом окне я мог бы найти свою метафизику вечных человеческих примет, но к сожалению летать как ворон я не умею. А просто пошёл сегодня поужинать и насладиться омлетом с беконом и старой формой маминого пирога с яблоками. Чтобы немного почувствовать свой тихий гнёт перерождения во что-то явственно приятное и мысленно необъяснимое, что подойдёт только мне и точно сегодня. Как и мои следы джентльмена, которые преследовали меня на каждом моём шагу и не давали раскопать

правду между мыслью моей и мыслью чужой, но думать, что я не вру вовсе. Я припоминал такие мгновения внутри личности, но испытывал всю строгость к выгоде быть простым человеком, а не говорящим вороном, выглядывающим из соседней ветки. В нём можно было бы точно сказать кто я такой на самом деле? Где мои прилежность и качество обхождения с дамами, а где я могу быть дураком, чтобы играть в местный футбол? Когда ты сам не знаешь, что готика уже выстроила там твой уровень личной метафизики и пристально смотрит в такое отражение верности — быть гротескным и очень привлекательным подростком.

Я быстрыми движениями запрыгнул на стул на кухне и стал наслаждаться маминым вечерним пирогом. А потом, ко мне подбежал радостный Ричард и стал мне лизать бережно руку, как будто он видит в ней кусочек своего лакомого пиршества или предвзятый собачий ужин, достигающий его острых ушей. Меня ждали опять томные ночи и такие же беседы с Гретэль, а потом простая сдача экзаменов. И вот, у меня уже есть целый диплом об окончании курсов по английскому языку и я могу им похвастаться перед нашими школьными девчонками. Это было бы здорово — напомнить себе кто я такой и передать может суммой мнений ещё один непонятный сигнал для себя самого. Такого опытного и приятного, как мой настоящий Ричард, что окружает меня своей рыжей хваткой и прячет уже не кость в зубах, а целый стиль моего прикосновения жалости. Я никогда не жалел его, как собаку,

но видел в нём неугомонного друга и смысл такого качества творения, что может понять только ребёнок. Нет, не подросток, а обычный ребёнок, который ещё не очень соображает, что к чему.

На том самом месте я споткнулся и застрял между стульями на кухне, чтобы Ричард сделал очередной прыжок и выхватил у меня из рук вечерний бутерброд, чтобы полакомиться его основной мясной начинкой. В такие минуты мне было довольно весело и я смеялся без толку, а потом хватался за свой большой живот. Потому что сидел постоянно на диете или потому что менял свои привычки каждую неделю, а потом сравнивал, как Исааку там будет хорошо: жить и нравиться внутри обстоятельного хаоса жизни, который можно рассекать прямо в себе. Почему я не хочу рассечь этот хаос завтра или в другой день? Может он просто вышел мне не в ту дверь в Дюссельдорфе или стал немного маленьким и я его не вижу? В такие минуты мне было боязно признаться самому себе, что виляя хвостом, как собачка я не смогу выиграть пари в этой жизни, но пребуду там настоящим человеком. А если я захочу стать там немецким командиром, то мне придётся искать другие подходы к людям и ждать, что новое приключение не станет таким же детским и предсказуемым, как с Ричардом на кухне.

Быть школьником было для меня вполне привычным, но не таким как хочется, когда ты сам не знаешь, что тебе делать. Я славил всё большое и инопланетное, а учился просто

в немецкой школе в седьмом классе. В моей приоритетной учёбе вышло так, что я сразу не понял, кем хочу стать на самом деле. Быть командиром — это всегда приятно, но что может быть приятнее этого? В чём я могу пристраститься и ждать своей не очередной стихии внутри космоса, чтобы потом иметь ещё больше друзей и преданных товарищей? Я часто задавался такими сложными для ребёнка вопросами, но часы, шедшие как-то не по-детски меня сильно напрягали. Я рос не от того, что я хочу расти вообще, а от того, что так задумала мать природа. Так, как она задумала рождение воронят или следила бы за томным взглядом аиста из-за угла, где-нибудь на африканском континенте, внутри тропической растительности и гуши такого же природного вида жизни. В моей жизни, например, всё шло чередой, как по ролям или по футбольным правилам.

Сегодня заходил Колман, а завтра уже бы зашёл Луис, и все они были для меня актёры одного и того же жанра. Я видел их лица, улыбающиеся, как после дождя, когда от пота они с разбега открывают дверь и капли такой вонючей жидкости летят прямо на меня. Я быстро отбегаю от них, а они просто смотрят и вливают уже существо другого размаха. Такое, чтобы ночью мне было критично: спать или думать о новом мироустройстве, в котором немногие немецкие мальчики могли бы говорить так откровенно о лучшей жизни. А я ведь всё время говорил о ней очень откровенно и желал быть внимательным к другим людям. Только одну Гретэль

— я щекотал постоянно за нервы и мучил своими мужскими детскими щупальцами, чтобы она выучила мой мозг также трепетно и быстро, как должна это сделать немецкая фрау. Которая смотрит на тебя так пристально и не видит больше греха или изъяна в твоих детских и монолитных глазах. С такой лёгкой мыслью после ужина я лёг спать с ощущением завершённости полного дня или может полного цикла такой же критичной воли — быть самим собой. Когда Исаак и сам не знает, что сможет понять в следующей точности своих размышлений о людях, а они в своём ментальном восприятии найдут там много придилок и вылепят нового снеговика. Чтобы привычка притворяться маленькими стала бы постоянной и держала свой человеческий стиль прямо перед глазами этих людей.

На следующий день был уже декабрь. Началась пора такого сумрака, что хочется прижаться нервно к подушке и не просыпаться вовсе. А может дорожить тем, что у тебя есть или измерять свой шар Земли, той планеты, которая окутана вечным туманом рассуждений. Я так долго изучал этот стиль биологии, что стал бы профессором, но мой мозг сегодня больше настроен на спортивные соревнования. Они поднимают мой дух и не дают выйти за рамки личного тщеславия, а иногда и вовсе с успехом помогают справиться с плохим настроением. В таком же стиле я справился и сегодня с моим настроением, а точнее с тем, что мог бы Исаак себе сочинить, пока он игрался в смартфон. На нём все игрушки

были выдуманной реальностью, но активный спорт не позволял мне лежать долго и ныть в подушку. Когда я встал — я первым взглядом посмотрел на своё большое окно. Оно так меня сегодня радовало, хоть на улице было очень пасмурно и элегантно по-немецки обходительно. Когда суровый северный ветер бежит к тебе, но не воет, а только помахивает своим размеренным шагом, чтобы приготовить другое поле совершенного хаоса внутри своей мимолётной формы бытия. Я взял её, как может взять сегодня маленький футболист и начал сочинять такие длинные монограммы, что мог бы придумать Исаак и не тревожиться, что его не поймут окружающие люди.

В комнату вошла Бриджит. Может она не знала, что я хочу увидеть отца, но считала, что её приход сегодня был важнее и намного откровеннее, чем могло мне показаться на этом дневном свете. Я оделся и в поисках заныканных конфет спрятал руки к себе в карманы, а потом поел немного шоколада на завтрак. К такому меня приучили многие годы откровенной диеты, ведь я считал себя немного толстым, но отрицал это перед своими друзьями из школы. Они не видели во мне никакого изъяна, но сыпали шутками по другому поводу. Потому, постоянно отвлекаясь от школьных занятий и мешая мне в привычном смысле этого мудрого слова. Я был знаком со многими учителями и породнился внутри с премудростью обращения на «ты». Но с каждым учителем всегда говорил вежливо и так меня и прозвали в школе:

«Вежливый мальчик». Потому-то и мне давалось всё легче чем другим детям, я знал, что в подростковой среде я буду более импульсивным и может натворю много дел, поэтому подстелил себе солому и ждал, что это сработает. Тут, мне показалось, что небо стало темнее, а я стал напоминать себе какого-то пришельца внутри скафандра, что хочет его снять. Такое нагнетание было в воздухе декабрьской погоды и ждать оставалось недолго.

Наступило воскресенье и мне нужно было ждать Гретэль. Она не пришла вчера, но может исправит своё мнительное отношение сегодня и будет мне также нравиться внутри не выговариваемых английских слов. Я так быстро повторял слова за Гретэль, что она всегда смеялась от моей каши во рту. Ведь говорить по-немецки куда намного приятнее и удобнее, а может даже проще. В моей голове крутились массы какого-то музыкального шума или сам я надеялся, что стану там выговаривать такое количество букв, что буду непобедим. Так я дрожащими руками закрыл немного окно занавесками и думал уже пойти попить чай. В моих переживаниях было много ночных кошмаров, но они отговаривали меня играть от степенной формулы риска и мучить в такой суете внешнего хаоса. Он создавался сам собой и был безвреден, но сам по себе мог принести просто сумасшествие. В комнату вбежал Ричард и облизал меня с головы до ног, что тогда я сразу мог бы подумать, как он сегодня прекрасен. Как его рыжая шёрстка ласкается внутри моего

тока жизни и детского восприятия, а также лежит на виду, чтобы сам я мог приучиться играть с собакой. Разобрав свои вещи я стал думать о вчерашнем вороне и о его пристальном взгляде.

На моих глазах уже прошлого много минут, но все они были как-то по-новому необычно связаны между собой. Может я сам в своих глазах заигрался сегодня с реальностью и вынес там чувство своего превосходства, но руководил только тонким чутьём мальчика? В таком зрении даже моя репетиторша была необычной дамой и в неё можно было бы влюбиться. Набрав в рот воды я прополоскал его и почистил зубы, но к своей выдумке ещё не прикасался. Точнее я сам, как Исаак не знал, что буду делать сегодня на выходе из моего обучения языкам и как потом я стану проводить трудный воскресный вечер. Но почему он стал таким трудным? Я сам заставил его стать таким или он принёс ко мне такое воображаемое и длинное переживание, что сегодня я не смогу уже убрать его никогда? Я стоял у зеркала и начитывал себе какие-то стишки из футбольной песни, а потом быстро прихорошился и увидел даже спортсмена в самом расцвете сил. Какой может победить своего избыточного врага или героически распнуть такую химеру, что мифологические ужастики просто бы не смогли передать тяжесть внутри излишнего вида в своём жанре хоррора.

«Так бы и стоял, как держатель личности перед своим отражением», — подумал я сам и засмеялся. Точно не видел

внутри себя почти никакого изъяна и другие люди не могли бы увидеть уже изъяна в моём мозгу или в характере. Этот день ничем был не примечателен. Только ожидание Гретэль снимало с меня вопросы по поводу моего дальнейшего обучения. Ведь делать иногда перерывы так приятно и трогательно! Я ждал и ждал и вот наступило двенадцать часов дня. Часы пробили ровно полдень и стук их каменных колёс воткнулся в моё немецкое сердце, чтобы прибежать туда и обратно и опять пережить испытание гордости в себе самом. Ведь я ещё не такой большой, как мне может показаться, но уже всё вижу и слышу, а также принимаю на свой счёт, где никогда не буду один. Молодость — ведь это не приговор и сам я могу не убыточно сегодня мнить себя хоть космонавтом, но делать при этом полезные и практичные вещи, которые бы облагородили мой вид человека и сделали бы мои надежды ещё более счастливыми и правильными. Прямо так, как я хочу или захочу в будущем.

На такой оптимистичной ноте пришла Гретэль и мы провели несколько сложных уроков. Их трудность была в том, что я обижался на каждую лишнюю букву в слове, которую не мог просто выговорить. А Гретэль смеялась и меняла мой тон необщительного ребёнка на свой благородный дамский стиль уже уверенной в себе учительницы. Которая хорошо знает все приметы и тонкости своего ученика, а также может подсказать Исааку его наибольшие ошибки, когда он в точности повторяет их одна за другой и так ведёт себя несколько

раз. В моей жизни не было большего чувства радости, когда такие занятия заканчивались и я мог просто выдохнуть: глубоко и надлежаще выпукло, чтобы изменить там свой стиль мальчика на стиль уже состоявшегося подростка. Я мог бы состояться по-немецки, но в сущности мой социальный промысел был творческим и пока я не освоил тех сложных предметов, чтобы знать точные науки и владеть ими. Я разом смахнул такое одеяло своей внутренней гордыни и вспомнил, что я Исаак. А потом закрыл быстро лицо руками и увидел, что внутри моего портрета есть одна странная и очень мнительная черта. И это был чёрный ворон. Он так пристально ощупывал меня своим взглядом, что руки могли бы сами протянуться к такому бы смутному видению, но я удержался.

Утренний гипноз подходил к концу, а я снимал с себя второе рождение Исаака и уже поменял привычку учиться на привычку думать об отдыхе. Я пошёл смотреть телевизор и мои любимые программы. А в частности: несколько сериалов о мифологических приключениях в стиле готического детектива и ещё разные шоу для детей, которые могут быть полезны в таком возрасте. Я ещё не могу припомнить, что снилось мне внутри после ночи, а уже ищу опять подушку, чтобы полюбиться там и думать, как мне будет хорошо. Может эта была обычная усталость, а может мой немецкий гений захотел немного отдохнуть. Как и я, прихорошившись как следует перед вымученным днём, чтобы вечером может увидеть опять сидящего ворона. Подходили минуты

и грезил мне, что день пройдёт довольно спокойно и без нравственных самокопаний. Но я молчал и ждал, что будет происходить уже после нового года. А точнее, как я буду праздновать свой день рождения в конце января и стану уже четырнадцатилетним. В моём смущённом состоянии — это было бы неплохим продолжением такого чувства радости и счастья, что скрасило бы серые будни, оттягивая постоянную усталость от учёбы и пристальные взгляды родителей.

Я вынес много нравственных уроков от других людей, но больше я любил с ними просто общаться. Так, ни о чём или ни о ком, а по философской логике, чтобы, мечтая родить себе массу противоречий в голове. Такой подход давал мне сразу много плюсов в жизни и мой детский мозг начинал бурно работать, чтобы, играясь с собакой мне стало бы легче играть также со смыслом, который я хочу донести до других людей. Эта особенность придавала мне немного изящества и норовила будто открывать второе дыхание в жизни, а может понимать свою внутреннюю сущность более мягко и современно, чем это можно было бы обещать самому себе наедине в душе. О таком бы я мечтал и думал, как о самом себе, но с радостью припомнил бы и другое чувство времени, где я брожу по улицам, а птицы вокруг подмигивают мне и хотят отвечать только на свою правду. Я нашёл такую правду в себе самом и после просмотра телевизора уселся опять за компьютерную игрушку. Я играл так быстро и так активно, что руки постоянно уставали и сменяли одна другую, дабы

добиться естественного перемещения по столу. В такой ситуации мне могло показаться, что прошло пару минут, хотя прошло уже несколько часов.

Я вытер пот со лба и увидел, что уже стемнело. Ведь в декабре ночи становятся такими зловещими и чёрными, а вечера подражают им и на немецкий манер говорят, что думать слишком поздно. Не так, чтобы было думать темно, а потому, что уже хорошо и так: сидеть и говорить о чём-то настоящем и детском, а не думать на взрослые темы о будущей профессии или рассеивать гипноз другого существования на этой Земле. Ко мне в комнату зашла Бриджит и сказала, что я могу уже поужинать или просто съесть мороженое, но я отказался. Сославшись на то, что сам немного устал, но теперь буду держаться до последнего, чтобы не толстеть от сладкого и не расползаться. В моей детской философии всё было прозрачно и точно по-немецки, когда мне было хорошо, то я видел призраков жизни внутри. Когда мне было плохо, то я ничего не видел, но ощущал постоянный страх, который сковывает мои ноги. Так как я был почти спортсменом и вёл спортивный образ жизни, то моя психология была предельно ясна. Я сам себе доказывал теорему внутреннего ужаса и сам на неё отвечал, но молчал, когда меня унижали другие. Некоторым могло показаться, что Исаак слабохарактерный, но это совсем не так.

Я менял таким образом свои эмоциональные и социальные маски, а потом вздыхал с облегчением, чтобы коснуться

там тайны уже моего более сакрального мозга. Когда ты постоянно один и можешь пребывать в таком состоянии очень долго, но всегда видишь вокруг людей, когда учишься или ведёшь социальные споры. Внутри моей школьной программы было очень много уроков и предметов необходимых, но я выбирал из них самые-самые. И когда нужно было налегать на необходимые предметы все сразу, то я перед экзаменами выбирал сначала полюбившиеся, а потом уже домучивал остальные предметы. Так я развивал свои ментальные и жизненные интересы и придумал много способов, чтобы избегать — находиться мне или нет под чужим социальным мнением или увлечениями. Так, мой друг Колман очень любил азартные игры. Он тайком бегал в местное казино и его друг там вместе с приятелями веселились постоянно по выходным и звали меня. Но мой подход был другим, может не таким азартным и я постоянно отказывался от его предложений, на что Колман и вовсе обиделся и перестал мне предлагать это. Для меня это было выходом, но гораздо было приятнее заниматься спортом или играть с Ричардом, чем сидеть в подобном заведении.

Мои мечты и на сей раз не подходили к концу. Ведь в конце года может напасть какая-то скука или принять свой призрачный образ тоски, который будет постоянно давить на тебя. Ведь детская психика ещё тонка и очень уязвима, но длится всё это безобразие недолго, а после праздников опять идёт свободный и тихий мир прямо в руки и радуется тому,

что он есть. Такая европейская философия давала мне некоторые надежды на принцип жизни, а может поднимала мой детский тонус, но больше всего я мечтал о встрече с тем чёрным вороном. Он манил меня постоянно, а я ждал прихода вечера и стихал, чтобы мучить себя вдохом такой неопределённости и просто ждать. А ждать оставалось недолго. В пять часов вечера мне захотелось немного полежать и отдохнуть и я с гнётом непреодолимого труда мальчика взгромоздился на свою кровать. Я видел только очертания тёмного декабрьского неба, а также видел тот странный пейзаж, что может говорить тебе о свободе мысли на этот счёт. Что ты живёшь, живёшь сегодня и не знаешь, что будет завтра, а завтра уже точно знает, что будет завтра и не говорит тебе, а молчит. Я также молчу в такое детское воображение и жду, что мои знания будут мне по-немецки отвечать и ждать, что каждые капли дождя приблизят меня к такой разгадке.

Которая нарисует мне небо или краски внутри обоюдной и видимой уже новой картины жизни, как будто Дюссельдорф не стал менять мой очередной стиль будущего. Я сам поменял такие черты на восходящий день праздника и буду думать ему навстречу, чтобы искать там только добрые и ласковые глаза. Такие идеалы удивляли и вместе с тем успокаивали меня, также трогательно, как могут в глазах успокоить и все надежды на будущую удачную социальную жизнь. Когда в тревожности нет немецкого смысла, а есть только ты или твоя человеческая основа, говорящая этот мир или

внутренний предел мнений о нём. Я трогательно лежал и смотрел в закрытое окно. Занавески отливали голубоватым светом и мне показалось, что это кусочек неба прикоснулся внутри тёмного вечера, чтобы скрасить мой отдых. Я вздохнул и натянул на себя махровый плед, чтобы получше всмотреться в обыденность этой моей вечерней комнаты. Она была наполнена какими-то благовониями или тонко приятными ароматами, чтобы пробудить во мне ещё более незамеченный немецкий внутренний вкус. Так я казался сам для себя более элегантным и похожим на джентльмена. Который не водит за нос других людей, но живёт прямо в Дюссельдорфе и понимает всю схожесть своей мрачной карикатуры жизни с другими мыслями из призрачного нечто.

В такое нечто я бы сам погрузился, но мне стало немного скучно просто так лежать. Я поднял глаза и увидел своего прежнего друга прямо на своём окне. Он был таким же чёрным и смотрел на меня как-то очень сентиментально и с неким подозрением. Когда на небе нет светлых отражений, то ворон смотрится как-то более гротескно или карикатурно, как покрытый обликом мрачного наблюдателя. Такого идейного, что сейчас войдёт в твоё открытое окно или сломает его прямо у тебя на глазах, чтобы рассказать тебе пару нужных анекдотов. Может о жизни, а может о том, что я должен был следующим летом поехать уже в Дортмунд. А мой отец Оллард мог бы говорить мне много всяких шуток уже про людей местного характера или по-другому изменять свою са-

краментальную беседу, пока мне самому не понравится. Я было опять увлёкся рассуждениями о жизни, но думал постоянно об этой птице и о том, что она прилетает ровно в пять часов. Может это её самое подходящее время? А может готика в такие минуты или часы славит наибольшим тоном внутри своей череды мечтаний или ведёт с тобой наиболее интересный разговор? Мне было бы также интересно узнать о моём будущем. Может этот ворон предсказал бы его мне или нашептал такое слово мудрости, чтобы я запомнил его на всю свою жизнь.

Пройдёт ли она в Дюссельдорфе или нет — я не знал, но моё зеркальное отражение снедало меня постоянными вопросами и ответами. Как будто бы я ждал решения сам у себя и никак не мог получить его, а только шёл навстречу самой тупой шутки, что верит уже внутри символа жизни. Так бы и лежал много минут, но смотреть на ворона стало мне тяжело и я решил подойти к нему немного поближе. Моя неосторожность не стала его пугать и он не улетел, а только стал невероятно смелым и очень большим. Может это моё воображение раздуло там временные пороги важности быть себе лишь человеком, но при этом видеть ворона, как будто бы это не птица. Может это символ моего успеха или таящийся сигнал, который приходит ровно в пять часов? Он мог бы мне сказать о чём-то правильном в жизни или предупредить о некой тайне, что нисходит и пока ещё не проявляется. Я видел там не только готику или мгновение радости, но также

и глаза этого преданного ворона, который постоянно хотел мне что-то сказать.

В своём блуждании вероятности я не стал бы иметь соперников, но стал бы собирать другой пазл внутри разговора с судьбой. На будущее я наметил конечно больше, чем сможет сделать даже смелый Исаак, но не эта вещь тревожила меня. Я ждал, что в будущем мне придётся распрощаться с моей семьёй и ждать внутреннего успеха уже самому, когда тебе нельзя иметь должные глаза, а надо. Так среди друзей — помощников я не нашёл, но надеялся в будущем, что мне всё таки повезёт. Так может это был внутренний сигнал из будущего, который прилетает ко мне на окно ровно в пять часов? Он садится, чтобы подумать со мной о встрече и развешивает там сонный мрак декабря, чтобы после нового года всё точно бы получилось или стало меняться в красках, как никогда прежде. Я ждал такого момента всем сердцем, но из меня выходили детские ожидания и мечты. Я верил, что желания материализуются, но чтобы они постоянно повторялись — ты должен быть бы в хорошей форме. Я конечно был в такой форме, но идеалом по жизни не хвастался, а только прижимал к сердцу свои компьютерные игрушки.

Они спасали меня с детства и стали менять мой тревожный сон на внутренние и трогательные ощущения надежды. Так я оценивал Колмана более объективно и не ввязывался в его приключения, но мучил его разными советами. В моей стихийной борьбе с самим собой стало бы обычным делом

— иметь соперников по дружбе. Но все они учились со мной в одной школе или играли в местный футбол, чтобы далее я имел более точное представление о своей жизни. Меняя такие маски на самые сокровенные желания — можно поменять и свою личность, что также меня очень радовало. Я был не очень послушным ребёнком, но всё время спрашивал себя: «Чего я всё таки заслуживаю большего, чем могу дать другим людям?». И в такой обстановке мне было более приятно сегодня наблюдать готического ворона или ждать, что меняя свои маски и ворон сменит свою и превратится в победителя этого мира. Я также радовался, что скоро он улетит, но мои глаза так быстро двигались от этого странного пейзажа за окном, что ворон, казалось, следит за моими глазами также быстро и пристально.

Птица клевала какие-то крошки на подоконнике и стук её обращённой формы звука отдавался у меня где-то внутри затылка. Я устал слушать такую картину и включил музыку, но даже это не отпугнуло птицу. Она просто посмотрела на всё это действие в моей комнате и как будто улыбнулась мне в ответ. Я хотел было вовсе закрыть шторы, но решил посмотреть ещё немного в глаза этой странной птице, чтобы понять её поближе. Тут, ворон подошёл немного ближе к стеклу и постучался клювом прямо в стеклянную раму. Как будто бы сам он хотел услышать тот немецкий и готический ответ на моё предложение поужинать вместе. Я не расстроился от такого внимания, но прищурился немного и стал расплывать-

ся в навязчивой улыбке. Ворон это увидел и начал махать крыльями, немного поднимаясь с лапки на лапку, чтобы то ли прихорошиться, то ли рассказать мне ещё пару новеньких анекдотов. В такой обстановке и закончился бы мой весёлый вечер, но тут в комнату вошла Бриджит.

Она видно слышала музыку и хотела поинтересоваться — не нужно ли мне чего-то ещё этим щепетильным и милым вечером. Но увидела странную птицу на окне и видно подумала, что я наблюдаю или наслаждаюсь местной природой и животным миром в одиночестве. А может нахожу там свободу внутри детского самолюбия, чтобы потом мой немецкий характер закалился и стал бы таким сильным, что можно было бы похвастаться ей и своим ребёнком. На такой мнительной и оптимистичной ноте я стал говорить Бриджит, что у меня всё хорошо, и что завтра мы пойдём на улицу гулять уже вечером. Меня ждал трудный понедельник и такой же важный ворон на окне, если конечно он прилетит навестить меня ещё хоть несколько раз в жизни. Я не был сентиментальным мальчиком, но стал приспосабливаться к другому смыслу, нежели моя учёба. Чтобы разбавить атмосферу нагнетания перед экзаменами мне понравилось общаться среди воронов или быть им чем-то полезными. Может они интуитивно принесут мне в будущем удачу и станут мне покровителями уже моей давно намеченной социальной цели.

Так я радовался и этим задумкам, но больше всего хотел найти общий язык с некоторыми преподавателями в школе.

Когда бы можно было сдавать экзамены без нервов и в полной уверенности, что ты не один такой на свете. Как может показаться учителю, который видит тысячи детей и обращается ко всем примерно одинаково. Такое желание выделяться нравилось мне больше всего и мой новый промысел был в жизни — обозначиться, чтобы стать лучше среди других учеников. Когда ты просто Исаак для себя, но твой трудный характер скрыт за завесой готической тайны. Как будто бы ты сам ворон и сидишь на своём притворном окне и ждёшь, когда внутри жизнь принесёт тебе нужную корку хлеба. Я думал, что наблюдая за птицами я разовью такое воображение, что мне будет и в одиночестве также хорошо. Но минуты за минутами я стал понимать, что всё таки жизнь не обходится без дружеской беседы, в которой может проявиться даже такой как я.

Оллард и Бриджит не позволяли мне чересчур далеко отходить от дома на долгое время. Но сегодня с утра я решил после школы прогуляться через квартал и придумать себе новую затею на будущую жизнь. Почему мне это нужно? Просто всё осточертело и хотелось чего-то свежего и нравственно идейного по-немецки, чтобы то совершившееся чудо могло уложить меня на лопатки, а я бы лежал и дико смеялся. Чтобы потом моё хорошее настроение удивляло бы меня ещё больше, что сам я смог подобрать к себе нужные ключики любви и был очень нежен. В таком приподнятом настроении я вышел из дома. В Дюссельдорфе всё звучало под

музыкальные шаги времени, а актёры на улицах то подпрыгивали мне в хаотичных движениях с сумками, то складывали свои большие улыбки в рот, полностью набитый философией разума. В такой вот разумности я стал снедать свой мозг вычурной информацией из прошлого, чтобы немного успокоиться я позвонил Колману и узнал как у него дела.

Там также всё было спокойно, но тревожные родственники не спускали глаз с необъяснимой точности мира Колмана. Каждый раз, когда он выкидывал очередную немецкую шутку и говорил с ними по-английски. Я знал, что Оллард и Бриджит не станут мне помогать в моих повседневных делах и уставился на местное серое здание. Его огромный фасад напоминал мне колонну тесно насаженных поведением глыб камня, что были так изящно прибиты к основанию. Я молчал на такую красоту немецкого архитектурного зодчества и думал, что когда стану взрослым, то обязательно найду местного архитектора и задам ему много каверзных вопросов. Например, о том, что моя внутренняя классика могла бы походить на мой образ жизни, но я был простым европейцем. Я слонялся и ждал, что моё утро станет не последним, а день пройдёт как и у всех детей. Но это были только серые идеалы моего будущего и настоящего, а не мечты, к которым можно стремиться и ждать. В такую пору я любил много философствовать и угадывать в тонких линиях смысл художественной готики. Как будто бы я был тот художник, кто рисовал и думал прямо это обо мне, но сопоставлял та-

кие гениальные трагедии в своей голове, миную восторг.

Тонко прокатываясь по гениальному стилю монументальной живописи, или делая па прямо на улице, чтобы отогнать злой дух, кормящий асфальтовые грозы и низлагающий тернии прямо к любви космических звёзд. Внутри у меня за бурлило в животе и я поторопился в школу. Когда я зашёл туда был понедельник, а когда вышел — была уже пятница. И такое ощущение складывалось у меня каждый раз, как я задумывался о новом смысле своей маленькой жизни. Может быть подростком не так уж плохо, но Исаак знает, что ему лучше и где ему провести день. В школе все ребята проводили много экспериментов над самими собой, но внутри гневного тока свободы — только характеризовали свой любимый вкус или цвет, для короткого облика счастья в жизни. Почему для короткого? Просто они не понимали, что такое длинная жизнь по-настоящему и к чему она могла бы привести, будь они такими. Могучими или очень странными долгожителями, о которых знает целый свет или сдает такую форму благородства их разнообразных чувств. Когда я вышел из дверей школы, то мне в лицо подул ветер и просквозило такой переменной погоды, что стало не по себе.

Просто зима на улице меняла свои краски каждый день, и с этим я сам менялся на каждой такой остановке. То Солнце мне засветит в правый глаз, то Луна обожжёт тонкое чувство ревности, чтобы я сидел и думал о планетах и о том, как на них хорошо всё таки жить. Ведь быть Исааком нужно только

в крепком скафандре и с небольшой дыхательной трубочкой, которая помогает тебе дышать в космосе. А может приготавливает уже к полёту на другие уровни неземного измерения. И так, пока я полностью не погружусь в свою чёрную дыру или в ту антиматерию, где увижу свой бросок в нежеланное прошлое, чтобы понять — насколько оно было заблуждением. Как мне казалось оно: порождает и мучает такие формы сознания, но бежит внутри и нянчит уже других людей вокруг. Я наклонился и стал ждать, что моя рискованная игра выйдет из под контроля, но сумел себя удержать и выпрямился, стоя прямо. Там же на улице я пошёл мелкими шажками прямо через асфальтовые сугробы, и как будто, заминаясь на полпути. Почему же мне всё так тяжело давалось?

Я был слишком молод и моё презрение само по себе не подходило для такого возраста. Только вызывало внутреннее сожаления о семье. О том, что отец или мать разойдутся или достигнут там уровня моего презрения и вокруг уже вся картина такой слабости рассыпется на маленькие кирпичики. Собрать их я не сумел, понять тоже было сложно, хотя я искренне старался. В таком положении презрения я прошёл много шагов и миля за милей стало понятно, что улицы Дюссельдорфа никогда не закончатся. Может я сам закончусь для себя самого, но вот асфальтовые будни точно прикрепят мой сонный разум к мечте, о которой я никогда доселе не знал. Я выпрямил спину и спросил у мимо проходящего человека: «Который час?». На что мне было указано,

что уже больше пяти часов и тогда я решил поторопиться домой. Я шёл немного быстрее и рассматривал местную форму домов, чтобы за тенью их продолжения увидеть и свою собственную судьбу. Мне было нелегко жить в Дюссельдорфе, но поднимать этот серый перрон на тонкие глади всемирного космоса дружбы.

Я любил дружить с Колманом и с Оливером, а также с Менно, но больше всего меня трогали их слезливые человеческие мечты. Будто бы они знали всё детство уже весь свой возраст и события наперёд, но понимали, что достигнут этого не скоро. Впитывая лишь разочарование и мелкие отличности их странной натуры — они хотели жить как все, но стремились покинуть семью довольно в раннем возрасте. Я менял такие привычки на свою скромную натуру и утверждал, что будет целесообразнее вести мой здешний разговор не только с моими родителями, но и с преподавателями из школы. Например, когда я говорил с Гретэль — она дико извивалась как лань, но слушала меня с огромным почтением. Будто я был для неё такой кавалер и робкий джентльмен, который видит её пронзительные синие глаза. В такие моменты я понимал, что взрослою, но поднимая там тяжесть, похожую на железную гирю и может сам того не узнаю, как подниму уже сто килограммовую гирю. И стану потом профессиональным спортсменом и ловким джентльменом, который легко сможет уговорить любую даму на почве сложности уже её странно протекающей жизни.

Пока я шёл по улице — ко мне навстречу шёл некий гражданин. Он был ужасно одет, весь неопрятный и видно пьяный. Я быстро посмотрел ему в глаза и ужаснулся. «Такой молодой и лицо у него такое доброе, но вид просто отрицательный. Точнее, отрицающий всю эту реальность, чтобы было не глупее, чем на самом её краю», — с такой мыслью я вошёл в свою парадную и приземлился прямо в лифте на пятнадцатый этаж. Там было много дверей, но больше всего мне нравилась моя — она же коричневая точка долгого брусчатого тона внутри моей не пережитой вольности и мечты. Я хотел было пережить её сам, но вынужден был позвониться в дверь. Мне открыли и внутри, вдруг, запаялась улыбка, чтобы стать ещё более привлекательной и добродушной. Меня накрыло семейным теплом и уютной обстановкой, а вокруг всё было привычно и чересчур щепетильно строго. Я отмахнулся от навязчивой идеи пойти поужинать и вступил в свою наивысшей надобности комнату. А точнее, вошёл туда, чтобы опять увидеть своего гостя и ждущего взгляда, внутри которого так не хочется закрывать свои глаза.

Я увидел свои знакомые занавески, но птицы там не было и внутри я даже расстроился, что ворон не прилетел. Так я ждал всю неделю, что он прилетит ко мне на окно и даже, в один из таких дней я сам призвал ворона. Но пустая комната, а также то пустое детство не давали мне внутреннего покоя. Я радовался только компьютерным игрушкам и жил, чтобы раздобыть немного полезной информации. Может для того,

чтобы правильнее себя вести с девушками, а может потому, что Исаак хотел стать взрослее. Он был внутри сам, как тёмный ворон, который садится на такое же окно, напротив своих соседей или друзей. Потом не знает, что ему сказать или сделать, но говорит всё точно так как если бы ему нужно было бы обещать прилететь ещё хотя бы один раз. В такой вот готической атмосфере я быстро перекусил и заснул. А снились мне чудовища из космического тока ментального происхождения, в которое можно было бы засунуть по меньшей мере уже тысячи таких созданий. Я решительно проснулся рано утром, а белый свет сменился на тёмное и почти полуденное блуждание из занавесок. Под которыми торчал карниз и внутри него также не было ни одного подходящего ворона. Когда я смотрел на такой пейзаж, то быстро собирался в школу и не мучил себя тайно внутри маразматического происхождения. Но если вокруг дул какой-то метафизический ветерок, то мне казалось, что сейчас свершится таинство.

Так я научился ощущать символы Вселенной, её метафизику прошлого, настоящего и будущего. В которое, ты можешь верить, но ещё не знаешь, как будешь жить дальше и с кем. На такой вот перемене реальности мои мечты были прозрачными и сухими, а я был всего лишь Исааком из Дюссельдорфа, чтобы играть внутри пленительного сознания разума. Я будто бы рассекал такое сознание пополам и видел в нём трагическую формулу своего настоящего рождения. Вернее,

я видел только часть этого смысла, который могли бы вложить мои родители при жизни, а Вселенная внутри воссоединяла мои мечты уже за гранью такого ощущения вечности. Я нёс её постоянно и думал, что стану более умным и богатым, но детское воображение не подсказывало мне — каким именно образом. Я ощущал только холод за своей прямой спиной, но смотрел вычурно и глупо, чтобы ненавидеть пустоту внутри самого себя. Так как же она, вдруг, образовалась и стала моей тайной гостьей, выходящей наружу лишь изредка, чтобы поговорить?

Я мнил себя немецким гением или немецкой машиной, которая сделает такое открытие, что заставит поговорить о моей жизни, как о большой. Или сделает меня огромным камнем, который может перекатится из прошлого в будущее, чтобы соизмерять такую ночь над Дюссельдорфом и обсуждать бы других людей, но не себя. Я не занимался самокритикой, но был ещё молод и не думал о будущих приключениях и событиях в жизни. Моя ненаглядная точка зрения подводила меня к самокритике, но я бывал во многих уголках своей Вселенной, чтобы представлять человека всё лучше и лучше. Как того ворона, который смотрит тебе в душу и не знает, что ты сможешь стать уже его второй половиной. Может души, а может сущности природы, где переплетаются гротескные формы материального рока и связывают твой дикий стиль жизни со стилем уже других горожан. Я хотел бы быть ближе к такому созвездию ясности внутри своей немец-

кой звезды, но не оставил там ни капли внутренней снисходительности, чтобы показать её самому себе или увидеть в будущем такого растущего сознания.

Я мог бы разговаривать на тайном языке птиц или сманить уже форму своего социального благородства туда, где мне будет наиболее комфортно. Но сам для себя я был довольно большим неженкой, который не смеет просто притянуть удачу, но будет отвечать самому себе на каверзные вопросы и мнить, что лучше чем другие ребята. В школе всё шло хорошо, но не так как мне этого хотелось. Я создал много ситуаций, чтобы говорить постоянно с друзьями, но слушал только голос своей личной природы. И он отвечал мне по-городскому: очень правильно и лаконично. Что я пойду потом в следующий класс и буду радовать свою семью дальше теми же предчувствиями и тонкой работой, что и в детстве. Ведь внутри сидит мой самый лучший готический ворон и говорит мне, что сегодня самое модное в переливах движущегося человеческого символизма. А что можно оставить на двоих после, когда бы я нашёл себе даму сердца или выявил свой гнёт на уже знакомую ситуацию: думать или обещать тонкие черты внутри личности ровесника.

Я был ровесником для себя самого и для моих друзей. Я был ровесником для моего природного и субъективного ворона, чтобы он сам думал обо мне также почтенно, как этому можно придать изысканные и говорящие глаза. Когда не смотришь им вослед, но будто бы треплешь нервы всему

окружающему и слышишь, как оно открывает уже знакомое место твоим личным глазам. Я хотел бы увидеть и мои личные глаза в такой вот школе и в таком вот пепле рутины. Когда за каждой модной юбкой можно было бы обещать самому себе, что сам я понравлюсь и стану мудрее и аккуратнее в глазах окружающих. Но внутренне не обозлюсь на такую бы ступень мудрости в голове. В один из дней около четырёх часов дня я сидел и думал о многом в своей жизни. Я пришёл недавно со школы, но ещё сомневался в своей оплошности быть маленьким и случайным типом ментального равнодушия. Ведь всё меня здесь не радовало, а так: будоражило или любило по-свойски, чтобы менять окраску перед самым новым годом.

До нового года оставалось две недели и мне хотелось провести его очень откровенно и близко. Прямо так, как вешают игрушки на предновогоднюю ёлку, чтобы мой немецкий юмор не стал для меня тайной или удручённым самопризнанием. Но там я сам уже видел бы бледное окончание символизма космических звёзд. Когда они сияют и не верят, что в будущем мой немецкий пролив зрелости станет меня больше радовать чем душить. А сам я стану для себя не обозначенным зазнобой и буду прибивать такую бы погоду уже к любовной лихорадке, что учит иметь много особенностей на роду. Я имел их очень много и в характере, и в своих привычках, но видел только опустившийся занавес такой благородной чудесности в голове. Где я сам мог бы случайно от-

праздновать новый год с родителями, но даже не заметить этого. Просто вздохнуть и выманить такую формулу ревности в голове, что личные птицы разбегутся и дотронутся уже до моей прямой спины. На сером и покатом зареве неба, прямо в окне, отражался зимний пейзаж, который не хотел уходить из моей личной головы. Я не звал его и не мучил, но трогательно выдумывал такие сказки, что хочется прямо передвинуть краеугольный камень вечности и положить его на другую немецкую сторону души.

Так и я не звал её внутри своего откровения зрелости, но мучил сегодня свой личный взгляд серыми оттенками погоды за окном. Вдруг, что-то шелохнулось и небо Дюссельдорфа наполнилось такой тайной, что хочется забыть всё на свете. Я выменял бы мечты на реальность, если бы смог, когда даже Исаак не знает, что станет путеводителем уже другой реальности внутри небытия. Я был и не был в такой реальности, а серость за окном наполняла мой здешний космос — уже красивой внешностью из каменных улиц, что разлиты под снежным покровом не угасающего будущего внутри головы. Так я сознательно обмер внутри предчувствия, и тут, моему взгляду припомнилась уже иная картина. На окно, слегка шелохнувшись прилетели два ворона. Точнее это была пара, а может быть два друга, за которыми можно было бы сегодня последить. Конечно было пять часов вечера и я нисколько не сомневался, что войду в такое поле вместительного вздоха личности. И там, я буду думать о птицах

также, как они могли бы думать обо мне в своих неокрепших головах.

Когда она у них никогда не кружится от высоты полёта, но держит тонкую птичью шейку на острие такого немецкого юмора, что можно было бы шелохнуться и прикорнуть в уводящем душу безумии. Когда готические склоны в мерцающем потолке сознания вводят тебя в обиход городской приметы, а ты не знаешь, что твоё четырнадцатилетие будет для тебя немного скромнее, чем кажется. Я прямо уставился на этих двух птиц и стал думать: «Зачем им такое чёрное оперение? Что могло придать бы им большей эстетики внутри первородного чувства напротив вороньей харизмы?». Так я замечтался и забыл про время, которое и вовсе перестало идти. Может своим чередом, а может потоком, чтобы частицы света уже больше никогда не падали на моё окно, а только готические вороны окружали его и думали обо мне постоянно. О моей немецкой природе и о том, что может сделать такая культура внутри огромных шагов к будущему, когда ты его и вовсе не видишь. Но ощущаешь, что стал уже больше и намного гротескнее, чтобы увиливать в глазах окружающих людей или не думать о них вовсе.

Наблюдая такие вороньи глаза я чрезвычайно бурно думал, что они тоже влюбились в меня и не смогут больше без меня жить. Только будут прилетать и плакаться о незабытой реальности и о том, что могло бы сохранить эту объективность до самого конца. Так я видел их уличные слёзы и тём-

ным шлейфом передвигался сквозь комнату, чтобы почувствовать такую метафизику страха, что раскроет и мои глаза по-настоящему. Даст мне вдохновения и личной выгоды, чтобы увидеть там бездну эмоций и чувств, внутри которых живут эти большие и чёрные птицы. Я так наслаждался этой неземной картиной, что выронил из рук пульт от телевизора. А когда я увидел куда он сам случайно нажал, то был особенно удивлён. Я внутренне всмотрелся вперёд перед собой, но почувствовал, что теряю контроль над желанием сознать себя самого как человека.

Внутри моего взгляда предстала картина уже совершенно другого человека. Точнее подростка, который не может общаться с природой без эмоций. Я увидел по телевизору новостной сюжет и узнал, что скоро в моём городе будет построен новый парк аттракционов. Чтобы можно было бы съездить туда и отдохнуть качественно и с расстановкой. В такую минуту я немного успокоился, но птицы гипнотизировали своей тёмной атмосферой, чтобы признаться мне в пять часов в любви. Или же сказать, что в каждой такой минуте очень много неучтённого уровня благородства, а ты ходишь по городскому канату мудрости и говоришь только смелые слова. Ты как бы не хочешь паясничать, но прижимаешься к большой системе множественного гения, чтобы обгонять время и не думать о плохой судьбе. Ведь звёзды не думают о том как они создавали таких вот воронов. Они просто светят внутри космического разума рассуждения и славят твоё

рождение в переливающемся вздохе символа над каждой человеческой головой.

Я тоже мог бы взять и просто засветиться, но предпочёл стоять и как вкопанный смотреть на явление двух птиц за окном. Они понравились мне, но были даже немного влюблены в свою природу вороньего взгляда из души. Он наполнял Дюссельдорф такой свежестью, что даже готика в человеческом сознании не знала, что можно противопоставить к ужину такого символического безумия. К радости, когда ты сам превращаешься в ворона и славись там только тени прошлого или свой осознанный и природный стиль мимолётного характера человека. Коль скоро он был для меня немецким, а сам я был Исаак и не думал об этой тайне, но шёл через тернии к звёздам. Я выменял такую пародию из лёгкого ужаса у себя наедине с вместительной от мыслей головой. Чтобы даже ребёнок мог бы понять всю прелесть общения с городской природой. Может она была непостоянна, но трогала мою немецкую душу и думала, что сам я стану великим человеком. Но буду ждать такое же символическое благородство и внутри своей души.

Когда мне исполнилось уже двадцать лет я долго вспоминал события того времени. А птицы остались у меня наедине, где-то в душе того тока чувственного переживания молодости, который никогда не проходит. Даже, когда ты вырос и живёшь уже внутри своей семьи, но держишь там покойный пережиток прошлого и настоящего, чтобы выдумать

уже свою новую особенность в сердце. Так и я выдумал свой стиль поведения Исаака, чтобы Ирма учила мой преданный космос сопротивляться уже с непогодой из личного бытия. Когда бы я сам не знал кто я такой на самом деле, но точно представлял улицы Дюссельдорфа и такие ступени ментального хаоса жизни в своей голове. Будто бы там играет знакомая мелодия и вокруг летают небольшие, но гулкие вороны. Которым тебе хочется признаться в любви или наладить тот чуткий разговор с личностью. Их доблесть и грация меняли мой день и мой вечер на более гротескный и особенно вальяжный, чтобы сам я стал таким же готическим мужчиной. Когда тебе уже двадцать лет и ты не можешь передать всю тяжесть расстояния времени, по которому бежишь.

Где настали бы улицы и дороги внутри будущего сопротивления личности, а сама культура личности была бы более готически настроенной. Она как бы передавала тихие взгляды воронов и смело отражала мой выдох героя времени, откуда я мог познать такую высокомерную реальность. Не открывая ей глаза и не отвыкая в такой прелестнице, но чутким взглядом проводя уже самый надлежащий разговор, как и надобно было мне. Когда я открывал такую городскую дверь ужаса и страха, то видел вокруг только чёрных воронов и их могучие и незыблемые спины. На которые можно обижаться, но ждать, что их тёплый ветер принесёт тебе удачу и силы. Где бы готика ставила твой символический взгляд на отражении уже немецкого стиля истины и утверждала бы тонкие

формы гротескного вороха в мечтах. Чтобы сам я не боялся мечтать, но выглядел бы намного приличнее и статнее, чем мог полюбоваться своей игривой формулой человека. Где я играю с вороном в руках, а мой символ вечного благородства тает и его слёзы каплют по улицам уже знакомого города, чтобы быть сегодня ближе. Может к моему собственному сознанию, а может к родителям и к сказанному детскому переживанию, которое запечатлелось внутри городского окна. Когда ты сам на него не смотришь, но ветер ведёт твою метафизику внутри Вселенной, а происходящее торжество внутри материи радует не меньше. Чем мог бы радовать тебя космос в глазах личного готического ворона, который прилетает ровно в пять часов и молчит.

Достигая своей неизбежности жить

Мне было одинаково всё равно: думать или не думать, что Трюд сделает прямо сейчас, но не найдёт на это собственного ответа в будущем. Как мне будет всё равно следить ли мне за своим мужем или прикидываться нищенкой, чтобы меня любили ещё больше. Ведь в Копенгагене можно было позволить себе делать такое — просто любоваться местными закатами и если нельзя — управлять собственной Вселенной, не выходя из своего дома. Точно так я и делала, чтобы понравиться собственному мужу Магни. А он ненавязчиво смотрел мне вслед и не думал причинять неудобства для создания уже такой лёгкой реальности, как наша. Ведь впереди было много лет, а позади только один десяток прожитых вместе. Но он длился будто бесконечность, в которой я одна выживала из ума своего собственного неумения расслабляться.

Я достигала свою неизбежность несколькими способами. Например, могла проездить по магазинам весь день, но ничего себе не купить, а только рассориться с местной продавщицей. Мне было тридцать два года и мои мечты лежали прямо на блюде передо мной, чтобы мой датский шлейф элгантности ценился не меньше, чем моё собственное обаяние. Я носила в себе личность не такую простую, как может показаться на первый взгляд, чтобы прихорошиться, а потом ещё раз прихорошиться. Ведь нельзя же везде сидеть и не думать

о своём прошлом или не мечтать, что станешь известной актрисой. Так я и делала — просто ждала своей участи после университета, где отучилась на переводчика. Что было довольно трудно для меня, но мой муж меня всячески поддерживал и не давал мне сойти с ума. Я так надеялась, что вынесу все эти тревожные годы жизни, что делилась постоянно всем со своим мужем, а он так и норовил подтрунивать и создавать мне тройной манер уже моего беспокойного будущего.

Мы ютились на небольшой улочке в Копенгагене и смотрели там на местный клуб шахматистов и другой спортивной нечисти. Чтобы она могла преподнести свой сюжет уже для нашего благородного смысла внутри семьи. Магни также заходил в этот клуб. Ведь он постоянно играл в карточные игры и любил бильярд. В таком степенном возрасте как у него — можно и вовсе не высидеть яйца в Копенгагене, но увидеть там алые паруса. Где-то на самой маленькой улочке, чтобы приютиться и вовсе не видеть былое, которое уже надоело вспоминать. Я носила во внутреннем кармане маленькую записную книжку, куда записывала всё самое важное и насущное. Как только исполнилось чьё-то желание — я сразу туда записывала ответы, на которые можно было бы сделать правильное умозаключение. В датском фольклоре можно также увидеть много мудрости о мифологическом типе сознания и придать ему много желаемых образов. Так и я — называла своего Магни: «Мой маленький тролль». От чего у

него стало постоянно подниматься настроение и выше всё и выше сходились те же линии гордости, что и у меня. Давая там нужную затрещину для такого сумрачного тока непогоды, что можно было видеть в городе.

Когда дожди просто перемежались с выюгами и пыльным ветреным исходом уводили мои мысли прямо напротив другого сознания быть сегодня честным человеком. А может той честной дамой, что уложит своего сварливого мужа в кровать и не даст ему споткнуться во второй раз. Но и одного раза было достаточно, ведь игра в рулетку и в азартные игры не подводили к тонкому чувству юмора. А только надменно опустошали наш кошелёк, под которым можно было бы услышать тот честный приговор воплощения нрава над несбыточной мечтой. А какова же она была на самом деле? Может рождение детей или ещё другое карьерное желание овладевало нами с утра и до вечера? Нет, совсем не так и наиболее опасный возраст томился на таком пути бы ещё дальше и глубже. Чтобы потом, в очередной раз убедить тебя ещё больше и тоньше, что ты не один такой на свете, но воешь уже как волк на той самой улице, где и живёшь.

Мы жили довольно вольготно по местным меркам и деньгам. В семье уводило мысли только то, что можно было заниматься бизнесом намного больше, чем этого хватало на жизнь, а значит просто богатеть и не думать о нищенстве вовсе. Магни любил там каждый день охранять свой автомобиль и думать, как ему это правильно удаётся — видеть

и бодрствовать напротив своей кислой физиономии, чтобы проводить свободную минуту с женой. В окне напротив отражался наш двор и тело сводило таким странным и тихим видом тоски, что можно было залезть прямо под асфальтовую лужу, чтобы лежать там весь день. А потом, трогая друга друга мечтать, что здесь в Копенгагене можно сделать карьеру также легко и смело, как делают уже приезжие люди. Их было много и они славились своей необоримой и странной харизмой.

Чтобы немного приблизиться к местному колориту приезжие говорили постоянно на английском языке, но учились воспринимать язык жестов, а также тонкие символы городского и романтического фона мирских глаз. Где ты не будешь одна, умирая видеть и ждать, когда муж придёт с работы, но видеть такую бездну эволюции разума. Что даже липкий аромат духов не станет тебя трогать, не присутствуя в личной харизме такого же приезжего чувства юмора. Я попалась на него и уже была бы облапошена. Но в такой обстановке я умела быстро найти себе объяснение для дамы. Когда я была в местном магазине ко мне подошёл некий Алек и предложил мне руку и сердце. Он так настаивал, что мне захотелось закричать и убежать, но я остановилась. Чтобы выслушать его трогательную беседу и вычеркнуть из своего обаятельного образа женщины тот ток флирта, который был не нужен. После разговора и тайных взглядов друг на друга я увидела, что у меня пропал кошелёк.

На моей памяти такого ещё никогда не было! Внутри разгорелся пожар и общественное мнение съедало тот же чувственный флирт. Когда время не может тебе говорить правду, а ты просто молчишь и носишь внутри себя тот же уровень личности, что и прежде. Я относилась к открытым людям и верила также на слово, хоть и побаивалась незнакомых людей. В открытую дверь я никого не впускала, но дух городского шума заставлял меня трепетать на таком ветру, что озябнешь. Если бы там я могла отдохнуть немного побольше, то не стала бы разговаривать с этим незнакомцем. Магни конечно рассмеялся на мою историю, но был очень удивлён. Он как бы тайно спрогнозировал такое и во второй раз, но отшутился, чтобы расслабиться и продолжить жить. Для такой причины и я хотела бы продолжить жить, но сомнения сгущались в кучу моего ментального стиля жизни. А там я уже обнажалась, как принцесса символического цирка мнения и всё же не могла расслабиться, чтобы переживания охватили всё вокруг.

Мой следующий день уже был более нервный и мне стало мерещиться, что мы с Магни плывём на какой-то лодке вдаль по неизвестной реке, а нам навстречу плывут огромные крокодилы. Они своими шкурками обхватывают и подгоняют края лодки, но не переворачивают её. И чтобы выбраться из лодки, нужно просто перепрыгнуть через крокодилов и умеючи пройти по их спинам прямо на сушу. В противном же случае плыть так всю жизнь и остановиться в лод-

ке навсегда. Я долго размышляла над этим сном и не могла поверить, как на следующий день мне позвонила давняя знакомая. Агнес предложила мне поехать в турне по Европе или в другие более южные страны, где можно было бы найти приключения или отдохнуть во славу своим переживаниям жизни. Такая перспектива мне понравилась и я решила подумать уже об этой идее на лето. Был март и впереди была суматошная весна, за которой можно совсем не приглядывать в оконные ставни, но думая налаживать уже эту свойскую и капризную жизнь. В ней я чувствовала себя прямо принцессой, но могла периодически плакаться в подушку, что моё жизненное обаяние не приносит мне удовлетворения в сражении со временем внутреннего сознания и любви.

После того, как я положила трубку — Агнес показалась мне милой девочкой, которая совсем не была моей ровесницей, но была авантюристкой. Наверное она научилась таким трюкам у местной молодёжи, когда мы окончили университет. Но могу точно припомнить, что вместе с Агнес я никогда не попадала в лапы к огромным крокодилам. Поэтому и сама сегодня символически успокоилась и нашла себе точку опредмеченного душой разума, чтобы больше ничего не хотеть. Может на этом свете или на том, где много чертей или ангелов, но все они смотрят вверх. Наверно думают о нас, как о пришельцах с другой планеты или летают на таком первобытном одеяле из роз. Что кажется с точностью на отмени вокруг миллиардов космических парсеков, что мы мо-

жем дотянуться до них и никогда не будем уже несчастными в своём немощем лице.

С такой здоровой и оптимистичной психологией я начала готовить ужин и думала про то, что можно было бы сделать в поездке. Когда выезжаешь за пределы Копенгагена и не знаешь, что ждёт тебя впереди. Может я редко путешествовала, но Магни был меня старше всего на несколько лет. Он думал, что проживает хорошую жизнь, ведь здесь в городе ему открываются самые лучшие дороги без боязни устрашающих крокодилов. Конечно мы могли бы всё оставить как есть, но что плохого в такой поездке? Ведь никогда не знаешь, где сможешь найти много дорожных приключений, а они заставят тебя полюбить личный опыт души. Я думала, что снова проснулась, но всё же спала. В такой мнительной обстановке и одна в квартире. Скоро должен был прийти муж и сообщить мне одну некоторую подробность. Она заключалась в том, что мы оба могли бы получить большой куш от небольшого бизнес задания. И чтобы его выполнить мне придётся говорить с его коллегой наедине и долго объяснять трудность или глупость.

Почему я так переживаю? Ведь у меня лингвистическое образование и там, наедине от души я знаю миллионы слов, по которым мой датский язык будет очень приспособлен к людям. Я также смогу найти ему применение и внутри обоюдной трагичности нашей жизни. Даже если мы с Магни зайдём в абсолютный тупик и не сможем уже никогда выбраться

оттуда. В моей психологии рождался опять вкусный ужин, а Магни поднимался по ступенькам до квартиры. В такую позу времени можно посчитать, что будущего как бы и нет. Оно просто преследует тебя зеркальным отражением твоей психики, но словами можно тонко ощутить это строптивное эго и дать ему мгновенный выхлоп назад. Чтобы ещё больше любить такую первозданную жизнь или думать, что в космосе зародилось «иное». Оно тянет тебя наверх всё дальше и дальше, но ты не переживаешь о своём inferнальном опыте психики, а только мечтаешь. Вот, я например, мечтала побольше узнать о мире, в который могу попасть сегодня и не умереть со страху. Может в джунглях Африки, а может на необитаемом острове. Куда мы с Магни могли бы попасть — так сосредоточенно и аккуратно, чтобы остаться там на всю нашу жизнь.

Ведь жить на необитаемом острове так прекрасно. Здесь тебе и тропики и долгие ночи внутри песочного отражения прилежности быть диким человеком. Я меняла свой покой на внутреннее неудовлетворение, когда ждала Магни с работы. Ведь его бизнес загораживал мою символическую потребность, чтобы жить. Не то, чтобы она вызывала у меня депрессию, но путала мои планы и также точно я могла себе не отрицать всю сложность в своей душе. Я не знала, что ждёт нас в будущем, но испытывала свою датскую гордость, что будет никак не хуже, чем сейчас. Меня невозможно было бы переубедить, но найти там точку невозврата к слабому

дуновению ветерка в плену мозга. Для дамы ведь мозг — это не главное, но тысячи моих переживаний стоили мне многих нервов. И чуть я опоздала бы с ревностью, то какая-нибудь дама могла бы увести моего мужа и сделать так, как хочется только ей одной.

Я нервно перебирала свою посуду и думала о том — понравится или нет мой ужин для Магни? В такой необычной харизме всё делалось только от души, но шло как-то вяло и заторможено. Когда пришёл Магни, то приподнял мой вечер своими искромётными шутками и выменял тот же символический смысл, что струился из моего женского подсознания. Наверно он знал, что мой социальный опыт грезит внутри меня неясные картины, а я блуждаю сама, как женщина, которая не знает человеческой любви. В такой инертной обстановке я сама не учила свой день от Трюд, но искала ему точное оправдание, чтобы лететь туда, где уже никого не будет. Как будто бы я нахожусь на необитаемом острове и мне тяжело в плену моих сомнений: видеть или блуждать в такое Солнце, что хочется ненавидеть всё вокруг. Ведь человеческий способ жизни такой медлительный и нервный, что перебирая свои мысли насквозь души — ты не знаешь и не веришь тому, к чему сможешь прийти в итоге. Даже будь это мой личный парадокс состояния трезвости или пьяный угар, который мог бы продолжаться так каждую пятницу.

Магни был человеком довольно корыстным и его тяжёлая от встреч рука всегда прикасалась к моему тонкому чутью.

Как будто бы он видел мой датский подбородок и любил его по-особенному, чтобы не иметь ничего за душой. Где бы он ни находился и что бы ни говорил для меня или для моих знакомых. Кстати, всех их я давно уже разогнала напрочь и сию, твёрдо уговаривая свой стиль жизни — продолжать тот же путь наверх. Видно он удался мне сегодня и будет дальше также: продолжаться и быть видимым, как голубое небо, в котором много птиц и первозданного тока чудес. В таких желанных чувствах я узнала, что Магни тоже не прочь развеяться в поездке, но в последнее время он ждёт постоянно какого-то подвоха. У него не было проблем с бизнесом, но чувства разрывались пополам, когда он думал, что что-то сможет произойти. Наверно это был его кризис среднего возраста. Ведь Магни точно знал, как нужно говорить и вести себя на людях, но быстро обижался.

В своей современной семье мы перешагнули уже две эволюции внутри разума рассуждений. И первая эволюция была, словно пригласительная гостья, внутри которой можно проживать или отгораживаться, что ждать не хочешь. Я нашла её, когда мы стали жить вместе с Магни. И там на самом верхе эмоций мне стало понятно куда меня приглашает эта гостья. Она приглашала меня на свой праздник души тепла, на то равновесие сквозь пользу, что теплится только у счастливых и семейных пар. В такой очереди можно было бы изголодаться по обожанию друг друга или менять свои привычки, пока они не принесут желаемый результат. Потом я

вывела для себя вторую эволюцию разума. Она гласила, что всё, что ты делаешь сегодня может понадобиться тебе завтра и все твои нажитые привычки смогут трансформироваться уже в идеологию новой и сказочной жизни. Но что же могло заставить меня жить не в сказке? Может первая гостья пришла и ни разу не задумалась, чего я хочу на самом деле? Может она была всего лишь моим тайным отражением слепой ненависти и горя, внутри которого я покрываю свои тайны вечного сознания?

И так до конечной остановки в течении уже другого благо-родства, что я сама несу для себя и также стихийно выживаю в тайном и ненавистном мне горе. Когда ты не можешь про-жить всё на свете, но стараешься не впускать к себе тайную гостью из небытия личной эволюции, а ждёшь, что додума-ешься до всего сама. Меняя плату за платой и выдумывая свой переход от мнительности на другое зазеркальное поле мечты. Чтобы там собраться и ждать уже своё настоящее эго, в которое ты вкладываешь уже сознательные мечты. Я была переводчиком с двух языков: английского и немецкого, а мой прононс был почти идеальным. Так я могла убедить на ули-це любого, что являюсь приезжей. Но внутри не доходила до такого маразма личности. Ко мне все относились довольно тепло и благородно. Видно моя внешность не отторгала и не обещала уж очень многомерного итога для людей. Будто я и сама не знаю, на что сегодня способна, но жду, как каждая капля пота скатится и даст мне выдох уже в более зрелый

понедельник. На нём конечно будет Магни и также тот мой трезвый итог внутри проделанной мной работы. Когда я сама не хочу идти вразнос, но жду, что мой зеркальный прононс сложит все части целого внутри второй половины души.

Я так ждала этой моей второй половины, что не могу сделать даже шага навстречу такому благородству и отражению зрелости. Меняя там тонкие черты на выдох уже готовой Трюд и многообещающей фатальности, которую сдержать будет очень трудно. Например, мы бы оказались на необитаемом острове и вокруг нас не было ни еды, ни человека, а только вода и песочные пляжи. То что в такой ситуации можно было бы сделать? Просто остановиться на время или разойтись по разным углам этого земного коридора души и умирать? В моих мечтах я знала точно, что время, как небольшая гостья придёт и приютит меня на том отрезке моего взросления, где я и сама захочу остаться. Поэтому я не мешала самой себе: говорить или думать напротив такой вот зрелости. Чтобы дальше отдаляться уже на необитаемом острове сугубо только по требованию личной выгоды. Так Магни был довольно корыстным и любил прагматичный образ жизни.

Когда я ему говорила, что могу пойти и всё сделать сама, то он убеждал, что всему своё время. Так он самоутверждался и внушал моему внутреннему сопернику, что станет для меня образцовым мужем, но не тронет моего природного благородства. Ведь Магни — датский принц и целая сви-

та его неумолимых желаний взяла бы и сделала тот тонкий выдох чести туда, где много песка и мы лежим всегда одни и те же. На таком пляже устойчивой жизни и самости я навешала себе тайных привилегий дамы и не смогла больше уже быть простушкой. На моём желании жизни не было какого-то прозрачного покрывала, но символы скрывались просто во сне. Когда я много спала и нервничала, что буду ревновать Магни в будущем, то себе утверждала обратное. Так мой мозг говорил мне, что страсть уходит и приходит, а тело ведь материальное. Оно просто подползает к тебе, но ты не можешь сосредоточиться душой, а молчишь ему вослед. Может я молчала очень много в своё бренное и тяжёлое тело, но мучила там мыслями только свою великовозрастную харизму.

Когда ей нет места на городской кухне, но много одеял и подушек уже не скрасят моего возраста наедине внутри, а пропоют уже другие фатальности и надежды. Я могла бы испытывать радость. Например, от сексуальных утех или вслушиваясь в любимую музыку, но трудности были повсюду и нежелание говорить с ними нарастало всё дальше и дальше. Может в молодости я мало молилась и моя душа была ослаблена такой химерой гордости, но подзывая внутри сама себя — я уже не говорила гордо. Просто продувала тот же крик фатализма сквозь небывалый и пижонский манер в вальяжности городской дамы. На ней всегда была небольшая шляпка и маленькая записная книжка. Которую хотелось откры-

вать и закрывать постоянно, чтобы мой датский язык стал ещё более прекрасным и обоюдно располагающим. В метре от моей головы висела большая лампа, которая говорила мне о моей забытой молодости. Когда мы с Магни только что поженились — то купили её и то фосфорное сияние отражало прошлое, чтобы полюбилось и другое чувство.

Его я уже могла бы испытывать в настоящем, но искусственно пристрастилась к курению. Я меняла пачки сигарет и снедала сама себя от такой привычки, но желание было внутренне городским и очень непроходимым. Внушая сама себе о такой заразности и потворстве — я начала грезить, что в путешествии я смогу бросить курить. Может так оно и вышло бы, но быть принцессой для самой себя очень требовательное занятие. И поэтому мой сон постоянно что-то тревожило, чтобы обращаться уже к мозгу на реальности, внутри которой я сама живу. Магни стал рассказывать о своём новом деле и о том, что его датский коллега должен был ему подписать некоторые бумаги. Но сложность была, как и очередная гостя — внутри формальности и уступок, с которыми этот бизнесмен так не хотел соглашаться. В моём представлении я должна была уговорить его среди непомерной жалости и притвориться личной помощницей Магни. Но на самом деле он просто нанял меня на месяц, чтобы решить свои проблемы на работе и выплатить мне такой гонорар, что я не забуду никогда.

Я не знала: радоваться мне или плакать, но держалась по-

что уверенно, как могут сделать это стойкие духом городские дамы. В меня вселилось такое путеводное недоумение, что быть лингвистом не так сложно. Гораздо сложнее иметь при себе пачку денег и отнимать при этом время у другого человека. Такой бизнес секрет или Гончая, которая не знает, что ей делать сегодня. Она просто бежит и следит глазами за своей оправданной гордыней, но боится даже сучка и задоринки. Стыдится такого крамольного чувства прикосновения жалости, что можно быть собакой, но видеть такую полноту жизни и при этом не иметь ничего. Как будто на Земле нет уже перспектив сделать себе правильное и обоюдно выгодное решение, но устремиться туда, где подкуп будет самый оправданный и глупый. Что бы он ни говорил сегодня — я думала намного быстрее и снисходительнее к самой себе. Я ждала, что выйду победителем на такой карусели мест, что приподниму даже тайные знаки судьбы.

Мне было жалко Магни и его авантюру, но помочь мужу стало для меня настоящим испытанием и вопросом чести на каждой такой глубине моих синих глаз. Когда не хочешь ничего говорить или делать, но нужно иметь в себе некоторое приспособление к зрелости и не снимать его до самой конечной точки бытия. Когда ты вышла уже из странного космического корабля, а на Земле только стоят инопланетяне, но нет настоящих людей. Они были когда-то, но умерли все. Их стравили буйволы тонкого мироздания лёгкости внутри мысли и теперь нечто первозданное крутит твоей свободой,

чтобы приспособиться уже к такой реальности. Я размешивала мясо на сковородке и не думала, что стану уже мучиться от такого первозданного хаоса в голове. Там был всего лишь март, но тучи нисходили на мой коричневый фартук. Требуя, чтобы завтра я поднесла бы филигранные стены уже для моей второй личности. Чтобы надеть на себя новый фартук или спасти долю того символизма души, что покрывает тот же тонкий искус личности, где не может порой притворяться.

Когда бы даже Магни тащил его на тайную встречу, но выдавал за непроницаемый отток личной эволюции в глазах. Я понимала, что Магни старше меня на несколько лет, но не отвергала той формы любви, в которую превратилась. Так, на следующее утро мы поехали в центр города на работу к Магни. Я думала, что мне всё это обойдётся без стресса и переживаний, но металась, как бешеная, чтобы ничего не забыть. На следующей неделе я встретила в кафе с Оскаром — местным крутым бизнесменом. Чтобы немного потешить его самолюбие. Он был женат и его кольцо на руке так сияло прохладной желтизной, что я даже немного призадумалась. Ведь своё я не носила и не радела выдавать свою семейную точку морального эгоизма — за трудный и неношенный ад, в котором могла бы проживать. Мы мило поздоровались и уселись за стол. Напротив стояла ваза с цветами и очень пахла. Внутри меня также всё наполнилось нервными ароматами, чтобы придать этой бизнес встрече какого-то тайного надсмотрщика.

Когда он не видит ни твоё лицо, ни внешности, но думает, что только по губам внутри души он прочитает всё твоё личное благополучие. Я представилась как Трюд, которая работает помощницей Магни и хочет узнать о трудностях внутри бизнес дела. На моём лице не отразилось ни царапинки, ни тонкого чувства нервного ожидания, а только эмоция благородной радости и поспешившего чуда. На такой символической ноте мы стали бурно объяснять друг другу, что собственно к чему. Мой возраст не выдавало почти ничего и я сказала, что мне двадцать пять лет. На таком повороте глубинной глупости Оскар, вдруг, поинтересовался не замужем ли я? Он думал, что сможет за мной поухаживать, пока идёт это занудное и щепетильное дело, а сделка была на счёт недвижимости. Трудность её заключалась в юридической подоплёке, которую забыли внутри оплошности составители своего завещания.

Будто там находился плотный мир уже давно забытого маразма, а клиент всё никак не мог добиться выделки от той символизмом пропитанной важности, что хочет довести всё до конца. Я также хотела довести свой день и вечер до самого конца. Поэтому после небольших переговоров мы с Оскаром попрощались и решили, что завтра опять обязательно встретимся. Мой мир наполнился какой-то странной атмосферой. Он будто плавал в новых фактах и переживаниях какого-то гордого джентльмена, который, как детектив разучивает другие юридические роли. И эти роли стали мне, как будто бы

масками под датской тревожностью — говорить только существенное и ни на что не отвлекаться. Попусту или внутри объективного реализма, где можно сказать себе в будущее, что хочешь оказаться только на седьмом небе от счастья.

Я хотела этого всегда и всюду, от Магни, а может и сама от себя. Но ожидала только свойский и джентльменский символизм, внутри которого блуждают огромные зомби. Они сегодня ходили по кафе, где я сидела с Оскаром и нервно переживала свои тайные поручительства от мужа. Я так и не выяснила всё до самого конца, но желание моё стало уж очень откровенным, что придало мне страстный манер. В такой перспективе сложения возраста я использовала весь свой набор переводческого ухищрения и сникла на самой его последней странице. На следующий день в одиннадцать часов мы опять встретились с Оскаром и мне пришлось излагать свои мысли настолько быстро, что я не сбивалась. Как будто бы летала внутри айсберга и делила весь мир на чёрное и белое.

Там я нашла и свою корку несъедобного апельсина, чтобы немного зажмуриться и вздохнуть, чтобы вытянуть ноги на мягком стуле. Когда ты видишь только призрак впереди старательно зрелой личности, но не машешь ей вслед, а тонко диктуешь свои прозренческие правила. Так моё отношение к зрелости стало для меня небольшой ловушкой. Я сказала, что моложе, чем мой возраст есть на самом деле и этот факт меня нисколько не смутил. Я говорила слишком

серьёзно и видно этим навела на себя подозрение. В таком подъёме стихийных дел и маний я была, как не объявленная шутка зрелости, которая не может выпрыгнуть из своей крамольной клетки. В ней есть всё и разумность и проходящий космос квантума отражения девического тона личности, но нет только одного — снисхождения к самой себе. Когда Оскар смотрел на меня, но его лоснящийся пиджак держал меня ещё в большем напряжении, чем прежде. Я немного отогнулась на стуле и сделала раскованную позу. Но внутренне была очень сдержана и не переводила взгляда от человека на человека, но слушала его опрометчивые доводы в пользу дела.

На столе стояло несколько чашек с кофе и я умудрилась конечно пролить этот чудный напиток прямо на свою кофту. Внутри глаз всё расплзлось и разъехалось, но Оскар никак не смутился, а решил подать мне салфетку, чтобы посмотреть, что будет дальше. А там, на самом краю той же беседы о личности и таком деле я могла бы говорить часами. Всё время перенося свои прежние переживания на длительный промысел Магни. И то, что я верю в исполнение его послания во имя такого чувства благородного символа. Он нёс меня вдоль семьи и не слышал уже никакого творения божественной руки. Я дышала в спину личному привидению гордости и скуки, а Оскар внезапно предложил мне поужинать вместе. Он как будто бы не знал, что этого делать нельзя в принципе. Но его глаза так нежно похлопывали по мнитель-

ности его вида лица, что можно было просто догадаться, что он не против. Разговориться дальше или пойти по намеченному плану, чтобы символы внутри его руки раскрылись и стали теперь не мёртвой материей, а движением уже городского романтизма.

Я читала его в глазах Оскара и что-то мелькнуло у меня в голове, что можно сделать и такое внимательное предложение. Прийти и стать его гостьей на ужине из прочного символизма в душе, чтобы больше никогда на такое не обижаться. Я несла свой смысл прямо внутри направленного тела и лично не знала, что скажет мне сегодня этот бодрый день. Но в груди kloкотало сердце с такой бешеной силой, что я по очередному роману местного писателя смогла бы точно догадаться, что в таком конце. Где пребывает его главный герой или в какой сердцевине ужаса таится мой личный путь символа наверх, чтобы раскрыться как прекрасная дама и вычленив там весь свой датский юмор. Будто бы я сама знаю, как можно говорить на трёх разных языках, не запинаясь и нисколько не пережёвывая свою раскрашенную гордость изнутри. Когда работа могла бы поглотить моё неудовлетворённое тщеславие, но лишь отворив дверь рукой — я странно могла бы понять ту тяжесть, что несу сегодня лично.

А несла я множество других оперений и смыслов, чтобы просто выживать в своём семейном положении. Чтобы не знать, что летая и дёргаясь внутри повседневных дел — я не стану там иметь уже людской болезни, но буду тщательно

скрывать свой апокалиптический ужас, что роится на самом конце дружбы. Или желания быть просто любимой женщиной, менять там правила хорошего тона и выключать свой, когда выходишь из своей комнаты. Так, достигая своей неизбежности Трюд могла просто молиться внутри самой себя, что будет правильной и сегодня. Я пришла на встречу вечером и уже окаменела от первого взгляда на Оскара. Он пришёл с букетом красных роз и немного улыбался мне издалека. Чтобы тайна могла показать там каждое дуновение тревожной картины внутри такой погодной романтики. Чтобы потом точно знать, что может наступить прямо в конце уже перевёрнутой пирамиды ценностей. Или упасть тебе смело в руки и не мучить ласканием такого требовательного тона от мужского голоса.

Ведь ласкание внутри голосовой традиции быть нужным человеком тревожит меня постоянно. Когда я смотрюсь в такое строптивное зеркало, то не вижу уже его обратных линий, но жду, что будет совсем по-другому. Думаться мне в дальнейшем или переживаться уже на другом закоулке живого космоса, где и сама я не хочу помогать выживанию чужих тайн, но должна. В моём голосе не было тревоги, но я стояла и смутно представляла себе, чем закончится эта встреча. В моём воспоминании — это был первый случай со времён нашей свадьбы с Магни. Он не думал больше обо мне плохое, ведь сам попросил меня сделать такую работу. Я лишь сказала ему, что может закончиться всё необычным

способом, но про вечернюю встречу с Оскаром умолчала. Ведь небольшой кураж должен был бы присутствовать внутри моего голословного хаоса в жизни. Я только хотела внести небольшую сумятицу и найти там откровенный ответ на то, как пережить трудный для меня возраст.

У меня получилось с переменным успехом, но к тому я и стремилась. Чтобы поддать немного благородных линий даме и спасти своё неумение говорить прямые глупости. Я мечтала стать полезной и благородной дамой, как можно представить внутри идеальной души. Но блуждала от такой ревности, что сама стала пребывать в не прерываемом токе ужасного ожидания к будущему жизни. Внутри я достигла своей неизбежности говорить только правду, но менять при этом относительный свет личности. Он так относился бы к моему тревожному возрасту, что ставил плотные тени вокруг даже мимолётных свиданий. Всё прошло хорошо и даже лучше, чем могла бы ожидать Трюд. Уже на следующий день я могла быть дамой, окутанной непревзойдённой тайной. В ней щекотали нервы и блистало такое внутреннее спокойствие, что готические крылья охватывали мой пейзаж слабости и женской натуры. Да так, что я могла быть теперь и слабой женщиной, и требовательной леди внутри необычного самопознания личности и какого-то смытого ужаса привилегий в себе. В затухающей манере свиданий и страстей уже прошёл пятый четверг, но мне хотелось всё больше и больше.

Моя сделка с Оскаром затянулась и пришлось придумывать разные причины тайных встреч. Я мечтала уже поскорее всё выяснить, но была постоянно в приподнятом настроении, как будто бы видела картину жизни по-другому. В ней всё то же серое отражение Копенгагена сменяли тихие и разухабистые улочки какого-то другого города. Может там и жил Оскар, но видел мои глаза, как будто родные. В них все тайны становились такими очерченными, что можно было бы убежать куда-то назад и не вернуться больше никогда. Ни в такую среду человеческого ощущения мира, ни в другое поле первозданной красоты, но видеть только глаза дамы напротив. В них я отразила такой же космос и договорилась о деле, которое нужно было выполнить. В меня вошла надежда, как будто бы ангел и смыла то очередное порождение хаоса, что мучило всю неделю, а может и две. На таком свидании можно даже забыть и не думать вовсе о ничтожности жизни, но я думала постоянно. О своей и может о жизни Оскара, чтобы поменять там тщеславие и сохранить не такую беседу, а внутренне более справедливую, чем сегодня.

В таком зазеркалье я отражалась уже, как вековая датская статуя, в которой нет простого выхода на улицу или нет входа обратно туда же. В моих глазах блуждали синие огни прочной материи страха, но на близком расстоянии этого не было почти что заметно. Видно мой опыт личного состояния зрелости сделал всё более вынужденную остановку и я села на другой похожий транспорт. Чтобы играть там уже с другим

человеком и не думать, как много могут значить глаза без явления яркости или смятенной формы красноречия быть нужным или доверчивым человеком. В таком же подъёме я стала менять картину схожести уже в глубине атмосферного космоса и говорить, что всё получилось. Магни закончил эту сделку и вышел, как полноценный мотив своей доигранной мелодии. Чтобы потом сыграть уже другую и может быть опять на моих нервах, но уже с другим концом. Он стал бы предсказуемым для меня, но Трюд не объясняла подставы для своей наглости говорить, а только сменяла тон. Сегодня он был серый и гротескный, а завтра может вымученный таким же однообразием жизни и впаянной волей быть немного тщеславным человеком.

Наступал типичный апрель, а вслед за ним тянулся бы мнительный май, в котором так немного событий для меня, но много переживаний будущего лета. Я стала мечтать уже о нём и о той поездке, которую запланировала вместе с Агнес, но трудно было убедить себя сегодня говорить простое: «Да». Я будто бы привередничала перед стоящим зеркалом в коридоре или меняла свой тихий навес над дружбой, на что-то необычное и потустороннее, что можно положить себе в правую ладошку. Там я нисколько не сомневалась, что стану внутренне уверенной и зыбкой, когда мы вместе с Магни попадём на необитаемый остров. Он будет наверно всё таки в Африке, а может моя мнительная фантазия придумает что-то небольшое и очень весомое. Такое, что мне захочется по-

любить этот находчивый мир или сделать внутри него одну большую середину. Я не думала много философствовать, но терзала свой дикий пролог души, набирая туда всё больше и больше гостей такого терпения, что захочется вызнать ещё в жизни.

И каждый раз, только думая и меняя внутри середину условной причины жить — я падала в себе самой, чтобы в очередной раз подтвердить своё сумасшедшее состояние. Наверно Оскар возбудил во мне такого монстра. Ведь он был таким галантным до самого конца. Я точно не знала, чем закончится вся эта строгая перипетия мудрости и лени, но выдохлась уже и на этой середине. Внутри моего космоса сознания летело туда одно только обещание — не делать зла другому человеку. Там я не думала строго, но переживала, что мои свидания с Магни закончатся чем-то плохим или я сама не стану терять времени, и может, в будущем и сама закончу тот смысловой рок. Внутри меня всё теперь сжималось и требовало многих тайн. Насколько я могла бы породниться с досадой в своих вымученных желаниях жить. Вроде бы только всё начиналось, но это начало было для меня тихим концом. Наверно уже какой-то другой встречи с перевозданным космосом, что одевает свои глаза или прячет последнее междометие на выдохе вон.

К маю у меня разродилось подозрение, что Магни уже всё знает и наша поездка летом может не состояться. Но я молчала и вела его дела с большим трудом и невероятным за-

нудством. Ещё немного таких дел и мне будет мерещиться, что я просто знакомлюсь с окружением мужа, а потом они начинают приставать ко мне. Эдакий кураж на самой сердцевине моего щепетильного семейного брака. К такому совершенствованию мира изнутри я была совсем не готова, но шла и как бы закрывала на этом свои глаза. Чтобы, мечтая ещё раз понять, как можно встрянуть в такое необычное состояние мира и стать там оппозицией в унижении к мечте. Но моя мечта не была такой огромной и злой. Я пряталась за неимоверным ужасом лечить сегодня свои страхи и просто жить. А, проживая тот тонкий трепет юмора я не могла не обращать своего внимания, что Магни стал смотреть на меня как-то отстранённо или отчуждённо. Может он просто проверял меня на вшивость?

Эта мысль блуждала в моей голове много часов подряд, но так и не застряла на положении стрелки часов. Уже в конце мая я опять созвонилась с Агнес и предложила ей подумать о предстоящем турне. В моей голове крутилось много мыслей, но хотелось поехать куда-то на юг. И тогда мы выбрали Египет или Тунис и с радостью вышли к тому измерению важности жизни, что можно уже не умирать никогда. Просто ждать, что тебя заберёт местный дух пирамид или скажет тебе, что ты самый сильный человек на этой планете. Поездка должна была состояться в июле, когда бы все дела непременно уже бы нашли свой выход или попросту закончились. Я переживала больше всех, но не подавала даже виду, созывая

издалека голубей внутренним глазом или думая, что найду свой выход как-то по-другому. В моей голове томились такие притчи, что сказать об этом было бы не случайностью, когда ты стучишься в дверь и тебе никто не открывает. Я ждала чего-то неопределённого, но меняла цвет души так быстро, что он сквозил и дышал на моих растерянных плечах.

Вдруг, в одно из утро мне позвонил Оскар. Он сказал, что ему нужно срочно сделать кое-какую работу и что он хочет со мной посоветоваться. Но ведь это было против правил? Только каких правил? Тех, которые я придумала сама для себя или тех, что мне придумал Магни на своём эксперименте? Я билась во внутренней истерике, но сменила свой тон на душевное равновесие, чтобы просто успокоиться и найти те точки соприкосновения с мудростью, что помогли бы мне. Там, на расстановке уже другого смысла любви я решила, что буду тайно встречаться с Оскаром и посмотрю, что из этого выйдет. На моём лице не было ни одной морщинки, но во взгляде таилась какая-то лисья неопределённость. Её очертания имели иной выход вокруг такого профессионального мастерства. Когда я молчала и даже, не задавая вопросов могла просто уложить свой космос предварительного стона души и умереть в самой себе.

Такое могильное ожидание проходило постоянно, когда я говорила с Магни, а он в своей растерянности не имел ко мне подхода. Как к человеческому созданию или к лучшей модели сердечной красоты, что теплится на том конце свое-

го символического чувства юмора. Так и я могла бы сегодня взойти на такие глаза, но реальность отражалась уже совсем в иной перспективе взросления. Уже в июне мой тип характера я сменила на датский новый образ временного помещательства. Я постоянно чего-то ждала и не могла внутренне успокоиться, но меняла свой оттенок души, чтобы убажить какую-то слепую форму мнительности изнутри. В такой форме мнительного восторга мой сдвиг был прямо передо мной, а лампа горела так ярко, что несмотря на весь фитиль — его нельзя было чётко увидеть. Только полная Луна на небе могла бы приободрить мой словесный тип жалости к себе, но роняла немыслимый выдох куда-то наверх. Так и я, стояла и отражалась в таком бледном рассвете ночного пейзажа, пока спал Магни и думал ночами всё больше и больше.

В один из дней на таком расстоянии внутреннего космоса я застыла полностью. Ведь нам пришлось уже собираться в поездку и только мы втроём стали бы менять окраску ревности на смысловой шок, когда его не видишь вовсе. Так и я не видела своей шёрстки, но видела только Оскара в его тёмном пиджаке и так хорошо сложенного, что можно было бы говорить вечно. Может с ним, а может в такой безумии — уже обращаться и к причине моей болезни. Ведь любовь не проходит бесследно и мне тяжело там одной: оставаться и ждать, что эта поездка будет прочной и окажет на меня благотворное влияние. Я не могу сказать, в какой из дней я поняла это моё личное ощущение свободы страсти, но выму-

чила тот ток своевременного схода лавины. Когда ты внутри на неё не смотришь, но отражаешься также прекрасно, что и зазеркальные тени в мирном соотношении системы взглядов к женщине.

Я не была внешне больной Трюд, но была в таком состоянии материального восторга, что имела прочный вид насто-роженной гостьи внутри морали. И там, на самом кончике ножа я была бы ещё более свободной, если бы не летела с дикой окалиной смерти. Когда притвориться уже нельзя, но ты точно знаешь, что Трюд может быть счастливой и внутри хорошенькой принцессой на горошине. Ещё бы мой завтрашний замысел помог мне раскрепоститься и выжать ту страсть внутри колодца мудрости, что гибнет на праве в жизни. Гибнет и ищет уже отражение тёмного гоблина, чтобы постичь там фатализм и кромку удовлетворения малого достатка к любезности жить. А жить я могла также неизбежно и робко, как жила бы Трюд на самом таком необитаемом острове. Что хочет понять уже не меня или свой животный мир, но хочет приободрить слабого зверька на уже окончательной пропасти в созданной личности.

Я нашла внутри себя самой такого зверька и просто оробела. Чтобы не мучить собственную гордость я слабо закрылась таким ощущением любви и мучила себя только по ночам. Приближался день отъезда и я сказала об этом Оскару, чтобы тот не мучился и не отваживался гулять около моего дома в такой обстановке. Что хочешь сегодня иметь много

друзей и знакомых, но тянешься к одному единственному человеку, что обещает тебе комфорт, в котором и сам не заподозрит слабое дуновение ветра в голове. В моей всё только начиналось и ждало уже остановленное сходство — быть просто Трюд, но не говорить при этом ничего. Вести себя также естественно и гордо, не опуская свои плечи, но познавать первозданную глубину хаоса только по ночам. Там я могла бы утверждать уже свой тёмный порок или вихрь самоназванной бренности игры воображения, что даже Магни не выглядывал бы за решётку такой мудрости. Когда ты сможешь сделать её самостоятельно, но вокруг никто не сможет её увидеть, а будет тонко прислушиваться к внутреннему голосу и ждать ощущения завтра.

На моём веке я ездила всего пару раз по Европе и не могла себе похвастаться презрительной улыбкой путешественника с большой руки. А может и с большой ноги, что тает постоянно в таком же первозданном мире требований к жизни, которые убегают всё дальше и дальше и не дают мне покоя. Мы вышли из аэропорта и направились прямо в гостиницу Египта. В ней мы оставались всего дней пять, но сколько эмоций я ощутила в такое время, что жар зажёт бы мои глаза всё ярче и ярче. Внутри профессионального чувства юмора я сложила там такую же пирамиду и стала поклоняться местным Богам. Они видно меня слышали и вдруг мне позвонил Оскар. Он сказал, что скучает и не может больше скрывать наших отношений. В такой солидной атмосфере я

прислушалась к откровению внутри и песок сам заговорил из моего брэнного тела зверька. Я стала понимать шум воды и моря, я стала видеть песок не таким жёлтым, как он есть на самом деле. Точно предлагая свои современные пути оправдания внутри психического чутья, будто бы я больна какой-то невыразимой болезнью и мне нет дела до моего лечения. Только внутри сверлит какой-то сверчок и манит к поколению гордости всё дальше и глубже, чтобы неизбежность стала ещё и оправданием мнительности в душе.

В которой я могла бы оказаться уже сегодня. Но только в Египте, где много экзотики ставило мне барьер на лице уже моего женского движения к жизни. Там я меняла опять свою атмосферу мысли и готовилась умереть так быстро, что если Магни всё узнает, то будто бы в одно мгновение. Точно на другой планете нет такого обращённого идеала к жизни, а есть только роковые стечения обстоятельств, за которыми пирамиды могут складывать мой свет уже другой любви или ждать, что я не умру никогда. Я обязалась жить в таком состоянии космоса, и умея чинить атмосферное родство благополучия — я стала летать, точно бабочка по пескам. Мне мерещились древние пришельцы, а также другой мир готического послесловия в любви, как будто бы там нет никого кто бы умер здесь. На планете Земля или в тайне уже современного и сакрального тока игры внутри воображения. Так я следила за глазами Магни, который постоянно поглядывал на Агнес и видно рассуждал, как она выглядит или ведёт се-

бя.

Мне не было больно от такого умиротворённого состояния, но я всегда жаждала сказать что-то большее, то что может пригодиться не только мне одной. Я видела заинтересованные глаза Агнес и не могла понять — какую роль они сыграют в моём будущем уже завтра или, например, через десять лет? Мы зашли в местный музей современного искусства Египта и стали разглядывать бесчисленные фрески. Они стояли так плотно к стене, что казалось нам сделается дурно. В такой атмосфере хаотического движения гигантских линий и монументальной росписи. Когда ты не можешь вычеркнуть из головы свой холод личности, но ждёшь, что он станет таким же мазком по дереву — обдавать тебя тайной живописного символизма. Где, быть может, была твоя древняя тайна или хранилась последнее условие мира на этой Земле. В таком приподнятом настроении я вышла из своего забытья, чтобы опять опомниться в культуре дамского чутья. Не то, чтобы датского, но внутри своей городской атмосферы мне хотелось постоянно спать или лежать.

Мы пошли пообедать в кафе и там я наконец-то расслабилась. Внутри по моему лицу висела такая радостная ухмылка, что нетрудно было бы показаться уже чудаковатой дамой. Магни очень активно пререкался с Агнес и они, будто пешие наследники совести стали менять свой эпатажный разговор на другое поле любви. В нём не было меня и я точно не могу сказать, когда бы я могла там появиться. Я точно призрак ка-

салась каждой части этой мутной атмосферы, а потом будоражила свой противный хвост. Так я собирала свои мысли в кучу волос, чтобы казаться себе более привлекательной или сменять там жару внутри египетских пирамид на бледное поле европейской презрительности. Мы шли по пустым пескам. Где было много начальников и подчинённых, но больше всего мне запомнился юмор Агнес. Она сказала, что снова хочет растащить свои мечты по углам, давно прикидываясь то дуручкой с главной улицы Копенгагена, то монеткой в таком приоритете мудрости, чтобы все говорили только о ней. Я металась из стороны в сторону, чтобы не понять — то ли я могу выглядеть лучше, чем Агнес, то ли мне кажется, что она не дотягивает до моего мысленного идеала личности?

В таком объёме сложной атмосферы говорило что-то неподъёмное и в точности прекрасное, что сами мы могли бы понять, гуляя по Египту. В этой поездке было что-то незабываемое, а стало внутри плескаться — будто мутные воды океанской пучины и донельзя красивые формы мерцающего и важного символизма древности в глазах. Я хотела было предложить ещё куда-нибудь пойти погулять, но ужасно устала, а с моих губ стекала некая форма лени. Чтобы потом запрячь ещё больший смысл — делать ноги, пока не поздно для меня самой. Я не нашла большей причины, чем уединиться одной в отеле, когда Магни и Агнес виделись в кафе. Там я переложила весь свой сознательный опыт на строчки из любимой поэзии, чтобы ещё раз приблизиться к незавер-

шённости этого мира, а также к бледной харизме, которую я так хочу понять сегодня. Я нашла бы её в своих глазах, но угадала только тонкое рождение прежней истины и тон, в котором хочу понять себя саму. Как можно жить или прожить эту жизнь, не перетаскивая свой нервный символ души куда-то на другую половину нравственного одеяла личности.

С такими мыслями я просто заснула в своей огромной двуспальной кровати и снились мне томно прилежные сны о моём прошлом. Я бывало забывала даже свои любимые вещи, которые сама полюбила в прошлом, но сегодня что-то поменялось у меня внутри, как будто бы распустился другой бутон вечности. Во мне он конечно не был виден, но в глазах я так желала приготовить себе надежду на будущее, что не знала теперь в каком обязательстве мне нужно жить. Теряя эмоции и внешний контроль я — то просыпалась, то засыпала и под утро уже поняла, что Магни так и не пришёл. Его не было и в десять часов утра. Он видно остался там в кафе — мучить свои надежды на лучшую жизнь и терпеть свою волю внутри личного символизма гордости. Как и было сказано: я спустилась в кафе и посмотрела, что там происходит. Когда же я услышала звуки мелодичной музыки, а также увидела танцующие пары вокруг стойки бара. Я поняла, что этот вечер Магни провёл уже с Агнес. Не теряя своего времени я быстро вернулась в свой номер и сделала вид, что ничего не знаю или не видела вовсе.

После трёх часов дня пьяный вусмерть Магни ввалился

в номер отеля. Он так хотел прихорошиться на пороге, что выглядел очень неуклюже и радостно, что меня также повеселило. В таком приподнятом настроении я высказала ему пару ехидных шуток про алкоголиков и стала наблюдать, как он пытается раздеться. На моих глазах Магни напивался не очень часто, но это было бы внутри так необъяснимо важно для него, что сегодня был какой-то особенный день. Он стал продолжаться и дальше. По мере того как мы гуляли и веселились в Египте Магни приходил в номер отеля всё чаще пьяный и не мог пристрастить меня к такому же образу жизни. Я медлила и ждала, что скажет на этот счёт Агнес, но она также молчала и не видела ничего плохого в отдыхе на перерыве в шумной людской компании. Если много дам и много положительно настроенных мужчин, то Агнес предлагала только вести там счёт уже прожитых в отпуске дней и не думать о пустяках, а только о самих себе.

С такой эгоистичной установкой трудно поспорить, но внутри моего счастья по-прежнему не было должного баланса в лице идеалов жизни. Я желала не насильно стремиться к чему-то недостижимому, а плыть по течению, как будто бы оно стало для меня вечно тёплым. И с такой мыслью я отделялась всё дальше и дальше от Магни, а он наслаждался компанией местных дам, где Агнес говорила ему всякие шутки и не мешала попросту отдыхать в Египте. Когда мы приехали в Тунис, то погода была немного более переменчивой и внутри неё не было такого шика или комфорта. Я стала за-

мечать, что неизбежность закрывает мои глаза, чтобы там я могла очутиться внутри уже необитаемого острова. Но такого, где нет ни одного человека, нет там даже Магни. Куда всё подевалось я не знала и не переживала по этому поводу, а погода была то солнечной и ярко прекрасной, то заполняющей ливнями свои мысли и мрачные мечты. Куда не хочется возвращаться, а только, теряя свою снисходительность — иметь при себе пару сотен долларов и быть ближе уже к естественной форме первобытного чутья дамы.

В таком положении внутренней истины я сама, вдруг, оказалась на первобытном поприще своих загнивших надежд. Я стала думать вместо отдыха о том, как можно выбраться с этого необитаемого острова. Как будто бы там я сама себе сделала ловушку и не могу прикидываться больше дурочкой, чтобы говорить глупости. На моём опыте было много событий в жизни, но все они не заставляли меня жить или стремиться к лучшему на пути. В своём развитии я пересекла такую городскую черту, что можно было бы похвастаться и ждать, что дальше я стану, как богатая барышня — уже более щепетильной и молниеносно выгнутой и настигну там всех своих врагов. Они не виделись мне сегодня в Магни, но держали за стыдливое поле пережитой болезни не мою угрожающую и усталость от жизни, а жизнь самого Магни в целом. В таком мире женских переживаний я стала смещаться прямо на половине пути туда, где и находится мой одинокий остров.

Я его уже вижу и сижу на таком необитаемом пространстве, что ощущаю себя довольно благополучной дамой. В которой есть всё: и стиль лаконичной одежды, и промысел уже несбыточных надежд, на которые можно надеть новое кольцо. А также я вижу свои мысленные идеалы, которыми можно управлять в будущем, не травмируя свой душевный плен в уже затронутой точности рождения жить на этой Земле. В планетном отношении мой космос так бы и закончился, но я взяла себя в руки и настала уже, как молодая баронесса из датского и монументального отражения в жизни человека. И таким человеком был Оскар. Он восхищал меня своей мягкостью и трудолюбием, такой безмерной щепетильностью, что видит каждый его глаз и говорит такую полноценную мораль, что можно даже не сомневаться. А я и не сомневалась, но слышала его голос в телефоне и роняла там смартфонные следы своей уже прижитой болезни. Смотрела только в такое отражение честности наедине с самой собой, в которое я сама смогу поверить или вверю уже смысл и мечты, которые люблю.

Из неизбежности такого лабиринта откровений выбрался и мой зверёк няшности. Я насупила свои холки и отрастила тонкий стиль дамского ренессанса, чтобы, когда по приезду в Копенгаген мне сказали, что там я была бы самой счастливой. То я бы наверняка не поверила и стала учить себя самому жить внутри современных утверждений морали. Для меня в Тунисе было много откровенного богатства и также много

скелетов в тайном шкафу. А когда они все вылезали и норovali сменить уже очередное поле маразма в душе, то я совсем не противилась, на просто ждала. Но ждать мне пришлось не очень долго, не так холодно и не смущённо само по себе. В один из вечеров внутри тунисского равноденствия я стала менять свои пароли и выяснила, что мой телефон был вскрыт. Может Магни потрудился уже узнать, что там находится, а может Агнес решила проверить свою подругу на прочность. В такую минуту не знаешь даже, что думать, но видишь, как проносится твой ветер перемен и качает уже отражённую форму морального пережитка в глазах.

Я синела и краснела, но пережила и этот нервный казус. Может Оскар так ничего не поймёт и не узнает, но переживание жизни становилось для меня более идейным, чем сама я смогла бы себе это вообще позволить. Я скатилась на такую площадку древности, что не могу даже попросить египетских Богов о помощи. Они как бы все рассеялись передо мной, чтобы не показывать своих вымученных клыков гордости, а я сама стала стоять и думать, что объединяет этот мир из людей? Может он был, как оболочка из некоего хаоса и там внутри он просто сдулся, чтобы проплыть ещё мириады космических звёзд и в такой тайне найти просто секрет человека? Он мог быть в моём сердце, а стал уже в сердце Оскара. Там я видела его глаза и ждала той самой встречи, чтобы внутри поговорить о самом главном. Меня никак уже не смущали такие пьяные вечеринки, но изменяя свой стиль

личности я несла в глазах один только недоделанный пережиток и он был на мне. А пережиток этот был — мой собственный семейный брак.

В нём можно было бы скатиться в качестве домохозяйки, а можно было бы вырасти простой эгоисткой, но я держалась разумного предела. На такой же остановке гордости из плена умирающего смысла бытия я узнала, что не горюю больше по своему прошлому. А неизбежность желания жить стала и вовсе пропадать, замещая своей харизмой уже новую реальность. В ней оказался Тунис и также отборный стиль отдыха, что видит не только танцующие пары людей, но и относится к тому единственному средству познания истины, как любовь. Когда её не видишь сразу как метафизика, но караешь свой внешний стимул реальности, чтобы вести себя по пути невообразимой глупости и стремиться там упорядочить уже молекулярный космос к завтрашнему здравому рассудку. Я бы хотела приобрести его вместе с Оскаром, но внутренне опять потеряла. Может потому, что он был немного меня моложе и более юркий по ментальным соображениям. Я сменила много точек зрения, но одна у меня прочно осталась в голове. словно искорка от той самой предпочтительности вести ту же разницу мира между мужчиной и женщиной, но не говорить истины до самого конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.